

Владимир Христенко

КАШТАНОВЫЙ СКВЕР

Миколаїв
2020

УДК 821.161.2(477.73-21)
Х 93

Владимир Христенко

Х 93 Каштановый сквер. — Художественно-литературное издание. Николаев: издатель и изготовитель ФЛП Швејц В.М., 2020 — 456 с.

Владимир Николаевич Христенко родился в Николаеве 22 апреля 1954 года. После окончания 7-й школы г. Николаева продолжил учёбу в Николаевском кораблестроительном институте, где и остался преподавать на кафедре сварочного производства. Он кандидат технических наук, доцент, автор более 70 научных трудов в области прочности сварных конструкций и автоматизации сварочного производства. В 1991-93 годах возглавлял Отдел международных связей Николаевского горисполкома.

С 1994 года В. Христенко живёт в Москве. Он является организатором и бессменным руководителем Николаевского землячества Москвы — одной из наиболее авторитетных и уважаемых общественных организаций российской столицы. Стихи и прозу, в том числе и юмористической направленности, он пишет с юности, но рассматривает это своё увлечение исключительно в виде хобби.

ISBN 978-617-7421-21-8

УДК 821.161.2(477.73-21)

© Христенко В.Н., 2020

© Издательство Швејц В.М., 2020

Поэзия Каштанового сквера...

Свою вторую книгу стихов и прозы Владимир Христенко назвал «Каштановый сквер» и это, по всей видимости, совсем не случайно. Расположенный в самом центре Николаева Каштановый сквер является одним из наиболее любимых и посещаемых уголков города и его своеобразной визитной карточкой. Когда-то в далёком детстве автор и сам жил близ него на тогдашней улице Советской и поэтому вполне объяснимо, что такое памятное место настолько ему близко и дорого, что эта любовь нашла своё воплощение в новой книге.

На мой взгляд, «Каштановый сквер» является своеобразным логическим продолжением первой книги Владимира Христенко, увидевшей свет в 2018 году, которая называлась «Николаевский камертон». Об этом можно судить и по структуре книги, и по тематике представленных в ней произведений. Вместе с тем, внимательный читатель не может не заметить, что многие стихи первой книги Владимира Христенко существенно отличаются от тех, которые он представляет тут. Это свидетельствует о том, что автор испытывает некое чувство внутренней неудовлетворенности своим творчеством и постоянно возвращается ко всему написанному им ранее с тем, чтобы по прошествии времени по-новому оценить и переосмыслить свои произведения, доводя их до совершенства.

Как и в первой книге, многие стихотворения Владимира Христенко посвящены Николаеву — дорогим и памятным для автора местам родного города, его друзьям и коллегам, детским воспоминаниям. В первую очередь, это, конечно же, его любимый Сухой фонтан, где он когда-то родился:

*У реки, на улице Террасной,
В неказистых юнтовских домах...*

Этому, знакомому многим николаевцам месту, он посвящает сразу несколько своих стихотворений, в которых явно отражена ностальгическая привязанность Владимира Николаевича к тому, что

его окружало в далёком детстве — тенистым аллеям, каскаду неработавших долгое время «сухих» фонтанов и вечерним посиделкам с соседями во дворах...

Совсем иные нотки чувствуются в тех стихотворениях автора, которые он посвящает другому памятному для него месту, центру Николаева, улице Советской (ныне — Соборной) и Каштановому скверу, где прошли его школьные годы:

*Мне эта улица знакома
С непостижимо давних лет,
Где львы с аркасовского дома
Собой венчают паранет...*

Читая эти строки, искренне веришь автору, потому что эти слова могли бы сказать многие тысячи николаевцев, ведь аркасовские львы Каштанового сквера давно уже стали местом

*... где каждый третий
На них сидел хотя бы раз.*

Впрочем, не только к отдельным уголкам родного города Владимир Христенко относится с трепетной сыновней любовью — весь Николаев, несмотря на то, что давно уже не живёт в нём, он по-прежнему считает своим, а себя самого — неотъемлемой его частью.

*Этот город пропитан морской судьбой
И навеки повязан со мною...*

утверждает автор и мы, читатели, искренне верим ему, потому что так может написать только тот, кто по-настоящему любит свой родной город, несмотря на всевозможные передраги и неурядицы.

Отдельный раздел своей новой книги Владимир Христенко посвятил многочисленным друзьям, живущим или жившим в Николаеве, с кем он шёл по жизни, начиная с самого детства и до сегодняшних дней. Они составляют своеобразное «культурное» окружение поэта, по которому можно судить не только о его критериях в выборе друзей, но и оценить насколько широк диапазон этих дру-

жеских уз и привязанностей, которыми он, по его собственному определению, «повязан» с Николаевом.

Это знаменитый мэр Николаева Владимир Чайка, прославленные корабли Игорь Овдиенко и Валерий Бабиц, директора библиотек Татьяна Роскина и Татьяна Твердая, артисты цыганского ансамбля «Бахталэ» Владимир Юрковский и Ляля Лизгунова, воин-афганец Александр Завражин, директор Николаевского зоопарка Владимир Топчий, артисты Русского драматического театра Анатолий и Людмила Соколовы и, конечно же, его многочисленные друзья и коллеги по перу: Вячеслав Качурин, Дмитро Креминь, Лариса Матвеева, Аркадий Суров, Александр Иванов, Александр Финогеев, Надежда Щедрова... Разумеется, это далеко не полный перечень «дружеских привязанностей» Владимира Николаевича, но обращает на себя внимание то, с какой теплотой и любовью пишет он о каждом. При этом поэт никогда не опускается до банального словославия и панегириков в их адрес — часто эти посвящения имеют шуточно-юмористический вид, с неожиданными «подколами» адресатов, что, впрочем, всеми всегда воспринимается с юмором и пониманием.

В этой связи, разумеется, нельзя не пройти мимо знаменитых и многим полюбившихся пародий Владимира Христенко на стихи как николаевских, так и иногородних авторов. Как правило, эти пародии всегда неожиданны, всегда смешны и легки для чтения. К слову, я и сам давно вошёл в число пародируемых Владимиром Христенко и ничуть не в обиде на него за это. Более того, мы нередко даже выступаем с ним вдвоём перед различными аудиториями, где я читаю свои стихи, а он пародии на них, и не припомню случая, чтобы эти выступления не сопровождались добрым смехом и аплодисментами.

В заключение добавлю, что помимо этих разделов, в своей новой книге Владимир Христенко отдельно выделил стихи, посвящённые детям, свои прозаические произведения и такую, не часто встречающуюся рубрику, как «Подписи к различным фото». Всё это свидетельствует о большом и разноплановом диапазоне творческих интересов автора и, несомненно, привлечёт внимание самых широких слоёв его читателей и почитателей.

Вячеслав Качурин

ПОЭЗИЯ

*Автор выражает искреннюю признательность
всем моим друзьям-николаевцам за проявленное
внимание и помощь в издании этой книги*

Каштановый сквер

Екатерине Голубковой

Мне эта улица знакома
С непостижимо давних лет,
Где львы с аркасовского дома
Собой венчают парапет
И с высоты своих столетий
Привычно смотрят мимо нас
На город мой, где каждый третий
На них сидел хотя бы раз.
И я их знал не понаслышке,
А в детстве так хотелось мне
Сидеть, тогдашнему мальчишке,
У них на мраморной спине.
Теперь со мной приходят внуки
И по традиции всерьёз,
Привычно запускают руки
В разводы мраморных волос.
А львы глядят невозмутимо
На эти шалости вприщур,
На время, что проходит мимо
Двух нестареющих фигур,
На старый сквер, где неизменно,
Не поднимая головы,
Невозмутимо и смиренно
Лежат аркасовские львы...

Nostalgie...

Лечу на свидание с городом южным,
Где я становлюсь постепенно ненужным,
Немного чужим и отчасти забытым,
Как будто волною ингульской смытым.
И смутно душе и слегка неуютно
И память срывается ежеминутно,
В далёкое детство, в эпохи иные,
Где спать не давали гудки заводские,
А вечером, кажется, весь Николаев
Спешил на футбол на подножках трамваев,
В яхт-клубе оркестры играли исправно —
Давно это было, а вроде недавно.
Уходит эпоха и я вместе с нею —
Я чувствую это — наверно, старею.
И всё-таки хочется снова и снова
В мой город, который я знал с полуслова,
Увидеться с ним, невзирая на смуту,
Пусть даже проездом, хотя б на минутку...

Этот город...

Этот город пропитан морской судьбой
И навеки повязан со мною —
В этом городе мы повстречались с тобой
И бродили Большою Морскою.

Укрывался снегами бедняга-Ингул,
Задувало Слободку ветрами
И неведомый кто-то опять нас тянул
Побродить под его сквозняками.

И, казалось, наш город так мал для двоих,
Что пространства его не хватало —
Всех его переулков и улиц ночных —
Было нам, до обидного, мало.

Нас луна уводила Большою Морской,
Согревая озябшие руки —
В этом городе было б так сладко с тобой,
Если б только не горечь разлуки...

Между третьей и шестой...

Стихи, которые поймут только николавицы...

В этой точке на планете
Мир по-своему велик,
Там ведь знают даже дети
Свой особенный язык.
Если не был тут ни разу
Даже исподволь порой
Не поймёшь простую фразу:
«Между третьей и шестой»

Здесь особая планета,
Даже с воздухом своим —
Он без запаха и цвета,
Но нигде не повторим.
Здесь мы жили и выросли,
И катились чередой
Наши годы, как недели,
Между третьей и шестой!

А теперь душа не знает,
Маясь, словно в кабале,
Отчего ж ей не хватает
Этой точки на земле,
Где бы ей на этом свете
Обрести себе покой —
На моей большой планете
Между третьей и шестой...

А помнишь, искры биотоков
В тиши яхт-клубовских платанов,
Когда сбегали мы с уроков,
Чтоб целоваться у фонтанов?
Ах, как же дивно пахли губы
И так малиново пылали,
Что никакие там яхт-клубы
С тобою мы не замечали.
И вот теперь, скажи на милость,
Куда всё это подевалось —
Так незаметно испарилось
Нам не оставив даже малость?
И как-то всё ушло куда-то,
И мы невольно потерялись—
Наверно, время виновато,
Что так нелепо мы расстались....
И даже сам порой дивишься,
Когда неожиданно, неуместно
Ты иногда мне вдруг приснишься,
Хоть и нечасто, если честно.
И я потом опять ночами
Яхт-клуб зачем-то вспоминаю...

А что же было между нами?
Да я и сам теперь не знаю...

Старый николаевский яхт-клуб

Мы были и моложе, и подвижней,
И в наш яхт-клуб ходили, как в кино.
Валерка Бабиц там играл на Нижней,
А рядышком, на Верхней, пел Вано.
Такое позабудется едва ли,
Как без вина пьянели мы тогда,
А у девчонок так глаза сияли,
Как не сияли больше никогда!

Да что теперь судить вчерашней меркой
О прелестях давно ушедших дней —
Я нынче вижусь с Бабицем Валеркой
Всё чаще на поминках у друзей.

Сегодня есть места куда престижней,
Чем старый наш яхт-клубовский уют,
Где не осталось ни следа от Нижней,
Да и на Верхней песен не поют...

Ах, время! Чтоб тебе не торопиться
Тут всё переиначить на бегу, —
Мне иногда ночами даже снится
Тот наш яхт-клуб на бутском берегу,
Где было всё привычно, всё в порядке:
Ночное небо, звёзды и вода,
Где Бабич пел на Нижней танцплощадке,
Ну, а Вано — на Верхней, как всегда...

Из детства...

У реки, на улице Террасной,
В неказистых юнтовских домах,
Следуя традиции негласной,
Всё всегда решалось во дворах.
Собирались к вечеру соседки
И трепались чуть не до зари...
Тут же мы крутились, малолетки,
В истины вникая изнутри.
В тех сухофонтановских декорах,
Видимо, иначе жизнь текла,
Раз могли мы в этих разговорах
Постигать азы добра и зла.
Нам тогда казалось, что с годами,
Всё на свете будет по плечу...
Что ж теперь, с осенними дождями,
Я, как лист оторванный, лечу?
Сам себя ругаю и жалею,
Что впустую столько лет ушло,
Да, признаться, так и не умею
В людях различать добро и зло.
Только часто осенью ненастной,
Снова вижу детство невпопад,
Как по нашей улице Террасной
Листья пожелтевшие летят...

Осенний этюд

Дождей осенних запоздалость
Невыразима на холсте...
Сухой Фонтан — какая жалость
В его предзимней пустоте!
Когда с тревогой ежечасной,
Грозит дождями полутьма,
Когда на улице Террасной,
Как будто вымерли дома.
И люди в одеяньях скудных,
Слегка подняв воротники,
Домой от скверов малолюдных
Бегут, укрывшись воровски.
И проклиная всё на свете,
Они с практичностью людской,
Мечтают вовсе не о лете,
А только бы скорей домой.
Видать, в предчувствии простуды,
Смотреть и впрямь не вмоготу
На поздней осени причуды —
Сухих фонтанов мокроту...

Осень на Сухом Фонтане

Нынче осень привычно уныла,
Обрывая листву с тополей —
Ты, конечно, давно позабыла
Тишину этих старых аллей.
Там сегодня лишь ветер с лимана
Одиноко играет листвою,
Где под сенью Сухого Фонтана
Мы когда-то бродили с тобой.

А сегодня насмешница-память
Мне зачем-то напомнила вдруг,
Как мечтали мы переупрямить
Предсказателей наших разлук!
Мы над ними смеялись беспечно
И спешили сюда, как домой,
Словно эти аллеи навечно
Нам дарованы будут с тобой.

Ах, как время безудержно тает
В череде убегающих дней —
Мне сегодня и впрямь не хватает
Тишины этих старых аллей,
Там, где в сером осеннем тумане
Наши давние встречи с тобой
На Сухом, опустевшем Фонтане,
Замечает опавшей листвою...

Летний ангел

Луны недремлющее око
Скользит по тишине ночной,
Где ангел бродит одиноко
По улице Большой Морской.
Уже давно умолкли звуки,
Дома уснули в тишине,
А он, не веруя в разлуки,
Свои стихи читает мне.
Они плывут над мостовою
Куда-то в прошлое, туда,
Где были только мы с тобою
В том нашем августе, когда,
Бродя по замкнутому кругу,
Одни среди ночных домов,
Читали мы стихи друг другу,
Спасаясь исцеленьем слов.
И эта магия ночная
Ещё не знала наперёд,
Что наша улица Морская
Нас от разлуки не спасёт.
Что сентябри, сменяя лето,
Всё могут выветрить порой.
И только он не верит в это —
Мой ангел на Большой Морской...

Сухой Фонтан

Татьяне Роскиной

На полуострове песчаном,
Где волны бьют прибрежный ил,
Мой дивный город над лиманом
Моею колыбелью был.

Я с этим городом сроднился,
И мне, наверно, суждено,
Чтоб он теперь ночами снился,
Как детства старое кино.

И с той поры таким желанным
Мне стал мой постаревший двор,
Где этим воздухом лиманным
Не надышусь я до сих пор.

И словно мы не расставались
И, кажется, ещё вчера
Мы у фонтанов собирались
И пели песни до утра.

И это всё казалось вечным —
И мы, и наш Сухой Фонтан,
Где был весёлым и беспечным
Прибрежный старый ресторан.

А нынче там иное время —
И в тишину моих аллей
Приводит нынешнее племя
Своих сегодняшних детей.

И только стёртые ступени,
Законам жизни вопреки,
Хранят, как память, наши тЕни
В тенИ фонтанов у реки.

И мне, конечно, не хватает
Таких минут, и город мой
Всё это тоже понимает,
Когда прощается со мной.

А я привычно погружаюсь
В московских дел водоворот,
И долго-долго с ним прощаюсь,
Чтобы вернуться через год...

Уходит время...

Игорю Овдиенко

Уходит время. Безмятежно,
В тиши отсчитывая срок,
Неумолимо, неизбежно
Уходит, как вода в песок.
И город детства, как в тумане,
Сегодня кажется другим —
Мы жили на Сухом Фонтане,
Он был уже тогда с у х и м.
Но был лиман с его прохладой,
Цвели акации кругом,
И соловьиной серенадой
Вставало утро за окном.
Теперь поверится едва ли —
Какие нынче соловьи?
А вот ведь как! Они запали
В воспоминания мои...
Я помню, шли суда в загрузке,
Речную рассекая гладь,
Гремел трамвай на Спасском
Спуске. И утром, не давая спать,
Брили молочницы устало,
Стуча бидонами впотьмах,

И, как обычно, не хватало
Воды на верхних этажах.
Но разрывал мою обитель
Всепроникающий футбол,
И стадион «Судостроитель»
Взрывался на забитый гол...
На это, как всегда, с издёвкой,
Соседки скалились взахлёб,
А мы мудрили с газировкой,
Чтоб получить двойной сироп...
Скользили шустрые ракеты
По водной глади каждый час,
А город мой встречал рассветы,
И неизменно мимо нас
Лавиной шла толпа народа
Пешком от дома своего
До Черноморского завода,
Ещё великого, того...
Сегодня старые маршруты
Воспринимаются, скорей,
Как архаизм и атрибуты
Давным-давно ушедших дней.
И только память, будто бремя,
Во мне отсчитывает срок.
И вижу, как уходит время.
Уходит, как вода в песок...

Город на букву М...

Ну, здравствуй, город мой, трудяга-корабел!
Проходят годы, а тебе и сносу нет.
А я, как видишь, безнадёжно постарел
И поседел за эти тридцать-сорок лет.
А помнишь, город, как запретами вопреки,
Мы пацанами в детстве бегали в яхт-клуб
И заплывали непременно за буйки,
До невозможно посиневших наших губ.
Из окон мамы зазывали нас домой,
А мы отчаянно таращились в зенит
И всё мечтали увидеть во тьме ночной,
Когда опять Гагарин в космос полетит.
Да разве это перескажешь на словах,
Как мы гордились и весь город ликовал...
А я, пацан, сидел у папы на плечах
И громче всех своё «ура» всюду кричал...

И вот прошло каких-то тридцать-сорок лет.
Из тех мальчишек не осталось ни души,
Да и дворов тогдашних тоже больше нет —
Их по рукам поприбирали торгоши.
И стало как-то неуютно от того,
Что кабаки огнями блещут средь халуп.
А мне особенно обиднее всего,
Что чёрт-те чем они застроили яхт-клуб.

А наши выросшие дети в двадцать лет
Не вылезают из фейсбуков и пивных...
Они всю ругают наш менталитет
И учат нас, как мы учили прежде их.
Уходит что-то из души, как ни крути,
Да только это им, конечно, невдомёк —
У них, сегодняшних, Гагарин не в чести,
А мы — и вовсе унижительный «совок».
Мне б тут обидеться. Да дело же не в том,
Что я теперь не понимаю их совсем —
Мне жаль, что город стал каким-то чужаком
И называется теперь на букву М...

Гастроном на Советской

Пленяя мир улыбкой детской,
В тот день я счастлив был с утра —
Мы с мамой. Утро на Советской.
И летний дождь, как из ведра.
А мы вдвоём под чёрным небом
Одни, среди толпы людской...
То была очередь за хлебом —
Буханка в руки. По одной...
И мне казалось: в целом мире
Такой картины не сыскать...
Стояли мы часа четыре.
Не помню. Может, даже пять.
Перетерпев людскую давку
И сто скандалов по пути,
Пока к заветному прилавку
Мы, наконец, смогли дойти.

И вдруг, с наскока, перебранка,
Как искра, озарила свет:
Зачем ему — малышу, буханка?
И мама, помнится, в ответ:
— Что мы же с ним вдвоём стояли...
Короче, был большой скандал.
И тетки, распалясь, орали,
И я, насупившись, стоял.

Они кричали: «Как не стыдно?»
И, вероятно, оттого
Мне было горько и обидно
И непонятно ничего...

Я и теперь смогу едва ли
Забуть то утро под дождём:
И этот хлеб, и гастроном,
И всё что с нами было в нём...
А хлеба, кстати, мне не дали,
И мама плакала потом.

Маме...

В альбоме старых фотографий —
Палитра всех ушедших лет,
Хоть там ни слёз, ни эпитафий,
Ни даже капли грусти нет!
Там жизнь какая-то другая —
Не для сегодняшнего дня...
Вот мама смотрит молодая
На первоклассника меня.
А я свечусь улыбкой детской,
И все вокруг глядят на нас,
Как мы шагаем по Советской
В седьмую школу, в первый класс...
И тут же, как мороз по коже,
От осознания того,
Что мама там меня моложе,
Моложе сына моего!
Иной бы начал удивляться,
А я держу её портрет
И сам себе боюсь признаться,
Что мамы сорок дней, как нет...

Мама ушла из жизни 3 февраля 2019 года в Николаеве...

Две дороги

Памяти ушедших николаевских поэтов

Пока тебе не выйдет навсегда
Сменить свою земную обстановку,
Ведёт тебя полночная звезда
По двум дорогам: в Вечность и в Мешковку*.
И всё, что ты писал, чего достиг,
Просеет время без предубежденья,
Чтоб выбрать из твоих десятков книг
Две строчки одного стихотворенья!
Несправедливо? То-то и оно!
Но, на какую не иди уловку,
Есть две дороги — третьей не дано!
Кому-то в Вечность, а кому — в Мешковку...

* Городское кладбище в Николаеве

СПАСИБО ВАМ, МОИ ДРУЗЬЯ...

*Спасибо вам, мои друзья,
Что я для вас хоть что-то значу,
Что дружбу с каждым, не тая,
Воспринимаю, как удачу.
Что я без этого и дня
Прожить не смог бы очевидно —
Мне за друзей моих не стыдно,
Как им, надеюсь, за меня!*

Пророк

Вячеславу Качурину —
другу и поэту

Когда безверия и смуты
Умами властвуют людей,
Когда шуты и баламуты,
Куражась на земле твоей,
Забыли стыд и покаянье
От искушений и забав,
Храни, Поэт, своё призванье,
Строкой единой не солгав!

Когда придворные кликуши —
Услужливые дети лжи —
Калечат гимном наши души
За дармовые тиражи.
Когда убогость и бездарность
Затмили разум у людей,
Не принимай за благодарность
Кураж имущих дикарей.
Не соблаз니스ь принять измену
За их Иудины гроши...
Плати, Поэт, тройную цену
За чистоту твоей души.

И в мире нищих и убогих
От одиночества устав,
Гордись, что был из тех немногих,
Строкой единой не солгав!

Когда ещё совсем не виден
Всего грядущего исход,
Когда циничен и постыден
Людских измен водоворот.
И в этой круговерти смуты,
Где торжествует балаган,
Храни себя для той минуты,
Когда рассеется туман
И призовет тебя Всевышний
Ответить за твои дела,
За то, что в жизни был не лишний,
Звоня во все колокола.
И не пошёл с людским потоком,
И не был сам с собой лукав.
Ты просто был Его Пророком,
Строкой единой не солгав!

Зима

Ларисе Матвеевой

Луна светила тусклым светом,
И в полуночной тишине,
Едва заметным силуэтом
Виднелась женщина в окне.
Она притягивала взгляды
Случайных уличных зевак
И молча, будто бы с досады,
В окно глядела просто так.
И в забытии заворожённо,
Уставясь в точку на стекле,
Она смотрела отрешённо
На ночь бесснежную во мгле.

И в этой чисто женской роли,
Во взгляде, устремлённом вдаль,
Читались отголоски боли
И одиночества печаль.
И то, что ей не так живётся,
Как, может быть, хотелось жить,
И как-то всё не задаётся,
Хотя кого же в том винить?
Вот и костюм хотела новый,
Да, как обычно, денег нет,

И муж какой-то непутёвый,
И дочке скоро двадцать лет,
А в жизни что-то не сложилось...
И как-то всё не по уму,
Совсем не так, как в детстве, снилось
И непонятно почему...
И эта смутная тревога
Плелась морщинкой на челе...
А, впрочем, не гневи ты Бога —
Живут и хуже на земле!
Другим, поди, намного хуже,
Когда случится быть одной,
А тут ведь, всё-таки при муже:
Какой ни есть, а всё же, свой...
Давно истлела сигарета
От этих вечных женских тем,
Неразрешимых до рассвета,
А, может, даже и совсем...
Зима за окнами стояла,
Бледнело небо в вышине,
А в доме, с лампой вполнакала,
Курила женщина в окне...

Вячеславу Качурину

Когда ты уйдёшь навсегда в предрассветную тьму,
Туда, где уже никогда не увидеть рассвета,
Где вряд ли печалиться будут о том, почему
Не стало на свете Пророка в обличье поэта.

Отряд, как всегда, не заметит потери бойца
И новое утро взойдёт по вчерашним тропинкам,
И люди с обличьями сфинксов на месте лица
Привычно пойдут по своим кабинетам и рынкам.

И ни на песчинку, ничем не изменится мир,
Где правят законы привычных карьерных ротаций,
Как будто бы жизнь заключается в смене квартир,
Чинов, кабинетов и прочих мирских декораций.

Где каждое утро несут свой «натруженный крест»
Чиновники, судьбы, начальники и прокуроры,
И в мерной тиши кабинетов присутственных мест
Привычно решают свои бесконечные споры.

И будут они: и вчера, и сегодня, и впредь —
Кого-то карать, а кому-то идти на уступки,
Ходить в магазины, скупая обновки и снедь,
А после в семейном кругу обсуждая покупки.

Ах, если бы всё, что ты в жизни купил и скопил
Легло бы потом на твои надмогильные плиты...
Какие бы лица лишились покоя и сил,
Какие бы тайные тайны нам стали открыты!

А истина в том, что строка, просветившая нас,
С лихвой перевесит вагон барахла пустоцвета.
И нужно — всего-то услышать, хотя бы сейчас
Обычное слово Пророка в обличье поэта...

Діоген

Дмитру Кременю

Десь читав я, мабуть, в інтернеті,
Нібито із давніх ще давен
Жив один дивак на цій планеті —
Справжній, не казковий Діоген.

Теж філософ і поет за фахом,
Все книжки писав і взагалі
Жив на п'ятім поверсі, під дахом,
Десь отам — не в нашому селі.

Він ходив і в дощ, і в хуртовину,
Плентав по дорозі кожним днем —
Все шукав серед людей Людину.
І не бачив, навіть з ліхтарем...

*Вірш ілюструє картина художника Андрія Антонюка
«Тиха молитва» (2012 р.)*

Дратувався від того до болю,
А коли вже знемагав і сам,
Він молився на дружину — Олю,
Бо ж на кого ще молитись нам?

Кажуть, він блукає і понині —
Все шука людей у світі цім...
І лише сумує, що дружині
Трошки важкувато з ним таким...

Так і я, шукаю їх повсюди,
Посеред дорослих і дітей:
Де ж вони поділися, ті люди,
Що хоч трошки схожі на людей???

І коли невдача, як скажена,
І мені від цього ж душу рве,
Я дивлюсь на того Діогена,
Що на п'ятім поверсі живе...

Прометей

Дмитру Кременю

Він жив, де люди не живуть.
На п'ятім поверсі, під дахом —
Таким собі самотнім птахом,
Щоб краще Господа почуть.
І люди бачили й не раз,
Як до поета серед нОчі
Господь приходив, водночас,
Слова послухати пророчі.
Бо мав поет чудовий дар
Перекладатъ Господнє слово
І світ нести до яничар,
Що жили поруч випадково.
І він, як давній Прометей,
Освячений Святим Покровом,
Ходив, щоб лікувати словом
Тих збожеволених людей.

Бо знав, що вислови старі —
Це промінь чистої блакиті,
А світ живе, допоки в світі
Є кобзарі-кременярі!
А люди пили й сперечались,
Ділили душі і майно.
І навіть Бога не боялись,
Бо вже й не вірили давно...

І люд простий, і посадовці
Не розуміли це буття —
На п'ятім поверсі? В хрущовці???
Отак-то?...Теж мені життя!
При його величі та змозі...
Невже??? А він дививсь услід,
Як йшли невдахи по дорозі
І проклинали Божий світ.
Здавалось, наче божевілля
Покрило маревом міста,
І знову він шукав зусилля,
Щоб їм нести свого хреста...
І тільки іноді спокуса
Несла поету щось сумне
І він зітхав крізь чорні вуса:
«Коли ж це, Господи, мине...»

Вірш ілюструє картина Андрія Антонюка «На Голгофу»

Мовчання волхвів...

Усе минає, та не все мине...

Д. Кремінь

Усе минає, та не все мине!
Мовчать волхви. І нам не зрозуміти,
Що вже давно повиростали діти.
А в нас, мабуть, довіку — все одне...
Одне і те ж! Одне довічне панство!
Летять століття, ледве йдуть роки,
А все не остогиднуть балачки
Про нашу винятковість та обранство...
Ти, наче, одурів, народе мій,
Через отих, що і помруть при владі!
І де ж вони такі беруться б&яді,
Що кожен вчора, мало, не святий!
Ну хоч би хто із них, бодай, помер
В шурачій боротьбі за привілеї,
Та всі вони однакові тепер —
Хоч і пани, а все одне — лакеї!
І ті, що зазивають до «братів»,
І ті, що тягнуть, начебто, в Європу.

А я лише вселенського потопу
Від них не дочекався б хотів...
А, може, і насправді, вже потоп,
Тому й щурі хапають все щосили.

І тільки ми, мій друже, постаріли —
Ну що за туга нам до тих Європ?
Невже і справді доля в нас така,
Щоб сорок років вештатись в пустелі,
Та так і не знайти собі оселі —
Повік тягнути долю жебрака
І вірити, що це обставин збіг,
І в розпачі горлати по майданах,
Допоки навесні розтане сніг
І сива мати вийде на поріг:
— А ти все, синку, там — в заробітчанах?
— Та ж я хіба один?

І не збагне
Душа, що вже повиростили діти.
Мовчать волхви. І як нам зрозуміти,
Що все минає, та не все мине?

Реквием

Памяти Владимира Чайки

Уже не спросишь: каково
Быть белой птицею в полёте,
Где каждый миг в судьбе его,
Как судный день на эшафоте.
Когда в прицеле тысяч глаз
Не оступиться, не сорваться,
Когда ты вынужден подчас,
Лишь обречённо улыбаться,
Не в силах выплеснуть слова
И разрывая сухожилия,
Хрипеть под маской шутовства
Свои пророческие «Крылья»!
Но даже там, на вираже,
Когда всё время против ветра,
Когда до пропасти уже,
Остались доли миллиметра,
И наступает твой черёд
Сорваться на высокой ноте
В последний, неземной, полёт
Упрямой птицы на излёте.
А дальше что? Да — ничего...
И лишь застыли от бессилья
Осиротевшие его
Всем нам завещанные крылья!

Зоопарк

*Владимиру Топчему,
директору Николаевского зоопарка*

В зоопарке звери жили в клетках.
Жили дружно, как одна семья,
Даже пировали на обедах —
Так хватало корма и питья...

Но однажды, ради шутки, вроде,
Сняли им засовы у дверей.
Мол, теперь живите на свободе —
Так оно сподручней, веселей!

И пошла среди зверья потеха —
Натерпелись, что и говорить!
Хоть бывало вовсе не до смеха —
Как же так, совсем без клеток жить???

Но пока провизии хватало,
Всё, как будто, было по-людски —
Змеи не показывали жало,
Хищники не скалили клыки.

Было всё пристойно и степенно
У свободно жившего зверья,
Жаль, что истощались постепенно
Их запасы корма и питья.

А когда еды не стало боле,
Стали даже хищники роптать:
Как же чудно жили мы в неволе —
Не житьё ведь было, благодать!

Проходили дни, а после годы,
И уже едва хватало сил
Побираться пленникам свободы:
Будь то лев и даже крокодил.

Звери даже обращались к предкам
(Может, знали те какой секрет?),
Кто-то ностальгировал по клеткам,
Где была б еда и интернет...

А теперь ни корма, ни жилища...
И не знают звери те и те —
Выбирать им клетку, там где пища,
Или быть свободным. В нищете...

Афганец

Александру Завражину, воину-афганцу

Нестройных аккордов завертится танец,,
И в комнате сразу притихнет народ,
Где Саня Завражин — вчерашний афганец
О чём-то своём под гитару поёт.

Пусть кто-то подумает — повод не важен
И вроде бы нету причины такой,
Но скажет, как выдохнет Саня Завражин:
«Давай-ка, дружище, махнём по одной»

За тех, непришедших, безвременно павших,
Пропавших в пучине далёкой войны,
Ночами не спавших и лишь не предавших
Оплёванной нынче великой страны.

Я даже перечить ему не пытаюсь,
Предчувствуя нервами Сашкину боль,
И лишь неосознанно в рюмку вжимаюсь,
Как воздух, вдыхая в себя алкоголь.

Я, вроде бы, старше, но, как новобранец,
Сижу, приоткрыв в изумлении рот,
А в комнате нашей вчерашний афганец
О чём-то своём под гитару поёт.

Еланецкая орбита

Юрию Гидзенко — первому николаевскому космонавту

Земля казалась, словно на ладони, —
Такую облетишь за два часа,
А там внизу, в степи, бродили кони
И вглядывались долго в небеса...

Простая степь — не полюс, не экватор,
Всё больше ковыли, да ковыли,
А он всю ночь глядел в иллюминатор
На эту точку посреди Земли.

Как будто в ней — магическая сила
Соединила сразу всё в одном:
И эту землю, что его растила,
И первые шаги, и отчий дом,

Пленительность восходов и закатов,
И тёплой южной ночи благодать...
Невольно даже астронавт из Штатов
Его тоску пытался разгадать.

Да только ж как поймёт американец,
Какое это чудо из чудес —
Из космоса смотреть на свой Еланец,
Откуда он вознёсся до небес!

Нерекомендованный...

Памяти Альберта Вербеца, николаевского актёра и режиссёра

Он не любил, когда Альбертом
Я звал его, входя во вкус.
Он был, скорее, интровертом,
Чем ветреным любимцем муз.
Не думал никогда о смерти,
Просил скорей сойтись на «ты»
И жил в актёрской круговерти,
Спасаясь в ней от суеты.

Был всем, казалось, избалован,
Хотя, случалось иногда,
И он был «не рекомендован»
В те незабвенные года,
Когда шуты и мракобесы,
С иезуитством палачей
Кромсали по-живому пьесы,
Испепеляя суть ролей...
Давно забылись те интриги
И потеряли интерес,
Читаемые редко книги
С набором запрещённых пьес.

Но, если стало в мире чище
От этих книг, ролей, цитат,
Ты победил! Прощай, дружище!
Прости, Артист! Виват! Виват!

Императрица

Актрисе Людмиле Соколовой

Аплодисменты, бенефисы,
Непостижимый мир кулис —
Какое счастье для актрисы
Привычно выходить на «бис»!
Когда восторги бесконечны,
А ты лишь смотришь с высоты,
Как хороши и безупречны
К ногам летящие цветы.
Сегодня ты — императрица!
Одно движение ресниц —
И уж начальственные лица,
И те готовы падать ниц.

Таков удел актёрской доли,
Что быть назначено тебе
Императрицей в этой роли,
Но, к сожалению, не в судьбе.
Уже наутро, как обычно,
Всё станет будничным, другим,
Где так безденежье привычно,
Что ты почти сроднилась с ним.
Твоя скупая Мельпомена
Так неприветлива. С утра —
Семья, заботы, дети, сцена,
А завтра то же, что вчера.
И послезавтра будет снова
Всё, как обычно, как всегда...
Актриса Люда Соколова —
Провинциальная звезда.
И никому не будет дела,
Что в омуте земных проблем
Кричит под оболочкой тела
Душа, невидимая всем.
И как потом не удивляться
Уменью редкому актрис —
Глотая слезы, улыбаться,
Привычно выходя на «бис»...

Сюжет для старой пьесы

Анатолию Соколову, актёру

Николаевского русского драматического театра

Казалось, так легко мы сможем не сорваться,
Шутя преодолев любых сомнений вздор.
Но, видимо, решив над нами посмеяться,
Нам предложил сюжет заезжий режиссер.
Он нам распределил репризы все и роли.
Заученный сюжет мы повторили вслух,
Где будет чей-то смех и чей-то крик, до боли,
Но будет так смешно и весело вокруг...
И вот уже звонок, уже погасли свечи
И занавес открыт, и умолкает зал,
И вот уже герой берет её за плечи,
И что-то говорит, предчувствуя финал.
Он весь — открытый нерв, не видя скуки в зале,
Где ПОД ноги летят бумажки от конфет.
Ведь зритель знает всё, что будет с ним в финале.
Об этом знают все, а он — конечно, нет...

И старой рампы свет их жжет немилосердно —
Наивный дебютант — он на виду у всех,
Сгорая от стыда, играет так усердно,
Не слыша, как звучит в суфлерской будке смех.
О, мудрый режиссёр, где взял ты эти лица?
Где подсмотрел сюжет, и как типаж возник,
Где героиня вся, как загнанная птица,
И режет до кости её истошный крик...
Какой избыток чувств... Какою страстью дышит
Актёрская игра... Но кто-то говорит,
Что передержки есть. Но, вероятно, спишет
Им критика грехи, а зритель всё простит...
А после, как уйдут усталые актёры
Попить остывший чай и просто помолчать,
Когда с таким трудом даются разговоры,
И все ушли в себя, и нечего сказать.
И некого винить — ведь нас предупреждали,
Что будет лишь один спектакль для двоих.
Доволен зритель был, мы честно отыграли
Освободив теперь подмостки для других.
А мудрый режиссёр уже готовит роли
Для новых героинь. Ну что ещё сказать?
Займём свои места — понаблюдаем, что-ли,
Как нашу пьесу им удастся отыграть...

Рождество

Елене Коротковой

Рождалась тьма в ночных сияньях,
Струился новогодний снег,
И люди в зимних одеяньях
Спешили отыскать ночлег.
А к ним, уставшим от морозов,
Была природа немила,
По части, даже, не прогнозов,
А так — обычного тепла.
Тепла души, тепла природы,
Успокоенья от невзгод,
Чтобы дожди и непогоды
Не омрачили б Новый год.
Чтоб это зимнее ненастье
И неуютность, и раздрай
Такое призрачное счастье
Не отвернули невзначай.
Чтоб, наконец, душа согрелась
И стало б легче от того...
Да мало ли чего хотелось
Им загадать на Рождество?
Вот в это ожиданье чуда,
Без всяких шансов на успех,
Давайте веровать, покуда,
Там за окном струится снег!

Ангелы...

Художнице Инне Мяло

Теперь я знаю: иногда
Над нами ангелы летают,
А люди их не замечают
В земных заботах. И тогда

Они спускаются с небес,
Чтоб исцелять людские души,
Имеющих глаза и уши
И не внимающих чудес.

И к нам являясь иногда,
Взирают грустными глазами,
Как за песочными часами
Уходит время в никуда.

Уж так устроен человек —
Он всё бежит, не успевает.
А время тихо тает, тает
И растворяется, как снег...

Наши авианосцы

Валерию Бабичу, другу и автору книги «Наши авианосцы»

Когда сменяются эпохи,
Ломая время и людей,
То что там значат чьи-то вздохи
О судьбах наших кораблей?

А наши выросшие дети
И не пытаются понять,
Как мы авианосцы эти
Могли, как женщин, обнимать!

Как нам они ночами снились!
Да разве нас поймут они,
Как мы собой тогда гордились
И как стыдимся в наши дни...

Наверно, это неизбежность —
Пришли другие времена,
Где больше значит «незалежность»,
Чем та — Великая страна...

И вот уже в тусовке светской
Спокойно могут говорить,
Чтоб памятник в конце
Советской лабазом модным заменить.

Кураж земельных переделов
Нас поглощает всё сильнее,
И дети славных корабелов
Уходят в племя торгашей.

У них теперь не те заботы,
А, может, просто не дано —
Такие нынче патриоты
И демократы заодно...

А разве эти прощельги
Мечтают нынче о морях?
Да и зачем им эти книги
О наших чудо-кораблях...

И, может, только наши внуки
Сумеют нас мудрее быть,
Чтоб корабельные науки
По книгам Бабица учить...

Цыганка

Владимиру Юрковскому,
руководителю цыганского ансамбля «Бахталэ»

Плutowала цыганка безбожно —
Всё сулила удачу в судьбе.
И, казалось, почти невозможно
Не поверить её ворожбе.
Только что мне до этих гаданий?
Всё равно я всерьёз не приму
Небылицы твоих предсказаний —
Ни к чему это всё, ни к чему.

Ты напрасно играешь со мною,
Напускною бравадой маня —
Никакою своей ворожбою
Ты не купишь сегодня меня.
Не помогут тебе твои чары
Разглядеть моё счастье во мгле...
Не травите мне душу, гитары,
Не томи ты меня, «Бахталэ»...

Только в жизни всё вышло иначе
И не раз в суете своих дел
Был я близко к заветной удаче,
Да её удержать не сумел.
То ли вышла судьба наизнанку,
То ли кругом идёт голова —
Я, наверно, обидел цыганку,
А она оказалась права...

Бабье лето

Татьяне Демченко

Здесь время будто бы застыло,
И лишь степные ковыли
Веками грустно и уныло
Переливаются вдали.
Есть в этой магии движений
Такой созвучный для души
Неповторимый миг осенний
Степной еланецкой тиши.
Когда прощаясь с бабьим летом
На грани дня и полутьмы,
Приходит с утренним рассветом
Дыханье робкое зимы.
Но день спешит, и вот уж снова
Благословенное тепло,
Как торжество всего земного,
Приходит холодам назло.
Видать, не зря причуда эта
Венчает осень на дворе,
Недаром лето — бабье лето,
Такая радость в октябре...

Душа

Ирине Гудым

Души мятежная стихия
Мне в ночь покоя не даёт —
Опять приходит ностальгия,
Как-будто предъявляя счёт.
За то, что верил краснобаям,
Вино с иудами хлестал,
Что подлецам и негодяям,
Терпел, но руку подавал.
За то, что от общения с ними,
Не задохнулся от стыда
И душу раскрывал с такими,
С кем тошно было. И тогда
Душе немыслимую цену
Я каждый раз платил сполна.
И если я прощал измену,
С ней не считаясь, то она —
Она была чернее нОчи
И часто, мучаясь в нОчи,
Сгорала, становясь короче
Огарка жалкого свечи.
И рассыпалась на осколки
Меня из жалости браня,
Чтоб избежали кривотолки,
Конечно, не её — меня...

Когда, не чувствуя предела,
Я шел наперекор судьбе,
Душа сжималась, холодела
И замыкалась вся в себе,
И резала острее бритвы,
Кляня бессилие свое,
А я не находил молитвы,
Чтоб помолиться за нее...
Кругом кликуши голосили,
Меня наветами браня,

И били всласть и поносили
С такою радостью меня,
Что уж, казалось, нет спасенья
От их уменья бить под дых.
От их слепого наслажденья
Нести мне в душу униженья
От щедрых подношений их.
И если совесть замирала
В минуты эти, чуть дыша,
Лишь ты одна меня спасала
И понимала, и страдала,
И крест несла, моя душа...

Ушёл мой друг...

Памяти Кости Кошкина — друга, доктора наук, профессора НКИ

Ушёл мой друг. Ушёл в такие дали,
Откуда и захочешь — не вернуть.
А мы звонить друг другу забывали —
Нам всё казалось, что не в в этом суть.
Да толку в том, что нам тогда казалось?
Сегодня это кажется пустым,
И, как назло, опять не получалось,
Всё к чёрту бросить и проститься с ним.
И он ушёл. Ушёл, чтоб не вернуться,
Не позвонить и не подать руки.
Что мне теперь? Ну, выпить, чертыхнуться
И вспомнить друга. Скупое. По-мужски...

Заграница...

Певице Ирине Шведовой

Ах, как же хочется порой
Сорваться перелётной птицей
В далёкий край земли родной,
Невольно ставший заграницей...
Где запах детства, как полынь,
Горчит бессонными ночами,
Где купола твоих святынь
Всё чаще видятся с годами.
И эту память вороша,
Тебе не раз ещё взгрустнётся,
Когда в ночи твоя душа
Сама с собой не разберётся.
Когда и впрямь не вмоготу
Всех этих мыслей вереница.
Как будто провела черту
По нашим душам заграница!
Так, дай нам Бог, хотя б сейчас
Соприкоснуться с этим чувством,
Когда певица лечит нас
Своим возвышенным искусством,
Чтоб нам открылись в нас самих
Иные мысли, души, лица...
И, может быть, хотя б на миг,
Нам станет ближе заграница!

Лоскутки

Художнице Анне Потриваевой

Что лоскутки? Кусочки ткани,
Воображения игра...
Каприз души на тонкой грани
Искусства, цвета и добра!
В своём таланте филигранна,
Она и именем своим,
Звучащим симметрично — Ан-нА,
Несла гармонию другим.
И в этом поиске гармоний
Ей удавалось видеть всё:
Искусство чайных церемоний
И откровения Басё,
И судьбы пленниц Ёсивара,
Наивно веривших в любовь
На том краю земного шара,
Где словно оживают вновь
Запечатлённые мгновенья
Ушедших навсегда веков,
Переходя в переплетенья
Души и ткани лоскутков...

Молитва

Юрию Ростиславову

Когда от всех реалий диких,
Осатанев в который раз,
Мы вспомним судьбы тех — великих,
Испивших чашу раньше нас,
Кто выплеснул года мучений,
Сомнений, горестных утрат,
В скупую боль стихотворений,
Всем нам завещанных стократ.
И вот опять без полувздоха,
Отринув всё, что было в ней,
Уходит в прошлое эпоха
Не лучших и не худших дней.
Эпоха дикого соблазна —
«До основания, а затем...»
Она была и безобразна,
И несуразна вместе с тем.
Но в час всеобщего веселья,
Где в мире властвует чума,
Дай Бог нам лёгкого похмелья
И просветления ума
Перетерпеть достойно смуту,
Молитвой встретив Судный час,
Чтоб хоть в последнюю минуту
Всевышний не оставил нас...

Снег

Александру Берёзе

Какие странные причуды
Нам уготованы зимой:
Кружатся снежных хлопьев груды
Витиеватой кутерьмой.

Всё так диковинно, картинно
И так захватывает враз,
Как будто время беспричинно
Остановилось в этот час!

И чтобы тут не возмутиться —
К чему нам этот серпантин?
Ну, ведь не может снег кружиться
Вот так вот, просто, без причин!

А вот ведь как! Скажи на милость —
Такое диво в Новый год...
В конце концов, да что случилось?
А просто... Просто снег идёт!

Цыганке

*Ларисе Лизгуновой (Ляле) —
солистке цыганского ансамбля «Бахталэ»*

Как твои соблазнительны речи
И пленителен каждый намёк,
Как небрежно спадает на плечи
Разноцветный цыганский платок!
Только ты нипочём не заманишь
В этот омут своей ворожкой —
Ты ж обманешь, конечно, обманешь
Про любовь до доски гробовой.

Не пристало душе лицемерить,
Только слушая песни цыган,
Невозможно всерьёз не поверить
В упоительный этот обман!
Чтоб усладой душа воспылала
И печали ушли невзначай —
Нагадай мне опять, всё сначала,
Погадай мне ещё. Погадай!

Нагадай мне любовь и разлуку,
Чтоб себя истерзав до крови,
От разлуки испытывать муку,
А потом задохнуться в любви!
Чтобы в ней до конца раствориться
И, в мечтах забегая вперёд,
Просто верить, что это случится,
Если снова мне Ляля споёт!

Театральный художник

Сергею Пантелейчуку

Простой и немонументальный,
Без гонора, такой, как есть:
Он был художник театральный,
Каких, наверное, не счесть.
Был не престижен, не почётен
И сомнением не страдал,
И большинство своих полотен
Не продавал, а отдавал.
Картина ясная, не так ли?
Скорей, душою, без натуг
Он рисовал свои спектакли,
Но как-то раз случилось вдруг
Пропал художник. Ну и что же?
Других найдём. Какой пустяк!

Нашли. И лучше, и моложе,
Да только всё пошло не так...
Прошла премьера без оваций,
Актёры, путаясь не раз,
При каждой смене декораций
Сбивались на обрывки фраз.
Играли скучно, даже скверно,
Без вдохновения почти.
Незаменимых нет, наверно,
Но, как приспичит — не найти!
Беда ведь не в кулис раскраске,
А в том, что в деле нет творца —
Порою людям даже в маске
Не скрыть отсутствие лица.
Пропал кураж в игре, и зритель
Жалел актёров-бедолаг...

Простой, казалось, оформитель,
А вышло — настоящий маг!

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Снегопад

Артёму Ващиленко

Мела метель, кружила вьюга,
Стояли, съёжившись, дома,
И люди, прячась друг за друга,
Шли обречённо, а зима
Была, казалось, безучастна
К судьбе завьюженных людей...
Ах, как она была прекрасна
В неповторимости своей!

А снег кружил в вечерней дымке
И обволакивал, как дым,
И как на старом фотоснимке,
Всё было блёклым и пустым.
И не хотелось верить слепо
Крещенским сказкам январей,
Что так и жизнь пройдёт нелепо
В неповторимости своей.

А люди шли, склоняясь мимо,
Всем неурядицам назло...
Мела метель неумолимо
В заиндевевшее стекло,
Покуда снег витиевато
Не стоял в сумраке ночей —
И словно жизнь ушла куда-то
С неповторимостью своей...

Случайный взгляд

Этот суетный день был морозен и светел,
Встречный поезд стоял на соседнем пути —
В запотевшем окне я глаза Ваши встретил
И невольно свои не сумел отвести.

В параллельных мирах, на соседней орбите
Я срывался на крик в бессловесной мольбе:
Задержите свой взгляд! Хоть на миг замените
Поворот головы поворотом в судьбе!

И когда поезда унесут нас отсюда,
И забудется всё, что ушло невольно,
Мимолётную страсть, как знамение чуда,
Мне напомнит вдали Ваш единственный взгляд...

Романс невысказанных слов

Побудь со мной, побудь ещё немножко —
Ужель так зябок летний ветерок?
Но отчего ж так трепетно, так дрожко
Твоим плечам, укутанным в платок?
Ты говоришь, но как-то односложно,
А на лице — смятения печать,
Когда словами просто невозможно
Сказать всё то, что мы хотим сказать.

Торопит ночь фатальный час разлуки
И нам двоим невольно всё трудней
Скрывать за недосказанностью муки
Среди ночного шороха ветвей.
Наверное, пришла пора прощаться,
А сердце всё не хочет принимать —
Зачем же не смогли мы догадаться
Сказать всё то, что думали сказать?
Уйдёшь ты в ночь, слегка понутив плечи,
Задумавшись о чём-то, о своём,
Как будто продолженье нашей встречи,
Переноса в давно уснувший дом.
Сорвавшись в крик, душа испепелится
Недавнему молчанию под стать,
И, может быть, тебе во сне приснится
Всё то, что не сумели мы сказать...

Молитва

Потомкам покажется вздором
Наш проклятый век шутовской
И судное время, в котором
Мы боремся сами с собой.
Ах, как же наш дух нестибаем
И каждый порыв дерзновен —
Мы сами себя побеждаем
И сами берём себя в плен!
Воинствуют телеэкраны,
Вовсю вышибая мозги.
Всё громче звучат барабаны
И всё ненавистней враги.
Уже предстоящие битвы
Дурманят победным концом
И всё приглушённой молитвы:
«Всевышний, куда ж мы идём?
Зачем же мы так очумело
Торопим свой гибельный час,
Покуда отважно и смело
Не сгинет последний из нас...»

Pignora fatis*

*Ave, Caesar, morituri te salutant***

Ещё грохочут барабаны,
И лица гордостью полны.
И, вроде бы, телеэкраны
Не стали менее слышны,
Но как-то стихли разговоры
И потускнел победный раж,
И ликования, и споры
На тему: наш или не наш...
Как будто и не мы толпою
Так фанатично шли за ним —
Чего ж нам так горчит порою
Побед рассеявшийся дым?
И привыкаешь понемногу,
Что как-то всё пошло не так,
Не как у всех, не слава Богу,
Нелепо, наперекосяк.
Но... ни мольбы, ни полувздоха,
Ни даже покаянных слов...

Какая дивная эпоха
Неисправимых дураков!

* *Pignora fatis* — Заложники судьбы (лат.)

** *Славься, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя* (лат.)

Стихотворец

Памяти Владимира Высоцкого

«Гул затих. Я вышел на подмостки» —
Гордый неизвестный рифмоплёт.
Рядом горлопанили подростки,
Отдыхал подвыпивший народ,
Бабушка-уборщица стояла
Возле пьющих с мусорным ведром,
Где всю компанию гуляла
И несло привычно матерком.
Повсеместно продавали пиво
И, конечно, тут же на виду
Мужики, кряхтя, неторопливо
Отправляли малую нужду...
На скамейках парились старухи,
Глядя на меня поверх очков.
И немели, точно с голодухи, —
Сколько же на свете дураков!
Доходили к ним, ко всем, едва ли
Чувства сочинителей стихов...
В этом мире их не уважали
И воспринимали, как шутов.
Я кричал. Я рвался достучаться
Со своей неистовостью всей
До, не смевших даже называться,
Хоть и так похожих на людей...
И когда, охрипший бестолково
На пиру людского естества,
Я пытался донести им СЛОВО,
Тщетно натываясь на слова,
Мне платили, не скупясь, презреньем
И, по-барски, глядя свысока,
Тяжело вздыхали, с сожаленьем,
И крутили пальцем у виска...

Старый Новый год

Снова снег за окнами метёт
И невольно кажется с годами,
Что совсем не зря календарями
Напридуман Старый Новый год.
Чтобы нам опять в кругу друзей
Раствориться в этом ералаше
И на миг вернуться в детство наше
В сказочном тумане январей.
Чтоб уйти от всех своих забот
В эту напридуманную праздность,
Чепуху нести и несуразность
В этот дивный Старый Новый год!
И, быть может, это забытьё
Хоть на миг подарит запоздало
Всё, что в жизни нам не доставало, —
Всем и всё, и каждому — своё!
А когда наутро снег пройдёт,
Мы и вправду убедимся сами,
Что совсем не зря календарями
Нам дарован Старый Новый год.

С добрым утром!

С добрым утром! Ты уже проснулась?
Я же вижу, даже вдалеке,
Как во сне губами прикоснулась
Ты к руке, лежащей на щеке.
На окне взметнулась занавеска,
Скрипнула незапертая дверь,
Дремлет город, вымытый до блеска
Утренним дождём, и вот теперь,
Словно отдавая пробужденье
И опять проваливаясь в сны,
Теплится твоё прикосновенье
На запястье, с тыльной стороны.
Завитки волос скользят по шее,
Спит мой ангел предрассветным сном,
И невольно кажется светлее
Это утро в городе моём...

* * *

Среди людей отмечено давно:
Питая слабость к жестам благосклонным,
Судьба дарует милости влюблённым —
Разлук и странствий горькое вино.
И тем, кто ощутил его на вкус,
Уже не сбиться в суете скитаний.
И в череде разлук и испытаний
Они несут любви бесценный груз.
Их тысячи и тысячи идут,
Боясь по капле расплескать напиток,
Неся, как будто драгоценный слиток,
Своей любви живительный сосуд.
Вот так и нам с тобой предрешено
Теперь не потеряться на планете
И пить разлуки горькое вино,
Как будто в память об ушедшем лете...

* * *

Скупая осень шелестит дождями,
Смывая пожелтевшую листву,
И как-то незаметно между нами
Возникла пустота. И наяву
Издёрганностью осени объята,
Совсем не то, мы пишем, ангел мой,
Как будто, даже в чём-то виноваты,
Что повстречались в августе с тобой.
Как будто выбираем: или — или,
И обрываем, прошлое круша...
Ты говоришь: мы в чём-то согрешили,
Но разве может согрешить душа?
И разве души могут обмануться,
Стихами проливаясь в унисон,
Когда тебе не хочется проснуться,
Боясь, что он растает, этот сон...
Луна, дрожанье рук и наши встречи,
Укрытые покровом темноты.
И дивный летний августовский вечер,
В котором были только я и ты...

Бессонница

Ей сорок пять. Ему — седьмой десяток.
Казалось бы, какие интересы?
Ведь у него бессонницы и стрессы,
И годы наложили отпечаток.
А у неё своя семья, заботы
И должность заводделом на заводе,
И что-то душу греющее, вроде,
Что ей не жить на свете без работы..
По выходным — поездки на природу,
Где выспаться никак удаётся,
Да только бы не думать, что придётся
Спешить по понедельникам к заводу.
И вроде всё нормально, всё в порядке,
Лишь мается одна душа с другою,
Да разве это горе? Бог с тобою!
Какие души на седьмом десятке?..
Но каждый раз некстати, неуместно
Они друг друга мучают ночами,
Чтоб хоть во сне, но высказать словами,
Всё то, что им и так давно известно.
Пусть этот сон и призрачен, и краток,
Чтоб вырваться из замкнутого круга.
Ей сорок пять. Ему — седьмой десяток,
А всё равно — не могут друг без друга...

За окошком серый дым...

За окошком серый дым,
Да пейзажи сонные —
Мы куда-то всё спешим,
Словно заведённые.
Мчится поезд. Невпопад:
То леса, то просеки.
На столе часы лежат,
Крутятся колёсики.
Время-времечко летит...
Доля окаянная —
То безденежье, то быт,
То любовь нежданная.
То сплошная беготня,
То в пути обочина.
Отчего ж так у меня
Доля скособочена?
Так приветлива к другим,
А со мной — кусается...

Жизнь — не то, что мы хотим,
А то, что получается.

* * *

Отрепённый от всего земного,
Помню, как-то в юности, давно,
Я прочёл: «Вначале было слово...»
И подумал: «Слишком мудрено!»
Что-то в этой фразе было скрыто
От моих мальчишеских мозгов.
Мне казалось, слишком нарочито
Так ценить предназначенье слов.
Мир вокруг был чист и бескорыстен.
И к чему мне было второпях
Постигать категоричность истин
В этих непонятных словесах?
А вот нынче в мире непутёвом
Мне близка иная ипостась —
Я теперь, и впрямь, спасаюсь словом,
От всего земного отрешась...

Снежинка

Е.М.

Она была холодная, как снег,
И всё в окне снежинок рисовала,
А по ночам, покинув свой ночлег,
Она по небу звёздному летала.
Несчастный муж давно про это знал
И, глядя в ночь при свете керосинки,
Он лишь вздыхал и всё не понимал:
Зачем они придуманы — снежинки?
Кружила вьюга снежный хоровод,
В жилища к людям заползала стужа,
А ей хотелось даже в Новый год
Побыть одной: без дома и без мужа...
Побыть с самой собой наедине,
Чтоб в это новогоднее ненастье,
Смотреть в незанавешенном окне
Такое, ей неведомое, счастье.
И было так от этого тепло,
Что наплывали на глаза слезинки.
Она глядела долго за стекло
И таяла потом,
как все снежинки...

Красавице, родившейся на старый Новый год

Н.М.

Ты родилась на старый Новый год,
И мне всегда поэтому казалось,
Что в это время каждый чуда ждёт,
Но лишь одной тебе оно досталось!
А ты в него не верила, увы,
И всех, кто был тогда с тобою рядом,
Ты, разве что, не убивала взглядом
С надменным поворотом головы.
Я никогда, наверно, не пойму,
Какая радость в той твоей свободе —
Быть яркою звездой на небосводе,
Принадлежа и всем, и никому?
Мне и сегодня кажется порой,
Что ты осталась той же неземною,
Холодною Рождественской звездой,
Которой суждено блистать одной.
И только раз в году небесный свод
Всем нам земным, как-будто ниоткуда,
Шлёт это предзнаменование чуда —
Твой день рожденья в старый Новый год!

Прогулки под дождём

Отчего, когда светло и ясно,
Мы совсем не видимся с тобой,
А всегда стараемся напрасно
Встретиться в дождливый выходной?
Может быть, случайны непогоды,
А быть может, вся причина в том,
Что твоё понятие природы
Олицетворяется с дождём.
Мне бы с этим как-то разобраться,
Ведь не даром ёкает в груди,
Что совсем не думают кончаться
Эти распроклятые дожди!
Вот опять не радуют прогнозы
Под привычных капель перестук,
Словно это не дожди, а слёзы —
Верные предвестники разлук.
Я молчу, тебе и мне в угод,
Чтобы не расстроиться потом,
Если эти встречи в непогоду
Смоет надоедливый дождём...

Любовь-online

Я удивляюсь каждый раз:
Как непрактичны предки были —
Они, в отличие от нас,
Страдали, мучались, любили!
Для них высокопарный слог
Законом был в общении с дамой,
(Иначе этот диалог
Мог обернуться просто драмой!)
Сегодня это ни к чему.
Зачем себя сжигать со свету,
Страдать, любить? И потому
Мы доверяем интернету!
Здесь никаких не встретишь тайн,
Чтобы над ними ночь терзаться.
Любовь-online, любовь-online —
Сойтись на час и разбежаться...

Пешки

Сегодня кажется насмешкой
Услышать мнение о том,
Что если уродился пешкой,
То не бывать тебе ферзём!
Такие истины на диво
Устойчивы среди зевак.
И обсуждают их ретиво,
Да только в жизни всё не так!
Порой бывают прецеденты
Похлеще истин прописных:
Бывают пешки-президенты,
И мы же выбираем их!
Судьбы нелепая насмешка?
Увы, да только дело в том,
Что пешка — всё равно лишь пешка,
Пусть даже ставшая ферзём...

Диалоги

— А что есть — мы? И кто такие мы,
Живущие, как будто, выживая?
Ведь мы же свет несём, себя сжигая.
— Да вы не свет. Вы только отблеск тьмы...

— Ну, хорошо, допустим, мы не свет,
Но мы же для чего-то в мире жили:
Страдали, ненавидели, любили!
— Да, нету вас! Вас просто в мире нет...

— Да как же нету нас? Помилуй Бог!
А кто же, как не мы, несли народу
Святую правду, истину, свободу?
— Да-да, несли. Ну и каков итог?

— А что итог? Мы вышли бы из тьмы,
Но малость подкачала режиссура...
В конце-концов, да кто такие мы???
— Вы — просто уходящая натура..

Потом, когда закончится война...

Вячеславу Рукоманову

Потом, когда закончится война,
И будет мир — такой желанный! Но,
Не верится, что будет тишина —
Потом начнётся самое оно...
Вернутся семьи жить среди руин,
Наступит время для иных забот...
Кто возвратится вместе, кто один.
Они вернутся. Только кто их ждёт?

Потом, когда закончится война,
Всех непричастных (нужных!) наградят,
А кто там был, пошлют негласно на...
«Мол, на таких в бюджете нет затрат».
Найдут виновных (благо, есть ресурс),
Попутно чей-то бизнес отождут.
И общество поддержит этот курс —
Ведь богатеет так не любят тут...

Потом придут другие времена,
И загрузит какой-нибудь дебил:
«Как хорошо, когда была война,
А я её снабжением рулил».
Потом... Да разве важно, что потом?
Ну, дети, дальше внуки подрастут
И будут вспоминать с большим трудом,
Зачем их предки воевали тут...

Крещение

Зима. Крещение в разгаре.
И по привычке вековой
Идут степенные бояре
К реке — очиститься водой...
Отклеив зад от лимузина,
Фигура Первого лица
Идёт, крестясь во имя Сына,
Святого Духа и Отца.
Почтенно расступив дорогу,
Стоит чиновный частокол,
Который, видимо, и к Богу
Блюдёт привычный протокол!
Сначала мэр, а после замы,
А дальше — челядь из чинуш...
Идут, скорее, для рекламы,
Чем для очистки жалких душ.
Идут степенно, при народе,
Публично отдавая дань
Чиновничье-церковной моде —
За мэром плюхать в Иордань.

Оно б, конечно, лучше дома,
Где и тепло, и благодать,
Чем тут, на глади водоёма,
За мэром в проруби нырять.
Но, видимо, такое время,
Что, если хочешь быть в строю,
Прими купание, как бремя,
На жизнь чиновничью свою..
И обитатели райкомов,
И весь недавний партактив
Ныряют в темень водоёмов,
Перекрестившись на залив!
Попы угодливо кивают
И, раздувая фимиам,
Елей словесный расточают

Подстать чиновным холуям.
И ничего не шелохнётся
В их душах, смоченных в воде,
Как будто, это им зачтётся
На страшном, праведном суде..

На смерть друга

О, муки скорбного молчания
Среди прощальной панихиды,
Когда в душе воспоминанья
Перекрывают все обиды...
Когда не выразить словами
Всё то, с чем надобно считаться,
Что даже с лучшими друзьями
Настало время расставаться.
Как это всё непостижимо,
И, в сущности, несправедливо,
Смотреть, как их проносят мимо
Так деловито-торопливо.
А ты несёшь свой крест, как бремя,
И всё никак не отвернёшься
От мысли, что уходит время,
А ты зачем-то остаёшься...

Под удилами

Якову Тростянецкому

Какие нас манили дали!
Какие ставили мы цели!
Ведь мы уже почти летали,
Да только так и не взлетели...
Наверно, были недочёты,
Но больше виноваты сами —
И что теперь нам те полёты,
Когда идём под удилами???
Да дело даже и не в этом,
А в том, что оказались в луже,
Где каждый мнит себя поэтом
И философствует к тому же.
И рассуждает бесшабашно,
Явив наивность простофили,
Мол, удила носить не страшно —
Вы зря их, сударь, закусили...
Они ж нам нынче, как родные,
Сродни какой-нибудь медали.
Вот и гордись, что мы такие!

А раньше, помнится, летали...

Коли, нарешті, згине ця війна...

Коли, нарешті, згине ця війна,
І стане в цілім світі тихо-тихо,
А у людей найгіршим буде лихо,
Коли метелик б'ється край вікна.
І будуть жити всі, не боячись,
Що уночі стрілятимуть гармати,
Що не заснуть до ранку діти й мати...
Так чи то буде, Господи, колись?

Коли, нарешті, згине ця війна,
Щоб не ховались по домівках люди.
Коли війна і там, і тут, і всюди —
Безжалісна, бездушна і страшна...
Напевно, в людях стало щось не так,
Що всі вони, неначе подуріли, —
Стріляють один в одного щосили,
І все не настріляються ніяк...

Коли, нарешті, згине ця війна,
І всі почують раптом, як у хаті
Наспівує щось мати немовляті,
Не боячись відкритого вікна.
То, може, хоч тоді у нас з очей
Спаде цей морок, щоб усі збагнули:
Як довго ж ми таких пісень не чули!
І знову станем схожі на людей...

Меня нашла шальная пуля...

Александр Лозовскому

Меня нашла шальная пуля:
Случайно, глупо, невпопад,
В один из первых дней июля,
Когда по нам работал «Град».
Когда вокруг неслось такое,
Что лучше б не видал никто.
И было скрыто что-то злое
За сокращением «АТО»...
Остался жив мой друг давнишний,
Всем обстоятельствам назло.
Кого-то уберёт Всевышний,
И только мне не повезло...
Ну что за дурь — сойтись с осколком
И выть от боли, словно, зверь?
Да лишь бы выжить — был бы волком,
Но что печалиться теперь?
В моей родне и не узнают,
Как сотоварищи меня
В последний саван закатают,
Случайно, наспех хороня.
Мой командир потери эти
Начальству как-то объяснит,
Лишь не поймут жена и дети —
Какого ж чёрта я убил?
А на моём столе домашнем
Поставят карточку мою,
Как славянин, в огне вчерашнем,
В Славянске, был убит в бою...

Артобстрел...

Вот опять артобстрел, и снаряды
Полетели привычно и мощно:
Здесь у нас что ни день — канонады,
Да отчаянье, денно и ночью...
Кто-то ранен, кого-то убили,
Ну а так — ничего не случилось...
Мы, наверно, с ума посходили,
Если нам это всё не приснилось.
 А вокруг тишина...
 И по-летнему дышится маем —
 В целом мире весна,
 Только мы её не замечаем.
 Тут весна ни при чём —
 Поскорей бы домой возвратиться.
 А весна за окном,
 В крайнем случае, может присниться...
Нас потом, если что откопают
В перепаханном чреве воронок —
И домашние запричитают
От нагрянувших в дом похоронок,
И расскажут посильные скупю,
Как живые прощались со мною...
Только как же обидно и глупо
Быть убитым такою весною!
 Этот бой под весны мизансцену
 Не забудется. Честное слово!
 А с пришедшими нам на подмену
 Ничего не случится такого:
 Все домой возвратятся живыми,
 Если только не пуля шальная...
Мы потом ещё встретимся с ними —
Не дожившими этого мая.

По кругу

Виталию Коротичу

В стране, где нам пришлось родиться,
Где можно, разве что, свихнуться,
А мы привыкли ей гордиться,
Хотя над ней кругом смеются.
Где каждый раз мы точно знаем
Страны своей предназначенья,
И каждый раз её ломаем,
И, как всегда, до основания...
Ушли генсеки и монархи,
Нас передав по эстафете.
Теперь, вот, наши олигархи
Для нас милее всех на свете.
И мы с покорностью плебеев
На них взираем восхищённо
И, как всегда, виним евреев
Привычно, зло и раздражённо.
И, как всегда, мы точно знаем,
Что мы ни в чём не виноваты,
И, каждый раз других ругаем,
Что не хватает до зарплаты.
И, как всегда, страна под нами
Не успевает содрогаться,
А мы с горящими глазами
Уже опять идём сражаться.
И снова нас набат скликает
В соборах, храмах и мечетях.
А время тихо уплывает,
Чтоб повториться в наших детях...

Из детства

Память подмигнёт улыбкой детской...
И увижу в дальнем далеке
Дом на нашей улице Советской
В запылённом южном городке.
Утренние ранние туманы,
Старый сквер и шум ночной листвы —
Там весной повсюду цвели каштаны
И дремали мраморные львы.
Нас пьянила эта атмосфера,
Да и как остаться взаперти,
Если до Каштанового сквера
Было лишь дорогу перейти?
Что же время всё куда-то мчится,
Словно не успеется ему —
Этот город, мне ночами снится
Сам уже не знаю почему.
На дворе давно другая эра,
И назад — ни тропки, ни пути.
Да и до Каштанового сквера
Сколько ни старайся, не дойти...

Дмитру Кременю

*Небесне і земне. Земне й небесне.
Іще наш український бог воскресне,
Тоді, як ми воскреснемо зі сну.
Із летаргії вічного розп'яття,
Як до хреста зберуться сестри й браття,
І прокленуть облуду навісну.*

Д. Кремень «Небесне і земне»

То нам таке прокляття — цей Содом,
Що Господа не чули двадцять років,
Паплюжили і нищили Пророків,
Бо все ж хотілось швидше, напролом...
А вийшло те, що вийшло, й хтозна-як
Тепер зберуться разом сестри й браття,
Бо запалали і в серцях багаття...
А що, хіба колись було не так?
Тому, мій друже, зрозумій мене:
Не завіта Господь у наші хати,
Допоки все НЕБЕСНЕ І ЗЕМНЕ
Самі в собі ми не почнем збирати...

Покаяние

Александр Панину

*Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет.
Остались пересуды,
А нас на свете нет?*

*Борис Пастернак
«Свидание»*

Ах, как же мы дерзали,
Бросаясь в каждый спор!
Мы шли в любые дали,
Судьбе наперекор.
Нам головы кружили
Ветра ушедших лет...
Мы думали: мы жили,
А оказалось — нет!
Все прошлые скрижали
Позаросли быльём,
И сам поймёшь, едва ли,
А мы зачем живём?
Всё ждём напрасно чуда,
Привычно верим в ложь,
«Но кто мы и откуда»
Уже не разберёшь.
А там, глядишь, незримо
Настанет твой черёд,
И кто-то шедший мимо
Уже к тебе придёт.
Как путник постучится
В замёрзшее окно.
Пора, как говорится...
А нас и нет давно.

«Тунеядец»

Из суда над поэтом Иосифом Бродским 13 марта 1964 года:

Судья: Значит, Вы писали стихи? А что Вы сделали полезного для Родины?

Бродский: Я писал стихи. Это моя работа. Я убежден, что каждое слово, мною написанное, сослужит службу многим поколениям людей.

Судья: Значит, Вы думаете, что Ваши, так называемые стихи, приносят людям пользу?

Бродский: А почему Вы говорите про стихи «так называемые»? Судья: Мы называем Ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет. Лучше, Бродский, объясните суду, почему Вы в перерывах между работами не трудились?

Бродский: Я работал. Я писал стихи.

Судья: Но это же не мешало Вам трудиться?

Бродский: А я трудился. Я писал стихи.

Судья: А почему Вы не учились этому в ВУЗе?

Бродский: Я думал... я думал, что это от Бога...

Через 23 года — 10 декабря 1987 года поэту Иосифу Бродскому была присуждена Нобелевская премия по литературе.

А как рождаются стихи?
Поэт считал: они от Бога.
Они и радость, и тревога,
Все наши беды и грехи.
Всё то, что было нам дано,
А мы в себе не сохранили,
И лишь беспечно, пусто жили,
Верней, как-будто жили... Но!
Но если был какой-то прок
В такой бесцельной благодати,
Так это, разве что, в некстати
Написанном десятке строк.
Когда впадая в забытё,
Ждёшь просветленья неземного —

Всевышний, подскажи хоть слово!
Всего лишь Слово! Но твоё!
Чтоб заплутавшему впотьмах
Сошёл прозренья дар чудесный —
На миг увидеть свет небесный
В «так называемых стихах»!

Каин *

*И сказал Господь: что ты сделал?
Голос крови брата твоего вопиет ко Мне
от земли; И ныне проклят ты от земли,
которая отверзла уста свои принять кровь
брата твоего от руки твоей;*

Бытие. Глава 4.9

Выстрел! И пуля нашла адресата —
Глупо, нелепо, совсем не попад...
Даже спросить не случилось у брата:
Как же на это решился ты, брат?
Может забыл ты про Каина, или
Было и вправду тебе невдомёк —
Как бы мы все замечательно жили,
Если бы ты не нажал на курок...

* фрагмент скульптуры «Каин неприкаянный» Густава Вигеланда (1869-1943)

Помнишь, как мы на горилку и сало
В гости ходили друг к другу домой...
Ну так чего ж тебе, брат, не хватало,
Если решился на выстрел такой?
Господи! Что ж это в мире творится?
Сгинуть бы напрочь, да было б куда...
Что остаётся? Сражаться? Молиться?
Только ведь нынче и в храмах вражда...
Стихнет шумиха былых юбилеев,
Рядом не станет вчерашних друзей,
И восхищённые толпы лакеев,
Не восхитятся отвагой твоей.

Будешь один ты — не раб, не хозяин —
Нищий отшельник в библейской глуши,
Тать и изгой — неприкаянный Каин
С вечным клеймом убиенной души...

Рабы

...Им надоело быть друзьями
И, подуставши от любви,
Рабы сошлись в бою с рабами,
Чтоб на потеху биться лбами —
Самозабвенно, до крови...

Нелепой логике в угоду,
Не отступая ни на шаг,
Они сцепились тут же, сходу,
Как им казалось, за свободу-
Свободу нищих и бродяг.

И, с лёгкостью круша устои,
«До основания, а затем...»
Они, вчерашние изгой,
Теперь кричали: «Мы — герои!»
Хоть были, в сущности, никем.

И, как уже не раз бывало,
Им, опьяневшим от борьбы,
Свободы показалось мало
И всё огнём запылало —
Рабы, они и есть рабы!

И так всегда, когда под нами
Опять земля горит огнём,
Рабы сражаются с рабами
И иступлённо бьются лбами
За это право — быть рабом...

Язык полицейев...

Украинский язык полицейев,
Искорёженный русский язык,
Дуб, что выращен для бонсаев,
Под насильником сдавленный крик,
Я всё меньше тебя понимаю:
Не язык — сплошной НОВОЯЗ.
Гогот, цокот, а я, как немая.
Ты в болоте имперском завяз.
Хай живэ Великобритания,
Ой, пардоньте, Велико Укра
Аина, Лучший в мире вареник в сметане,
Выступ или котёл бараний!

Марина Сагитовна Шамсутдинова
«Парад». <http://www.stihi.ru/2014/06/03/409>

Могла бы прослыть гуманисткой
И всем бы была хороша,
Когда б не являлась фашисткой
Марина Сагитовна Ш.
Скрывая словесной бравадой
Замшелый имперский синдром,
Она изгалялась с досадой
Над дивным моим языком!

* В 2003 г. окончила Литературный институт им. А. М. Горького (мастерскую Станислава Куняева)

Пусть он называется мовой,
Но, есть ли у мовы душа,
Ужели ценить безголовой
Марине Сагитовне Ш.?
А может, учитель-Куняев*
Привил ей подобный ярлык:
Считать языком полицаев
И мой украинский язык?
И вот уже дама в афронте
От этого входит в экстаз...
Воистину, вот уж «ПАРДОНЬТЕ» (???)
За этот хромой «новояз»!
Хоть, если всерьёз разобраться
С её допотопным стишком,
Я мог бы сто раз посмеяться
Над русским таким языком,
Где привкус от виршей убогих
Не стоит и впрямь ни гроша!

Дай Бог, у одной из немногих —
Марины Сагитовны Ш..

* * *

Одним даётся сила и напор,
И рост, и богатырская порода,
Которая собой ласкает взор,
Но есть типаж совсем иного рода —
Тщедушный вид, не рыцарская стать
И взгляд, вонзённый в точку безучастно,
Но сколько ж силы нужно, чтоб не встать,
Когда вокруг стоят подобострастно!

Напередодні...

ВСІ НА ВИБОРИ!

Що з нами буде, добрі люди?
Та хто б це знав? А втім, шкода,
Що знову на бігбордах всюди
Здається, саме ті ж заблуди,
Хто нашу неньку розкрада.
Знов перевертні-казнокради,
Заради нашого майна,
Осатаніло прагнуть влади
І линуть на оті посади,
Як певні мухи до лайна!
І знову виступи огидні,
Щоб очманівши від брехні,
Ми й далі всі жили, як злидні,
І всі були б дурні та й бідні,
Чи, може... бідні, бо дурні?

* * *

О выборах бы надо, может быть,
Порассуждать, расставить все акценты —
Пересчитать заслуги и проценты,
Но что-то заставляет просто выть.
Пейзаж пустеет, что и говорить —
Мельчают люди. Даже президенты...

Клопы и соловей

*«Я был однажды свидетелем редкого
и потрясающего зрелища: я видел взбесившегося клопа»*
М.Е. Салтыков-Щедрин

В лесу (на улице Никольской)
Клопы судили соловья:
Мол, в их глуши, почти монгольской,
Не стало им, клопам, житья!
Что стал их мир угрюм и тесен
И вообще покоя нет
От этих соловьиных песен,
Заполонивших интернет.
Что соловей — всему виновник,
А потому, как ни крути,
Решил воинственный клоповник
Публично птицу извести.
И извели. Не стало птицы,
Остались только в том краю
Кровососущих вереницы,
И чуть тоски по соловью...

Мораль, возможно, озадачит,
Но жаль не столько соловьёв,
Как то, когда о них судачит
Толпа взбесившихся клопов!

Покуда говорят поэты...

Е. Долгову

Покуда говорят поэты
Свое, чуть слышное едва,
Воспринимайте, как заветы,
Их немудрёные слова.
Ведь завтра сменится эпоха,
Уйдут вожди в небытие
И грозный вид царя-Гороха
Шутя изгадит воронье.
Но небо будет так же звёздно
И величаво, как всегда,
А время, рано или поздно,
Песком засыплет города.
И всех царивших и страдавших
Могильные покроют мхи.

Не тронет время лишь писавших —
От них останутся стихи..

ПОЭМЫ

Открытие Николаева

*Выдуманная история, в которую за давностью лет сегодня даже
сам автор уже почти не верит...*

1

Я жил, как жил: не худо и не бедно —
От скуки диссертации писал,
И даже не заметил, как бесследно
Свою страну большую проморгал.
Случилось это как-то мимоходом:
Вначале был Форос и Горбачёв,
А после лабуду перед народом
Несли с экрана десять мужиков.
У них от страха сотрясались руки,
Народ их слушал, тихо матерясь.
И говорили все, что эти суки
На Горбачёва вывалили грязь...
Признаться, я в такое слабо верил,
Поскольку испокон в людской молве
У нас любой своим аршином мерил
Всё то, что напортачили в Москве...
Их поначалу даже поддержали,
Но, разобравшись, что куда идёт,
Начальство надавило на педали,
Чтоб дать перевороту отворот.

2

Казалось бы, а мне какое дело
До этих политических интриг?
Но, вероятно, время подоспело
Покинуть мир моих научных книг
И воплотить неясное желание
Уйти совсем на вольные хлеба,
Поскольку приходило понимание,
Что жизнь уже не сахар, а борьба.

И вот тогда, каким не знаю ветром,
Но занесло меня в горисполком,
Хоть обходил десятым километром
Я всех чинуш и раньше, и потом.
Но я и там свой памятник оставил,
И он стоит на пятом этаже —
Построенные против всяких правил
Три кабинета, ставшие уже
Вполне легальной частью этих зданий.
И случай этот тем и знаменит,
Что в результате этих начинаний
Мой город Николаев был открыт!
Казалось бы, при чём тут кабинеты?
Чиновничье убежище, пустяк!
Но не спешите раскрывать секреты
Ушедших дней. Всё дело было так.

3

Когда партийцы в августе решили
Устроить на три дня переворот,
От этой политической кадрили
Мог не свихнуться только идиот!
Вот и у нас чиновники робели,
Не смея даже и мечтать о том,
Что им через каких-то две недели
Привалит счастье заселять обком.
Но стоило судьбе перемениться,
Как тут-же, словно подменили их, —
Они готовы были насмерть биться
За кресла сотоварищей своих.
Они бы их скрутили в рог бараний,
Когда бы кто команду дать посмел,
И больше походили на пираний
В борьбе за кабинетный передел!
Ещё вчера всеильные, как боги,
Властители и дум, и бытия,
О них сегодня вытирали ноги
Вчерашние товарищи-друзья.

И те, кто всем вручали партбилеты,
Сегодня унизительно, при всех,
Покорно оставляли кабинеты,
Чтоб заселились эти... вместо тех!
И только мой отдел международный
Был милостию царской обделён,
Поскольку был я, в общем, инородный
Среди людей чиновничьих племён.
А потому и в кабинетной саге
Я, очевидно, был не слишком спор,
И кабинет нам дали... на бумаге,
Но это оказался... коридор.

А впрочем, мы особо не роптали
И, зная весь тогдашний балаган,
Без долгих рассуждений и печали
Придумали весьма забавный план:
Самим себе построить халабуду,
Используя подручный матерьял!
Я этот случай в жизни не забуду,
Что нам, как говорится, Бог послал.
Столов с десяток под настольный теннис,
Мы их слепили вместе кое-как,
Мэр положил на это дело пенис —
И этим узаконил наш бардак!
Мы радовались этому, как дети,
Заполучив прибавку в метраже,
Где разместились кабинеты эти
На пятом, самом верхнем этаже.
И даже то, что всё без документов,
Не омрачало общий ералаш!
Тогда нам было не до сантиментов —
Тогда мы открывали город наш!

4

Тут надобно открыть ещё страницу:
Тогдашний мэр, надутый как индюк,
(Он был и впрямь похож на эту птицу,
Хоть и носил фамилию XXX)

Так вот ему тогда моя идея,
Сказать по правде, как-то не пришлась.
И он считал, что это — ахинея,
И что у нас закрытость, отродясь.
Но разве внемлет молодость советам?
Кто не был молод — не поймёт вовек:
Зачем идёт наперекор запретам
Идеей увлечённый человек!
К тому же было в этом самом деле
Какое-то ребячество, порыв,
Неведомый чиновникам доселе,
Но, главное, конечно, был мотив.
Сейчас об этом помнит кто, едва ли,
С каким невероятнейшим трудом
Нам паспорт заграничный выдавали
В закрытом Николаеве моём...
И как невольно мы сошли с орбиты
Тогдашних зарубежных вояжей —
Уже всю мотались одесситы,
Скупая импорт по Европе всей.
И граждане из города Херсона
Туда катили летом и зимой.
И только мы страдали от закона,
Закрывшего любимый город мой.
И эта боль меня всю сжигала,
И я молился из последних сил,
Чтоб только случай мне судьба послала —
И этот случай мне дарован был!

5

Я как-то пригласил на новоселье,
Похвастаться, в свой новый кабинет,
А заодно и поддержать веселье
Чиновника весьма почтенных лет.
Чинуша и партийный предводитель,
Ещё в те годы вовсе не старик,
По части женской был большой любитель,
А в целом — замечательный мужик!

Он пил помногу, часто, не пьянея,
А выпив, всё переводил на баб!
И показалось мне, моя затея
Через него устроиться могла б.
Мы как-то были вместе с ним в столице.
И страстью воспылал чиновник наш:
Я позвонил своей соученице
И та ему устроила... массаж!
Ну или, может, что-то в этом роде —
Я возле них со свечкой не стоял,
И я б забыл об этом эпизоде,
Но он потом большую роль сыграл!
Чиновник клялся мне в любви до гроба,
Когда наутро встретился со мной,
И, в целом, мы довольны были оба:
Массажем он, а я — самим собой!

Мы выпили с ним, помню, ящик водки.
Я полумёртвый был четыре дня
И проклинал его шальные ходки —
Уж так похмелье мучило меня!
Теперь я понимаю, что отчасти,
Тогда лишь случай выжить мне помог.
Нет, я и сам не чужд подобной страсти,
Но перепить партийцев я не мог!
Мы, помнится, тогда наобещали
Друг другу много разной ерунды.
Уж я теперь не помню все детали,
И, вероятно, в этом нет нужды.
Но он проговорился в разговоре,
Что друг его, ещё со школьных лет,
Сегодня наверху в большом фаворе
И занимает важный кабинет.
Опять про кабинет! Вздохнёт Читатель.
И будет прав, но я ж тогда не знал,
Что «этот самый, школьных лет приятель»
Сам Кабинет... Министров возглавлял!

6

И я продлил лечение... массажем,
(К тому же он и сам не возражал),
И с каждым новым киевским вояжем
Свой замысел всё лучше представлял.
И вот однажды (Бог тому свидетель!)
Сошёлся мой удачный гороскоп:
И мой тогдашний друг и благодетель
В вопросе этом перешёл в галоп.
И, помнится, в огромном кабинете
Нас принимал его дружок-Премьер,
Где отражались люстры на паркете
Блестящий дополняя интерьер.
Друзья минуты две потолковали,
Повспоминали, кто и чем живёт,
И даже, не смущаясь на детали,
Припомнили какой-то анекдот,
И, что казалось мне совсем уж смелым,
Посмаковали давешний массаж,
Да так, что я подумал грешным делом,
Что для Премьера это был — пассаж...

Но, оказалось, он по этой части
Был тоже не последним рысаком.
И лишь вздыхал, что находясь при власти,
Не может даже думать о таком.
На этой ноте, не меняя темы
И деликатно уловив момент,
Чтоб разом разрешить свои проблемы,
Я протянул Премьеру документ.
Тот подписал его, почти не глядя,
Пока его дружок — чиновник наш,
Повествовал, как массажистка Надя
Ему намедни делала массаж...
Потом друзья сердечно попрощались
И, хлопнув по рюмашке напослед,
По-дружески тепло расцеловались,
Когда мы покидали кабинет...

7

О, как же мне, тогдашнему, хотелось,
Чтобы судьба пошла иным путём:
И всё совсем иначе завертелось
В открытом Николаеве моём.
И я тогда не просто возвращался —
Летел на крыльях в город мой, туда,
Где он неотвратимо погружался
В лихие девяностые года.
Где утасали люди и заводы,
Где и сейчас не верится порой,
Что принимали за глоток свободы
Тогда мы заграничный паспорт свой.
Поймут ли нас потомки? Я не знаю.
У них давно совсем иной отсчёт,
А я вот и теперь не понимаю,
Куда нас это время заведёт.
И лишь в одном сегодня нет сомнений:
Что этот крик души, Читатель мой,
Потомкам из грядущих поколений
Покажется нелепицей смешной.
Увы, «иных уж нет, а те — далече»,
И этот заурядный эпизод,
Благодаря давно забытой встрече,
В историю, конечно, не войдёт.
А в ком-то вовсе вызовет брезгливость,
Но я чужих упрёков не боюсь,
Ведь, если честно, за его правдивость
И сам сегодня вряд ли поручусь.
И лишь, бывая рядом с кабинетом,
На пятом, самом верхнем этаже,
Я вспоминаю изредка об этом,
Как о давно забытом мираже...

Литературный город N*

Был городок провинциальный,
Омытый с трёх сторон водой,
С периферийною тоской —
Унылый и многострадальный,
Несущий бремя прошлых дней
По части славы корабельной,
Зудившей скукою смертельной
У государственных мужей.
Зато по части развлечений
На город пал девятый вал —
Там каждый третий был бы гений,
Когда б в столицах проживал!
И у писателей-мужчин
От неуёмности натуры
Либидо как-то без причин
Ушло в расцвет литературы!
Пример тому — мой друг-эстет,
Почти сроднившийся с Пегасом,
Он был поэтом с юных лет
И неизменным ловеласом.

Достойный всяческих похвал
Во всех делах такого рода,
Он даже дым от теплохода
Для обоlections применял!
О том не раз писала пресса,
И этим жил поэт-гусар —
Большой любитель женских чар
И прочего деликатеса!

Всё это в общем-то не грех,
И, дай Господь, как говорится,
Ему в таких делах успех,
Пока от них ещё не спится.
Но, тем не менее, года
Давали поводы для стресса,
Покуда не взошла тогда
Родной словесности звезда —
И драматург, и поэтесса,
Писательница хоть куда!
И, да поймут меня мужчины,
Я сам завидовал ему —
То был талант, а ко всему
Имелись и ещё причины:

Была красавица мила,
Да так, что и писать неловко,
Хотя, скажу вам не со зла,
И в ней жила лиса-плутовка,
Но это — прошлые дела...
Она, увы, писала мало,
Транжирия творчеством своим,
Всё больше принцев ожидала,
Лет восемь душу изливала
И издавала у Гудым.

Конечно, это всё печально,
Но, если говорить банально,
О тех, с кем дружен был Пегас,
То как не привести для вас
Пример совсем иного рода,
На ком писательская мода
Определяла статус-кво,
Кто кроме прочего всего
Был премий всех лауреатом,
Гордился сыном-депутатом
И сам, соседствуя уже
С литературными богами,
Жил где-то там, за облаками,
На пятом верхнем этаже.

Он вспомнить мог непринуждённо
Всех древних греков поимённо
И ностальгировал порой
Их седовласой стариной.
А о ближайшей перспективе
Он говорил, примерно, так:
«Щоб не кохались чорнобриві
Із москалями аж ніяк!»
Я ничего не сочинил,
Подобно до вранья охочим —
Сам Анахарсис, между прочим,
О том поэту говорил!
При том замечу осторожно,
Не нарываясь на скандал,
Мне с этим разобраться сложно —
Я греков сроду не читал.

Не знаю я: читал ли их
Другой, из корифеев местных —
Прозаик из числа известных,
Кто был в масштабах городских
Непререкаем, словно классик,
И жизнелюб, и театрал.
Он часто в шляпе козырял,
Пригодной, разве что, для пасек.

Писал он много и успешно,
Но вкус провинции, конечно,
Столичным вкусам — не чета,
Здесь подкупала простота.
Любовь лечилась валидолом,
Расстройством нервов и спиртным.
А в отношениях с женским полом
Он был, как лев, неукротим!
Остёр, напорист, как пиранья,
Угодник дамский, сердцеёд,
Не признававший слова «нет»,
И до сих пор живут преданья,
Как дамы втайне от мужей,
В подушки по ночам рыдали,
Когда его припоминали
В безумствах юности своей —
Им, разумеется, видней.

Помимо них, до той поры,
На пребывающем в загоне
Литературном небосклоне
Летали, больше, комары.
И, словно у морских актиний,
У них был редкостный талант —

Ценить не выше ватерлиний
Литературный провиант!
Конечно, были, вне сомнений,
Примеры редких исключений,
Чей дар и вправду не иссяк.
Один мой друг, почти что гений —
Производитель впечатлений
И ближних плаваний мастак!
Извечный франт, любитель чарки
Из абиссинских Ойкумен,
Он славил Колесом футарки
Родной уездный город N.
Он был безумно популярен,
Ходил вальяжно, словно барин,
И лесть facebooka принимал
Превыше всяческих похвал.
Был на поэзии помешан,
Как ёлка, цацками обвешан,
И хвост в косичку заплетал.
Благословенный южный край:
Безумство моря, солнца, мидий —
Недаром даже сам Овидий
Об этом вспомнил невзначай,
Когда в предутренние грёзы
Слагал свои «Метаморфозы».

Да сам Гомер родился тут!
(Когда историки не врут.)
Но постепенно время шло,
И нравы там поупростились.
А, может, люди обленились,
Поскольку море и тепло
К Шекспиру не располагали...
Чужих там вовсе не читали,
Ну а свои же, как назло,
Примером быть могли едва ли.
И, хоть писательский народ
Строчил по книге каждый год,
Картины это не меняло,
Талантов прибавлялось мало:
Всё больше серость и слегка
Провинциальная тоска.
К тому же пишущие дамы
Предпочитали мелодрамы,
Слагая ночью у окна,
Три бледновато-жёлтых сна,
Верлибром увлекались страстно
И говорили: «Всё прекрасно!»
Начальство, видя добрый знак
В поддержке творческого цеха,
Для них старалось кое-как,
Но без особого успеха.
Да и, к тому же, как всегда,
На это денег не хватало —
Поэтов почитали мало,
Что, впрочем, тоже — не беда,
Поскольку, опыт, как-никак,
Давно сводился к анекдоту —
Кормить охотничьих собак,
Лишь отправляясь на охоту.

Начальники всегда щедры
На обещанья, слава Богу,
И отпускали понемногу
Номенклатурные дары.
А чтобы не попасть впросак,
Скорей, привычкой рефлекторной
Кормили пишущих собак
Подачкой «Улицы Соборной»...

К тому же, в наш безумный век
Кого прельстишь литературой?
Тут надо, чтобы человек
Был неуёмною натурой.
Такой, к примеру, как одна
Моя знакомая. Она
Была как будто небесами
Для этих целей рождена,
И с юных лет увлечена
Библиотечными делами,
Водила дружбу с москалями,
(Что нынче, может быть, и зря),

Но, откровенно говоря,
Прекрасна, словно Марсельеза,
И почитаема везде,
Она была, как мать Тереза,
В библиотечарской среде!
И к ней стадами в кабинеты,
Шла литераторов толпа:
И драматурги, и поэты,
И графоманы, и эстеты,
И остальная шантрапа.
Достойна всяческих оваций
На этом поприще своём,
Она для них открыла дом
Каких угодно презентаций.
Там даже, помню, был один
Полухохол-полугрузин,
Полуиздатель, полугений
На поприще разоблачений.
Ну как такого непусти —
Теперь сенсации в чести!
И все, рождённые намерд
Свои писательские бредни
Несли: и бард, и театрал,
И даже интернет-журнал,
Который вёл мой друг Качурин,
Был ею тоже окультурен!
Иначе кто бы нас пускал
В такой благословенный зал?
На этом месте, может быть,
Рассказ бы надо завершить
О городке и жизни бурной
В его среде литературной.
Но кто же автор-пасквильант,
Что перед миром всех ославил

И на посмешище направил
Свой очернительский талант?
Все эти шуточки с намёком
Ему, конечно, выйдут боком,
Но мне его совсем не жаль!
Во-первых, потому, что враль
И мнит себя неимоверно,
И о коллегах пишет скверно.
(К тому же, вообще — москаль!),
А потому и вывод ясен
И заявляю напрямик —
Любителям подобных басен
Пора укоротить язык!

Чтоб город наш провинциальный,
Водой омытый с трёх сторон,
Свой бастион патриархальный
До лучших сохранил времён!
И в череде забот земных
Всё повторится год из года —

Вновь на красавиц городских
Сойдёт дымок от теплохода,
И понесёт Ингул-река
К Парнасу новых кандидаток,
И жёлтых снов, наверняка,
Напишется ещё с десяток.
А там, глядишь, ещё мильон
Трудом писательским прельстится,
Потом на них обогатится
Любимый всеми «Илион».
Потом... Да только в том ли суть,
Что будет в этом ералаше?
Ведь мне хотелось хоть чуть-чуть
Представить завтрашнее наше:
Где всё, что мы сейчас творим,
Потомки приговором строгим
Сочтут банальным и убогим,
Да и совсем не нужным им.
А наши мысли, чувства, страсти
Они припомнят лишь отчасти
И то, скорее, невпопад,
В одну из календарных дат.
И, извлекая нас из пыли
Библиотечной полутьмы,
Забудут нас, как позабыли
Своих предшественников мы.
И всё, что мы для них писали,
Над чем мы мучились, страдали,
Что так хотели воплотить,
Они потом прочтут едва ли,
И даже если, может быть,

Причудам этим посмеются,
Но в их читающей среде
Они навряд ли приживутся,
С годами в памяти сотрутся,
И словно волны разойдутся,
Блеснув кругами по воде...

Ну, как же время быстротечно!
Ещё вчера, смеясь беспечно,
Мы даже не смотрели вдаль.
Нам всё, казалось, будет вечно,
Но всё проходит. Всё конечно.
Увы. Такая, вот, мораль.
А жаль...

**Иллюстрации николаевского художника С. Пантелейчука*

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Помощник

Скажет дедушка: «Внучок,
Принеси мне молоток —
Мы с тобой сегодня вместе
Поработаем чуток!»
Я, конечно же, не прочь,
Чтобы дедушке помочь-
Помогать ему с ремонтом
Я готов и день, и ночь!
Я согласен, так и быть,
Молотки за ним носить,
Чтоб ему не скучно было
Всё на свете мастерить!
Даже завтра и потом
Помогу ему во всём...

Лишь бы бабушкину кашу
Мне не кушать с молоком!

Воспитание мужчины

У нашей бабушки и мамы
От этих йогуртов психоз —
Они под действием рекламы,
Их накупили целый воз.
Но дед убрал к чертям «Растишку»
(Он к этой дряни не привык!):
«Не нужно им травить мальчишку —
Пусть лучше лопают шашлык!»

Лежебока

До чего же в самом деле
Стало жить не вмоготу —
Лишний раз в своей постели
Не дают поспать коту!
Ни заботы, ни печали,
Ни мышей тебе, ни крыс,
Лишь хозяева достали
Постоянным: кис-кис-кис!
Мне от них одна морока —
То им прыгай, то играй.
Говорят, я лежебока,
Вечный соня и лентяй!
Я прошу: «Хоть на морозе,
Даже если снег опять,
Даже в самой жуткой позе —
Только дайте же поспать!!!»

Мышка с мышкой шла под мышкой

Мышка с мышкой шла под мышкой,
Норку встретила в лесу.
Не считай меня глупышкой —
К норке я её несу!
Не пойму, — сказала норка, —
Для чего нужна она?
Эта мышка норке в норке
Совершенно не нужна!

Кошкин сон

Позвала я кошку спать —
Постелила ей кровать,
Перед сном помыла лапы,
Хвост укрыла у растяпы,
Чтобы он согреться мог
И под утро не продрог.
Я старалась, как умела,
Даже песенку ей пела,
Лишь бы только сразу ей
Засыпалось поскорей!
Только Мурка спать не стала —
Разбросала одеяла
И сбежала на балкон
Досыпать свой кошкин сон.
Я расстроилась, ревела —
Я ж как лучше ей хотела.
Ну такая канитель
Кошку уложить в постель!

Мишка-почемучка

Почему бывает лето?
Что такое «то» и «это»?
Где «кудыкина гора»,
И куда ушло «вчера»?
Кто мне скажет, кто ответит:
«Как Луна ночами светит,
Отчего бывают сны
И зачем они нужны?»
Все твердят: «Какой липучка
Этот Мишка-почемучка!
От его «зачем» и «как»
Попадают все впросак!
Говорят, я всем наскучил,
Всех вопросами замучил,
Задавая каждый час
Их по десять тысяч раз!
Я не спорю — я согласен,
Но один вопрос не ясен:
«Отчего мне всё вокруг
Интересным стало вдруг?
И зачем всё время дети
Задают вопросы эти?»
Ну, никак я не пойму!
Объясните: «Почему-у?»

Песенка домашнего кота

Опять серенады слышны под окном,
И как тут остаться домашним котом,
Когда будоражит похожий на крик,
Мой лучший на свете кошачий язык?
И март опьянённый, усилив стократ,
Разносит напевы ночных серенад.
И каждая кошка на радость судьбе,
Привычно гуляет сама по себе,
И каждой мечтается там, вдалеке,
Чтоб кто-то кота ей подсунул в мешке!

Скажите, к чему это каждой весной
Такое всегда происходит со мной?
Недаром, наверно, на все времена
Придумана нами, котами, в е с н а!

И только хозяйева, видно со зла,
Считают, что кошка меж нами прошла.
И очень обидно от этого мне,
Что люди не знают совсем о весне!
Когда невтерпёж даже пара минут,
Когда забываешь домашний уют,
И тянет безудержно рай в шалаше,
И кошки скребут у тебя на душе,
И часто от этого так неспроста
Хватает кота поперёк живота!

Скажите, к чему это каждой весной
Такое всегда происходит со мной?
Недаром, наверно, на все времена
Придумана нами, котами, в е с н а!

Запятые перед как...

Хуже нету наказания,
Если ты попал впросак,
Ставя знаки препинанья
Перед страшным словом «как».
Я тебе проблему эту
Постараюсь разрешить
И раскрою по секрету,
Что тут делать, как тут быть.
Запятые ставь дотошно
(Если очень допекло!)
Перед этим: «как нарочно»,
«Как всегда» и «как назло»!
И ещё с одним мученьем
Ты покончишь навсегда,
Ставя их перед сравнением:
«Как машина», «как вода»!
Если ж в качестве чего-то
Выступает слово «как»,
Например, «Ну как болото»,
То не нужно ставить знак!
Эти правила простые,
Заучи и помни всяк —
Как расставить запятые,
Перед страшным словом «как»!

Читатель

Я вчера спросил у Мишки:
«Почему же до сих пор
Он читать не любит книжки,
А бежит гулять во двор?»
Мишка долго чешет шею
И находит что сказать:
«Потому, что не умею
Я без бабушки читать!
Если бабушка здорова,
Вместе с нею, мы вдвоём,
Перед сном читаем снова
Наш любимый «Кошкин дом»!

Для тех, кто учится произносить букву Ш

Шила шарфик бабушка
Шёлковым шитьём,
Вышивала бабушка
Шипечки на нём.
Я шагаю в шарфике
С шиком, не спеша, —
До чего же бабушка
Наша хороша!

Поздравления певице Ирине Шведовой от моего внука Мишки

Я, тётя Ира, чтоб Вы знали,
Как музыканту музыкант,
Скажу, что нынче в этом зале
Всех покоряет Ваш талант!

Примите ж и моё признание —
Мужчины в зале подтвердят,
Что Вы — само очарованье
И для больших, и для ребят.

По-стариковски сумасбродя
(И, видно, в этом есть резон!),
В Вас даже дедушка Володя
Тайком от бабушки влюблён!

И я скажу при посторонних,
Хоть это вовсе не секрет —
Я тоже давний Ваш поклонник,
Как говорится, с детских лет!

Считалочка

Это — ёжик.

Это — ножик.

Это — ровно десять ножек.

Это — мой велосипед.

Это — мама ест обед.

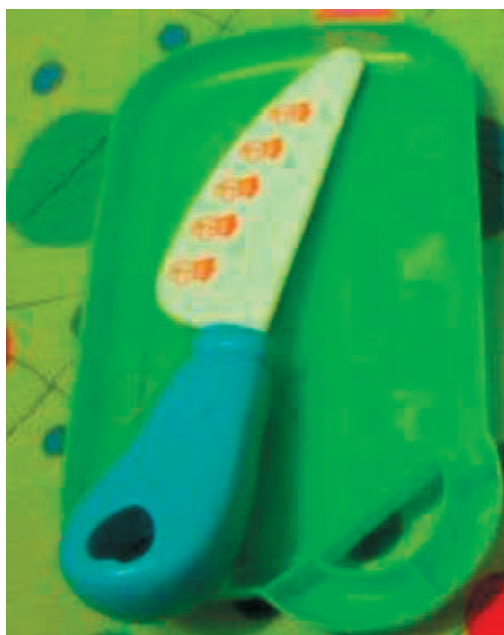
Это — Ирка спит от лени.

Это — рыба деда Жени.

Это — я среди друзей в зоопарке у зверей.

Это ножик — только детский.

Это — лает пёс соседский.

Это — все мои друзья.

И остался только я!

ПАРОДИИ И ШУТКИ

Про Пегаса

Погиб Пегас — невольник чести!
Не стало друга и коня,
Который мог бы лет на двести
Спокойно пережить меня!
Но тут коню не подфартило,
Стал мой Пегас невыездным —
Писал его хозяин хило,
Всё больше в стол, дарил другим,
Стихи давались через силу
И это всё, в конце концов,
Свело несчастного в могилу,
А общий вывод был таков:
Его кончина очевидна —
На этот раз не тот ездок!
И злющ словами, как ехидна,
И что-то графоманит впрок,
И ладно, был бы под запретом,
Или собою неказист,
Да, пусть, хотя бы стал поэтом,
А то ведь — просто... пародист!

Шекспировские страсти...

*Людмиле и Анатолию Соколовым,
актёрам Николаевского русского драматического театра*

Ах, эти театральные подмостки!
Какие страсти вспыхивают там:
Интриги, ловеласы, вертихвостки
И примадонны вечных мелодрам!
Они для всех открыты лишь отчасти
И нам ли знать, что там среди кулис,
Похлепше, чем шекспировские страсти,
Бушуют у актёров и актрис...

В ночной тиши актриса Соколова
Играет Дездемону в сотый раз.
И в сотый раз супругу-мавр снова
Выплёскивает чувства напоказ.
А черный мавр —противен и ужасен
(Артист театра Толя Соколов),
Но нынче он не то, что громогласен, —
Он вовсе не находит нужных слов!
Причина, к сожалению, знакома,
И всё предельно ясно без прикрас —
Актёр не ночевал сегодня дома
И повстречал супругу лишь сейчас.
Ну а она, узрев его на сцене,
Уже не в силах сдерживать накал:

«Ну что, дружок, попался на измене?
И с кем же ты сегодня ночевал?
Всю ночь не спали мы — и я, и мама,
А этого мерзавца нет и нет!»
И вот уже шекспировская драма
Выходит за классический сюжет.
Несчастный мавр был бледен, как икона,
Ну а его известный монолог:
«Молилась ли ты на ночь Дездемона»
Звучал, как издевательский подлог.
Похоже, дело двигалось к расправе,
Но прежде наступает судный час —
За ту блондинку во втором составе,
С которой был застукан в прошлый раз.
За то, что от его любовных шашней
Жене, как говорится, свет не мил,
А после этой выходки вчерашней
Она и вовсе выбилась из сил.
И Дездемона на виду у зала
Сюжет закоротила в эпилог —
Актриса гром и молнии метала
И вкладывала душу в монолог!
Он завершился редкими словами:
«Ты, Соколов — развратник и подлец!»
И Дездемона, изловчась руками,
Отелло задушила под конец!

Разговор со Всевышним в предновогоднюю ночь

Мне голос был...

А. Ахматова

«Мне голос был». Господь Всевышний
Был строг со мною: «Милый мой,
Ты и прозаик никудышный,
И стихотворец никакой.
Ты грешен, сын мой, очень грешен.
И жаль, что за свои грехи,
Ты не был вовремя повешен
И снова взялся за стихи.
Вот ты людей словами хаешь,
Насмешки строишь невзначай.
И чёрт-те что насочиняешь,
А мне потом — сиди, читай!
Намедни слушал я Щедрову —
Тебя зывала приструнить
За то, что ей и Иванову
Ты не даёшь спокойно жить!
Замучил, говорит, проклятый —
Молила из последних сил,
И в пятый раз, и в двадцать пятый,
Чтоб я тебя утомил!

Опять же, друг твой Финогеев,
Намедни жаловался мне,
Что он таких, как ты, злодеев,
Не видел даже и во сне!
Просили Суров и Качурин
Тебя анафеме предать
За то, что злющ и бескультурен
И к ним цепляешься опять!
Матвеева всплакнула даже,
Когда призналась, чуть дыша,
Что, мол, и с ней картина та же!
(Она-то чем не хороша???)
Зачем ты вечно мутишь воду,
Людским законам вопреки,
И пинешь через пень-колоду
Свои несносные стишки?
Ужель такому демагогу
Сойти всё это может с рук?
У нас на небе, слава Богу,
Отлично ловится фейсбук,
А потому не жди поблажки
И снисхождения не жди —
Твои грехи настолько тяжки,
Что даже к бабке не ходи!

Предупредить хочу серьёзно
(И это вовсе не клише!):
Бросай чудить, пока не поздно.
Подумай, грешник, о душе!
Покайся, пародист, покайся —
Очисти душу, рифмоплёт.
И хоть сегодня постарайся
Не портить людям Новый год!

...

Ну что сказать мне в оправданье?
Я виноват и всё приму —
И Божий гнев, и наказание,
И гнев людской. А потому,
Господь Всевышний! Обещаю,
Что больше ни о ком зазря
Ни слова не насочиняю
Аж до... второго января!

Шуточные стихи по поводу поэмы Аркадия Сурова «Николаевская азбука»

1

А идея в целом хороша:
Будет чем потомков позабавить!
Ведь и алфавитом, не спеша,
Горы можно двигаться заставить.
До последней буковки дойти,
Если всё продумать повсеместно.
Ёлки-палки! На таком пути
Жизни ведь не хватит, если честно!
Здесь материалов завались —
И поэты есть, и адмиралы.
К каждой букве — только не ленись,
Лучше подбирай материалы!
Можешь быть уверен, что друзья
На фейсбук тебе поставят лайки.
От таких стихов, от А до Я,
Почему-то сразу верю я —
Разрежутся все домохозяйки!
Следом почитателей отряд
Твой шедевр на фразы расхватает —
(У таких стихов, как говорят,
Фабула в прогаре не бывает!)
Христенко, конечно же, начнёт
Целый день насмешками бросаться,
Что, вполне естественно, найдёт
Шалопаев, в смысле, посмеяться.
Щеголяйте, только всё не в счёт —
Это ведь совсем не важно, ибо,
Южный город азбуку прочтёт.
Я уверен. И на том спасибо.

2

Боцман будет бить баклуши,
Бригадир берёт беруши,
Бессознательно, без брома
Баржу бьёт «Борис Бутома»,
Бугом бороздят буксиры
(Баламутят бригады!),
Безбилетники беспечно
Бродят БАМом бесконечно.
Благолепствуя бедламу,
Будто Бог, бредёт по БАМу
Босс беспечных балагуров —
Борзопис Баркадий Буров.

Полу...

*Стихает взвинченность концерта,
И мне б побыть наедине.
Напротив дама полусвета
В полукабацкой полутьме.
И под простое караоке,
Как мимолётный парадиз,*

*Взлетает взгляд с полунамёком
С полуопущенных ресниц.
Прощай. Уеду, занавесясь
За полустёртое панно...
И грустно смотрит полумесяц
В полуоткрытое окно.*

*Александр Иванов
«Полу...»*

Когда один идёшь с гулянок,
Невольно попадёшь в капкан...

Забытый Богом полустанок
И полуночный ресторан,
Напротив дама полусвета
В полукабацкой полутьме —

Вся чёрт-те как полуодета,
С полупонятным реноме.
Не думал я, что выйдет боком,
Мне этот мимолётный блиц:
И полувзгляд с полунамёком
Полуопущенных ресниц.

Потом любовь под караоке
И остальной кордебалет...
(Не зря же пишут на Востоке,
Что хуже водки лучше нет!)
Тому подобных околесиц
Я не творил уже давно —
Смеялся даже полумесяц
В полуоткрытое окно.
А поутру свои растраты
Я вспоминал, нахмуря бровь, —
Отдал, как дурень, пол зарплаты
За полоумную любовь!

Рецепт стихосложения...

*Ты не ищи в себе виновника,
Когда судьба твоя горька.
Спустись к реке, к кустам шиповника,
Попей воды из родника.
Послушай свист крыла вороньего,
Вглядиись в движение воды.
И нет уж звука постороннего.
И нет предчувствия беды.
Пройдет твое ожесточение.
Бросаться в омут не спеши.
О, мир природы! Ты спасение
Для потревоженной души.*

Вячеслав Козлов

«Ты не ищи в себе виновника,
Когда судьба твоя горька»,
А выпей не отвар шиповника,
А пару рюмок коньяка.
И ты услышишь, как огонь его
Мгновенно даст свои плоды —
Не станет звука постороннего,
Да и предчувствия беды.
Пройдет твое ожесточение.
И вот тогда садись, пиши
Любые вирши для спасения
Твоей измученной души!

Женский манифест

*Любите женщину не только день в году.
Ей нездоровится без ласки и внимания.*

*С. Захаров
«Любите Женщину...»*

Бездельники! Мерзавцы! Импотенты!
Пора бы вас давно предать суду,
За вашу лень и ваши аргументы
Любить супругу только раз в году!

А всё диван-подлец! Как говорится,
И день, и ночь на нём! Да вашу ж мать!
Ну как же надо было с ним сродниться,
Чтоб от него ничем не оторвать!

Купите гири, обтирайтесь снегом,
Оставьте, ради бога, свой диван!
В конце концов, займитесь просто бегом
В пургу и в снег, и в утренний туман!

И вы опять понравитесь друг другу,
Пивной живот наверняка спадёт,
И сможете любить свою супругу
Хотя бы раз в неделю, а не в год!

А всем, кто против, в этом в манифесте
Скажу, как есть — открыто, на виду:
Стреляла бы вас, извергов, на месте,
Кто любит женщин только раз в году!!!

Про интернет...

«Вчерашний день, в часу шестом»
Читал я в интернете,
Что, дескать, скоро заживём
Мы лучше всех на свете.
Такое счастье впереди,
Что не захочешь рая.
И Музе я сказал: «Гляди —
Страна у нас какая!
Теперь да я, да мы с тобой
Такого понапишем,
Что деньги потекут рекой —
Вмиг стану нуворишем!»
А Муза мне: «Сходи к врачу —
Там за углом больница.
Я с дураками не хочу
В таких делах водиться!
Не пей, писатель, натошак,
Читая глупость эту.
Ты, вроде, с виду не дурак,
А веришь интернету.
Прости, поэт, наверно, я
Уйду к другим поэтам...»

Она, конечно же, свинья,
Но, тем не менее, друзья,
Не верьте интернетам!!!

Про собак

*Я родился на каторжном Урале,
Меня там чуть собаки не сожрали,
Не потому, что больно лютовали,
А просто есть хотели. Я болел
Ангинами — компрессы, запах водки,
Вот я в пилотке улыбаюсь с фотки,
А вот кричу, ругаюсь что есть глотки,
С тех пор я только в крике преуспел.
Аркадий Суров*

«Я родился на каторжном Урале»,
И там из-за какой-то чепухи
Меня зимой собаки покусали,
Но я тогда не знал, что за стихи.
Шло время, я уехал в Николаев,
Забыл про тех собак, а там опять
В сообществе таких же раздолбаев
Свои стихи продолжил сочинять.
Казалось мне, уральские собаки
Остались в прошлом. Как я был неправ!
И здесь нашлись со временем писаки,
Способные кусать, как волкодав.
Они такую пишут ахиною,
Что даже повторить их — моветон,
И я, признаться, иногда жалею,
Что тоже пародистом не рождён.
Другой давно призвал бы их к ответу,
Но мне возиться с ними недосуг —

Как тяжело на свете жить поэту,
Когда вокруг поэта столько сук...

История любви (виртуальный вариант)

*В Саудовской Аравии женщин с этого года
начнут уведомлять о разводе с помощью СМС...
Из сообщений СМИ*

Какие молодцы арабы!
Ведь это ж истинный прогресс —
Теперь избавиться от бабы
Возможно через SMS.
Удобно. Быстро. Современно —
И никаких проблем (ни-ни!),
Когда и слёзы непременно,
И нервы. Боже, сохрани!
Вот и у нас вначале было
Всё, как у всех, у остальных —
Мы с ней беседовали мило
Во всех аккаунтах своих,
И наши радости и беды
Мы обсуждали, как могли,
И душевные беседы
На Одноклассниках вели,

И сразу ощутили оба,
Что мы теперь навеки тут
И что у нас любовь до гроба
(Пока аккаунт не снесут!)
Но, видно, не сложилось что-то,
Когда, не веря чудесам,
В сети я обнаружил фото
С её страницы в Instagram.
И как-то всё поникло разом,
И стало ясно, что не зря
Любовь накрылась медным тазом
(И это мягко говоря!)
Я ждал от Гугла объяснений,
А он смеялся надо мной —
Как ты дошёл до отношений
С такой изменщицей-змеёй???
И я забанил вход гадюке,
Презрев цензурный политес...

Вот так мы встретились в Фейсбуке,
А разошлись по SMS!

Январские размышления о Вере, Надежде, Любви и Славе...

Что снег? Иллюзия, химеры!
А ты попробуй проживи
Тут в Николаеве без Веры,
Надежды, Славы и Любви...
Мне славы Славы на добиться —
Как говорится, не достать.
Но, если есть к чему стремиться,
То, хоть бесСЛАВИЕМ не стать!
Надежда в облаках витает...
Ну что поделаешь? А жаль!
Мне так Надежды не хватает,
Пока её прельщает Даль*...
А жизнь тем временем проходит,
И только слышится в толпе,
Что нынче Вера верховодит
И в брэнной жизни, и в СП**,
Хоть там любви (стихов и прозы!)
Не сыщешь даже с фонарём —
Такие, вот, метаморфозы
Случились этим январём!

* — В.И. Даль — *русский лексикограф*

** — *Союз писателей (Спілка письменників)*

Расписка

Согласно новому закону Украины № 2229-VIII с 11 января 2019 года любые сексуальные действия, совершенные без документального согласия партнера, будут отныне квалифицироваться, как сексуальное насилие. Наказание — срок до пяти лет лишения свободы...

Я рад, мадам, что Вы в моей постели,
Но слишком расслабляться не резон —
Друг другом мы ещё не овладели,
А всё равно нарушили закон.
И, чтоб не подвергать друг друга риску,
(Надеюсь, понимаете, чего!)
Садитесь и пишите мне расписку,
Чтоб не было проблем ни у кого!
Она для Вас пустяк, а мне — напротив,
Когда не зафиксируете Вы,
Что так и так, была совсем не против
И он всю старался, но, увы, —
Сказались годы, лишние волнения,
И хоть уже понятно и ежу,
Что не было состава преступления,

Но как я это завтра докажу?
Войдите, ради Бога, в положение,
Ведь тут, мадам, не то что Ваш каприз,
А лишь одно неловкое движение
И «рейтинг» сам собою рухнет вниз!
Зачем и мне, и Вам такие муки,
Да и публичность тоже не нужна —
Ведь у меня, простите, дети, внуки,
Любимая работа и жена.
И потому, не подвергая риску
Меня ни с той, ни с этой стороны,
Пишите, умоляю Вас, расписку —
Для тех, кто в МВД, и для жены!

22 апреля 2019 г....

(Следующий день после 2-го тура выборов Президента Украины)

В то утро вы проснётесь на рассвете
И, наслаждаясь радостным моментом,
Начнёте жить при Вове или Пете
(Смотря кого объявят Президентом)
Вы этот день запомните едва ли,
Забудутся интриги и дебаты,
И то, как вы вчера голосовали,
И то, как вам считали результаты.
Как заиграют в чью-то честь фанфары
И понесутся здравицы и пьянки,
Ну, а кому-то, ожидая нары,
Придётся выпить кучу валерьянки.
И тут не важно: кто кого засудит,
(А уж помочь ему и не пытайтесь!) —
Пощады проигравшему не будет,
А потому попкорном запасайтесь.
Отбросьте все тревоги и волнения,
Вам в этот день навряд ли что исправить...

Но, главное, ребята, с днём рождения
Не позабудьте Христенко поздравить!

Наваждение...

Была весна, цвели сады и пели птицы,
А я в гостях был у своей соученицы —
Мы с нею рядышком за партою сидели
И, видно, оба своё счастье проглядели.
Она красавицей была неоспоримо
И всё с ухмылкой сквозь меня смотрела мимо.
И было ясно, что её мне не добиться,
И мне хотелось тут же сразу утопиться...
И вот мы снова с ней, и мысли налетели,
Как будто двадцать лет прошли, как две недели —
Она — всё та же и совсем не изменилась.
И поначалу даже радостью светилась,
И лишь заметила с привычною ухмылкой:
«Какого ж чёрта ты пришёл с одной бутылкой???»
И мне, как прежде, захотелось утопиться,
Потом повеситься и сразу удавиться...
Ну, ведь бывает же такое наваждение,
Когда не радуется весна и птичье пенье!
И я стоял, как будто в рот набрав горчицы,
А за окном была весна и пели птицы...

Грабёж

Так случилось, что некоторое время назад мою квартиру ограбили. Причём произошло это в тот же день и, практически, в тот же час, когда была ограблена дача известного поэта А. Вознесенского в Переделкино. При случае, я рассказал ему об этом совпадении, и он подарил мне книгу своих стихов с удивительной надписью:

«Ограбленному от ограбленного». В тот миг я понял, что, благодаря ограблению стал обладателем настоящего раритета-книги стихов выдающегося поэта с его уникальной подписью, которой, я надеюсь, уже никогда ни у кого не будет...

Андрею Вознесенскому

Мне люди с детства повторяли:
Володя, не пиши стихов.
Добром не кончишь. И едва ли
Тебе навешают медали
За это рифмованье слов.
Но я не внял предупреждениям.
И, за упрямство прошлых дней,
Вполне возможно, Провиденьем
Я был наказан ограбленьем
Моей недвижимости всей.
Но равновесие в природе
Ещё никто не отменял
И после ограбления, вроде,

Пилюли, в некотором роде, —
Я от судьбы подарка ждал.
И я обласкан был судьбою,
Счастливый вытащив билет,
Когда нетленною рукою
Мне книгу подарил Поэт.
Вот так воистину, не знаешь,
Где потеряешь, где найдёшь,
И в суете не замечаешь,
Как дар бесценный получаешь.
Спасибо людям...
за грабёж!

Вячеславу Качурину в день рождения

Ночной бессонницей объятый,
И, всеу проклиная ночь,
Я стих писал замысловатый
С надеждой, верою и проч.
Не обладая Божьим даром,
И, больше проявляя прыть,
Я всех мечтал одним ударом
Своим творением сразить!
Но был мой стих убог, халтурен,
И рассыпался, как труха,
Покуда не открыл Качурин
Мне тайну главную стиха.
Он говорил, благословляя:
«Пиши стихи не напоказ,
А так, чтоб дамы, их читая,
В тебя влюблялись каждый раз!»
И вот теперь без сожаленья
Спешу вернуть ему долги.
Поэт! Хотя бы в день рождения,
И ты себя превозмоги!
Пиши, поэт, стихи и драмы,
Презрев года и политес,
(Пока хотя б немного дамы
К тебе имеют интерес!)
Покуда юн душой, как прежде,
И в поэтической среде
Будь предан до конца Надежде!
(Любови, Вере и т.д...)

Диалог с В. Качуриным по поводу NN

*Забыв про домыслы и бредни,
Что возникают тут и там,
Я посетить решил намерен
Салон одной из светских дам.
И там она в беседе личной
Сказал мне, почти без сил,
Что некий X, поэт столичный,
Ей стих интимный посвятил.*

*Она была в таком экстазе,
Что не хотела ничего...
Нет, я не против этой связи,
А даже более того...
Но как посмел писатель этот,
Войдя в элитные круги,
Тайком использовать мой метод
Морочить женщинам мозги?*
(В. Качурин)

Он, вероятно, опорочить
Меня пред Вами захотел.
Чтоб женщинам мозги морочить?
Да я бы в жизни не посмел!
Теперь мы с ним, чего лукавить,
До гробовой доски — враги...
Как мог меня он так ославить?
Что я морочил им? Мозги???
Но утверждение это ложно,
И пусть Качурин даст ответ,
Ну как же то морочить можно,
Чего совсем на свете нет?

Донос

*Натолкнуло на мысль после прочтения стихотворения моего
друга поэта А. Иванова «Продолжение жизни»*

Буду я, то плакать, то смеяться,
Мне близка эмоций пестрота.
Облачаюсь в балахон паяца,
А с изнанки — рубище Христа.
Но в какой бы ни был ипостаси,
Послаблений не даю себе.
В ГДР я увильнул от Штази
И не стал сексотом КГБ.
А чуть что, я как актёр в театре,
Шуточки бросаю с кондачка.
До сих пор храню в репертуаре
Роль шута и имидж простачка.
Пусть вопят хулу моим затеям,
Мол, не пустят в райские врата.
Что ж, и вправду был я лицедеем,
А вот лицемером — никогда.
Как прочтут моих деяний карму —
По большому счёту всё равно.
Если в рай — увижу свою маму,
А в аду приятелей полно.
Подведя черту под темой зыбкой,
Сам себе команду — держись!
Если можно умереть с улыбкой,
Я всегда готов...

Продолжить жизнь.

Александр Кузьмичу Иванову — другу и поэту

Можете хоть плакать, хоть смеяться,
Но пишу, как есть — начистоту:
Некто N изображал паяца,
Якобы, для близости к Христу.

А вчера на нашей автобазе
Я прочёл бумажку на столбе —
Пишут, он сотрудничал со Штази,
И служил сексотом в КГБ!

Может петь. Играет на гитаре.
Шуточки бросает с кондачка,
И хранит в своём репертуаре
Нелегально (!) имидж простачка.

Не исключено — таким манером
Может дома прятать пистолет.
Говорит, что не был лицемером
(Говорит, но документов нет!)

Завершая с этой темой зыбкой,
Думаю, прибегнет к шантажу:
Утверждает, что умрёт с улыбкой —
Прослежу. Отмечу. Доложу!

Диалог на пленэре

*А было сначала — гитара звучала
И сердце стучало — рвалось на простор.
А ты всё шептала: мне этого мало
Стихи да гитара — пустой разговор.*

В. Качурин

Мы встретились там, где природа блистала
И благоухала дыханьем листвы.
И нам показалось, что этого мало
И время настало для смятой травы.
Я песни ей пел о морях и Париже,
Чтоб стали мы ближе под сенью берёз.
Она не роптала, но тихо сказала:
Решим для начала с оплатой вопрос.
Опомнись, кричал я! Поэтам пристало
Стихами платить за любовь на траве.
Но ты отвечала: мне этого мало.
Мне б шубу из норки, а лучше бы — две.
Ещё чего! Шубы тебе не хватало?
И сердце рождало то гнев, то укор.
Но ты повторяла: мне этого мало:
Стихи да гитара — пустой разговор.
Пойми, говорю: гонораров не стало,
Зарплату не платят, кредитов не счесть.
Ты тихо сказала: мне этого мало,
Но ради искусства — давай, сколько есть!
И мы, повинувшись древнейшему чувству,
Слились воедино в своё забытьё.
Я рад, что её приобщил я к искусству
И сам приобщился... к искусству её!

Дом-2

*Телевизор...Тапочки...Тахта...
Разве это всё, о чём мечталось?
Ведь была ж какая-то мечта,
А теперь — лишь горечь и усталость.
А. Матвеева «Дом»*

Детство... Дача... Первые шаги...
Детский сад... Разбитые коленки...
Голос мамы: горло береги!
Дальше школа... Первые оценки ...

Первое свидание... Весна...
Лето... Осень.. Первые проблемы...
Чем ты думал, олух?.. А она?...
Как же вы дошли до этой темы???

Дальше свадьба...Полный дом гостей...
Суета...Всеобщее веселье...
Крики: «Горько!»... Тосты за детей...
Утро... Просыпание... Похмелье...

Дом... Жена... Нехватка денег... Быт...
Первые истерики... Скандалы:
«Ну и где ж ты шляется, паразит?
Что, опять у этой прилипалы?»

Пьянки... Приползание на бровях...
Ревности по поводу любому...
(А сама, как дура, в бигудях,
Целый день шатается по дому!)

Наконец, последняя черта —
Пенсия и всё, о чём мечталось:
Телевизор...Тапочки...Тахта...
Это всё, что от него осталось!

Зайка

Известный николаевский поэт В. Качурин почему-то очень не любит детские книги о зайчиках, рыбах, котятах и пр.

Зайку бросила хозяйка,
Дверь закрыла на замок —
Под дождём остался зайка
И до ниточки промок.
Стал он хмур, лицом понурен,
Даже сам себе не мил,
А ещё поэт Качурин
Очень зайку не любил!
Доходило до интрижек
В отношении бедных зай,
Если он в какой из книжек
Видел зайку невзначай.
Поносил он их публично,
Вспоминая чью-то мать,
И считал категорично —
Про зайчишек не писать!
Случай явно медицинский,
Видно, с юности своей
У него характер свинский
От любимых им свиней.
От подобных интриганов
Нет защиты у зверья —
Это хуже всех Майданов
И одно скажу вам я:
«Если вдруг поэт Качурин
Будет вновь качать права,
Будь с ним вежлив и культурен,
Но скорей звони «02»!

Гастрономический сонет

*... Он угощал её стихами —
«Мадам, попробуйте сонет!
Десерта слаще просто нет,
Вы убедитесь в этом сами!»
Маджента.
«Он угощал ее стихами»*

Я угощал её стихами:
«Мадам, откушайте сонет!
Вы убедитесь в этом сами —
Не стих, а нежный винегрет»
Она, смутившись, отвечала,
Что после всех моих стихов
Во рту как-будто привкус сала —
Не вру — спросите у хохлов!
Я был взбешён: «Ну как же можно
Равнять поэзию и шпик???

Такие вещи спутать сложно,
Ведь это даже не шашлык!»
Ей тут же вспомнились грузины
И, непонятно отчего,
Спросила: «А про мандарины,
Вы не писали ничего?»
Мадам! Как можно быть жестокой?
Да я ведь лишь сказать хотел,
Что я в поэзии высокой
Давным давно собаку съел!
Она зарделась деликатно
И, как заправский эрудит,
Сказала мне: «Весьма занятно —
У Вас отменный аппетит,
Но Ваши опусы, мой гений,
Всегда кончаются одним —
Катар на почве несварений,
И утром пачками «Мезим»!

Конъюнктурщик

Устремлённый к святым небесам,
Возведённый по мудрым проектам,
Служит людям божественный храм
На скрещеньи Садовой с Проспектом.
В куполах притаились века,
И примерив наряд подвенечный,
Безмятежно плывут облака
Над земной суетой бесконечной.

Славят люди Творца своего,
Поклоняясь величию храма.
Припадает к подножью его
Городских площадей панорама.
И добро излучая окрест,
Нас хранит от напасти суровой
Этот Богом начертанный крест —
Перекрёсток Проспекта с Садовой.

В. Качурин,

«Храм на перекрёстке»

«Устремлённый к святым небесам»,
Конъюнктурно и даже с аффектом,
Он писал панегирик про храм
«На скрещеньи Садовой с Проспектом».

«В куполах притаились века»,
Словно чувствуя пошлость поэта,
И неслись над землёй облака:
«Всё, поэт, твоя песенка спета!»

А наутро мой город невест
Ошарашен был правдой суровой —
На ПОЭТЕ поставлен был крест!
(На углу у Проспекта с Садовой...)

В защиту Дантеса

*Жестокость жизни время не скрывает.
Талант и гениальность не любя,
Поэтов беспощадно убивают
И я всерьёз волнуясь за себя.*

*Ведь становлюсь известней и виднее
И украшаю творческий процесс,
Но кажется мне с каждым днём сильнее,
Что и меня преследует Дантес.*

А. Шифрин, «О новом взгляде на итог
дуэли Пушкина и Дантеса»

Как много развелось на белом свете
Любителей историей вертеть —
Им непременно надобно в сюжете
Себя на месте Пушкина узреть!

Мол, и сейчас Дантесы убивают
Поэтов за словесную стряпню:
Не издают, не платят, не читают —
Короче, истребляют на корню!

Я не любитель крови и эксцессов,
Но, чувствую, иного нет пути,
Чем воскресить немедля дух
Дантесов. И графоманов напроць извести!

Давным давно пора вопрос поставить:
Дантес не враг, а леса санитар!
Иных ведь нужно просто обезглавить
За тухлый поэтический товар.

Дантес, воскресни! Для иных поэтов
Твой опыт пригодился б и сейчас:
Всего-то нужно — пара пистолетов —
И графоманы сгинули бы враз!

А критикам скажу: Идите в баню!
Меня достала эта пачкотня!

А если я невольно «сграфоманю» —
Без жалости стреляйте и меня!

Ода НЕспящей красавице

А.П.

Прекрасна, как небес создание,
Неотразима, как Луна,
Была само очарованье,
Вне всяких домыслов, она.
Но был один огрех, в котором,
Признаться, грешен я и сам —
Её влекло за монитором
Сидеть часами по ночам.
Такие шалости отчасти
Присущи, разве, шантрапе,
Но как поверить в эти страсти
У восхитительной А.П.???
Ну, я-то, ладно, — пень трухлявый,
А ты-то почему не спишь?
Зачем, скажи мне, Боже правый,
Ты за компьютером сидишь?
Вот я в твои, Анюта, годы
Совсем не знал компьютерОв,
И, не видать мне век свободы,
Был счастлив и вполне здоров!
А ты-то, ты чего страдаешь,
Ночами глядя в монитор,
И битый час воспринимаешь
За откровенье всякий вздор???
Тебе бы жизнью наслаждаться,
Любить мужчин (по мере сил!)

Эх, скинуть мне годков бы двадцать,
Я б не такое предложил!

Письмо генералу

*Товарищ генерал! Пишу, рыдая,
Пусть «женская», но всё-таки беда...
Примите меры! Я дошла до края —
Мой муж ушел в «танкисты» навсегда.
Полночи, матерясь, стучит по клавише —
Союзники опять продули флаг...
К чему стремиться? К подвигам и славе?
Штурмует нарисованный Рейхстаг?
Татьяна Шкодина «Письмо генералу»*

«Товарищ генерал! Пишу, рыдая»,
Но дальше так страдать не вмоготу!
Примите меры! Я дошёл до края —
Жена меня обходит за версту.

«Полночи, матерясь, стучит по клавише»,
А в спальню, извините, ни ногой!
Я, может, Вам писать о том не вправе,
Но это всё, скажите мне, на кой?

Ей, видите ли, нравятся танкисты,
А мне от них всю ночь покоя нет!
(У вас там есть какие особисты,
Чтоб запретить танкистам интернет?)

Сто раз просил — уйди ты от экрана,
Ведь ты ж, Татьяна, мужняя жена!
Скажи мне откровенно, без обмана,
Зачем тебе танкисты? На хрена???

Молчит, как рыба, но по всей квартире
Их фото поразвесила на днях.
И ясно мне, как дважды два четыре,
Что непорядок в танковых войсках!

Проблема есть, и это очевидно,
(Я зря бы Вам об этом не писал!) —
Не за себя, а за страну обидно —
Уж Вы примите меры, генерал!»

Счастливым вдовец

Виктору Белоногу

*В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца.
И, много лет, живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.*

Р. Бернс

«Счастливым вдовец»

Я повстречал её весной,
И в эти дни бессонные
Я погружался, как чумной,
В её глаза бездонные.
Её красивой создал Бог,
Какую свет не видывал,
И друг мой, Виктор Белоног,
Мне искренне завидовал.
Но после тёплых майских дней
Увы, пришло прозрение,
А ближе к осени о ней
Переменилось мнение.
Теперь я видел в ней чуму,
Стервозную и лживую.

И сам я толком не пойму:
Зачем любил красивую?
Видать, Господь не уберёт
Мозги от помутнения
И, кстати, Виктор Белоног,
Он был того же мнения.
С тех пор прошло немало лет,
Но мало что меняется,
Ведь разгадать любви секрет
Не каждому случается.
Таков печальный эпилог,
Когда любовь не ценится...
А друг мой, Виктор Белоног —
Он до сих пор не женится!

Плач редактора литературного журнала в год Красной Обезьяны...

Я год промучился с Козою —
Всё как-то шло не тем путём.
Жена моя, и та, не скрою,
Весь год звала меня козлом!
Я бился в стену, лез из кожи,
Но слышал лишь одно в ответ:
«Ты постоянно корчишь рожи
И думаешь, что ты — поэт???
Пойми, бездарный сочинитель,
Ты для Парнаса не рождён —
Ты жалкий рифмоплёт-любитель,
Каких на свете миллион!
Твои стихи, как наказание,
И то, что ты придумал тут,
Сплошное дураковаленье,
А твой журнал — мартышкин труд!
Ни новых книг, ни раритетов,
Да и стихи — ни то, ни сё...
И вообще, из вас поэтов —
Качурин, Креминь, да и всё!»
Я с ней согласен был отчасти —
Увы, с поэтами беда,
И вообще, в моей ли власти
Судить о пишущих, когда
Кругом сплошные графоманы.
Но, может, в наступивший год,
С приходом Красной Обезьяны
Мне хоть немного повезёт
И к нам на смену бесконечным
Псевдостихам иных козлов,
Придут Лисянский с Поперечным
И с Винграновским Январёв!

Журналистке NN по поводу моих пародий

Я Вам скажу, мадам, как журналистке,
Что, если вдруг настанет Судный день,
Я Господу скажу: «Служил в очистке,
Не наводя ни тени на плетень!»
Но, если я уж за кого-то брался,
То были те совсем нехороши,
И, видит Бог, я только лишь старался
От плевел очищать зерно души!
Я вовсе не злодей и не безбожник,
А помыслы чисты и не новы.

Беда, коль пироги печёт сапожник!
Вот так же и с поэзией. Увы...

* * *

Не знаю, как в былые годы,
Но в наши благодные дни
В стихах бывают эпизоды
Ночному золоту сродни —
Неудержимо и цинично
В среде словесной шелухи
Распространяется публично
Дерьмо под вывеской «стихи».
И тут, спасеньем от заразы
Приходит Божья благодать —
Уж лучше чистить унитазы,
Чем у иных стихи читать...

О смысле жизни...

Нету смысла! Совершенно нет,
От зимы и осени, и лета!
Вот, к примеру, наступил рассвет,
А какая польза от рассвета?

«Абсолютно, пользы — ни-ка-кой!»
Или, вот, под окнами вороны —
А зачем нам это? Ну на кой?
И таких вопросов миллионы...

Каждый день с утра нудит жена
О хитросплетеньях женской доли:
«Всё строчишь, поэт, а на хрена?
Камасутру почитал бы, что-ли...

Может, там найдёшь какой секрет,
(Даже намекала наводяще!),
Что от писанины проку нет,
А любить ты мог бы и почаще...»

Так что ты не майся, дорогой, —
В мире всё бессмысленно и тленно,
Вот и от тебя, писатель мой,
Тоже толку нету. Совершенно!

Визит

*И вот пришла поэзия, стоит
в дверях /в сенях/ на самоваре бабой.
И тянет вверх, и тянет говорить,
но горло перехватывает как бы.
И блеск от слов, точнее, гарь горнил,
доспехов блеск, восторг оруженосцев.
И вот пришла поэзия — гони!
Или отдай, но только не потворствуй.
Иначе жизнь — бессонная петля.
Ишь, как душа под панцирем клокочет.
И вот пришла поэзия. Ныряй.
Не оставляй свободы многоточьям.*

Евгения Баранова,
«И вот пришла поэзия»

Такие, вот, сограждане, дела...
Я столько лет живу, с женою ладя,
А тут, надясь, Поэзия пришла —
Одна, как говорится, на ночь глядя.
Супруга сразу в крик: «Ну ты хотя б
Жену свою родную постеснялся —
Уже домой приводишь на ночь баб!
Совсем ты, Николай, распоясался!»

Развратничать??? Да Боже сохрани!
Поговори ещё мне, поупорствуй...
«А коль пришла Поэзия — гони!
Что хочешь делай, только не потворствуй».
Куда деваться? Я и сам не рад
Такому, извините, суеверью.
И ляпнул ей с порога, невпопад:
«Вы дамочка, того... ошиблись дверью».

С тех пор не жизнь — бессонная петля,
И лишь порою мысли колобродят:
«Какого же, скажите, чёрта, бля,
К нам эти Музы по ночам приходят???»

Аркадию Сурову

<i>Наши задницы волосаты,</i>	<i>Мы ещё спешим по привычке,</i>
<i>Наши чёлки серы, как порох.</i>	<i>Говорим: «Вот весна настанет...»,</i>
<i>Мы морицинисты и носаты,</i>	<i>Мы ещё зажигаем спички,</i>
<i>Нам за тридцать, скорей, за сорок.</i>	<i>Спички гаснут, дым улетает.</i>
<i>Мы уже не читаем книги,</i>	<i>Сколько бродит модниц-нарядниц,</i>
<i>Наши дети пропахли пивом,</i>	<i>Ни одной уже не согреешь!</i>
<i>Наши жиденские интриги</i>	<i>И растительность с наших задниц,</i>
<i>Вряд ли скроешь чем-то красивым.</i>	<i>И не пробуй, ничем не сбреешь!</i>

Аркадий Суров

По части всяких обобщений,
Искусно наводящих флёр,
Аркадий, безусловно, гений,
Но тут, простите, перебор!
Есть в обобщениях крылатость,
Но я не стал бы, так сказать,
В известном месте волосатость
Со словом «НАШИ» применять!
Тем более, неся в Европу
Культурный наш потенциал,
Часть тела (с рифмой на «укропу»)
Так возносить на пьедестал!
Фривольность этих оговорок
Для пародистов — сущий клад!
Для Вас, которому за сорок,
От тех, кому за шестьдесят!

По законам антропони́мики*

«Утверждала молва, мол, филонил художник Филонов...»

Николай Бицюк,

«Филонов»

«Утверждала молва — мол, филонил художник Филонов»,
И Шагал неизвестно куда и откуда шагал,
А художник Перов — уж на что был кумир миллионов,
Но и тот, не гусиным пером же холсты рисовал???
В общем, как ни крути, хоть одни не простые людишки,
Но фамилия давит и ты заруби на носу —
Даже Шишкин писал не случайно картину про шишки,
Там где мишки, точнее, медведи в сосновом лесу.
Чехов с чехами точно имел бы духовную скрепу,
Блок с партийными блоками был бы с союзе одним,
Да и Репин чесал бы себе от отчаянья репу,
Если б знал, что Бицюк в наше время напишет о нём!

* Антропони́мика — наука, изучающая фамилии людей.

ГАИшная лирическая

Из цикла «Песни про жизнь»

«Наша служба и опасна и трудна»,
Но, когда тебе назначено судьбой,
Даже если заболел и с бодуна —
Всё равно иди на службу, дорогой!
А не то, они проедут без тебя,
Без проверки документов или прав:
Кто домой, кто на работу, кто бомбя,
Позабыв, зачем гаишнику Устав!

Я стою за деревом по праву,
На дорогу выставив прибор...
По Уставу, только по Уставу
Мы начнём с тобою разговор!
Документы... Нарушаем, значит?
Не пристёгнут был у Вас ремень...
Почему у Вас машина скачет,
Словно в ж... раненый олень?
Вы вчера не злоупотребляли?
Может, стоит в трубочку дыхнуть?
Как не пьёте??? Верится едва ли...
Ну вот так-то лучше — в добрый путь!

Мы стоим, как часовые на посту,
Позабыв домашний ужин и уют,

Но иначе, извини за прямоту,
Ни начальники, ни дома не поймут.
Ведь давным-давно известно, что вода
Под лежащий камень просто не течёт:
Нарушителей полным-полно всегда —
И поэтому ступай за поворот!

Сколько нас таких, безвестных работяг,
На дороге притаились у куста,
Чтоб случайно нарушитель или враг
Не проехал мимо нашего поста!
И стоим мы тут и в холод, и в мороз —
Безымянные гаишники страны,
Если нас сюда поставили всерьёз,
Значит, мы зачем-то Родине нужны!

Банковская лирическая

Из цикла «Песни про жизнь»

Мы рады каждому клиенту —
Нам бесконечно дорог тот,
Кто верит нашему проценту
И нам валюту принесёт.
Его мы встретим, как родного,
И, может, этот гражданин
К нам приведёт с собой другого,
Из тех, как этот Буратин!

Скорей, клиент, женись на иностранке —
И приходите вместе с ней, вдвоём.
Храните деньги только в нашем банке
И не храните ни в каком другом!

Доверься, как отцу, банкиру,
А, если мучает гастрит,
Пойди и заложи квартиру,
Взяв на лечение кредит!
Помочь тебе мы только рады:
Оформим всё в один момент!
Не нужно нам иной награды,
Чем состоятельный клиент!

Мы верим каждую минуту,
Что, позабыв и страх, и стыд,
Ты, милый, всю свою валюту
Положишь нам на депозит.
Мы, для таких, всегда открыты.
А если ты, судьбе назло,
Вернуть сумеешь депозиты,
Считай, что в жизни повезло!

Не парь свои мозги вопросом,
Но, если всё же суждено
Тебе у нас остаться с носом,
То будь уверен, всё равно
Мы известим тебя курьером,
Что ты у нас, другим в пример,
Досрочно стал миллионером!

(Хоть раньше был миллиардер...)

Чиновничья лирическая

Из цикла «Песни про жизнь»

Привычно думать, что чиновник:
И карьерист, и бюрократ,
И всех на свете бед виновник,
А в чём чиновник виноват?
Вот я скажу тебе, как брату:
Я совершенно не такой —
Ишачу на одну зарплату,
А мне оно, скажи, на кой?

Простите мне мою высокопарность,
Но на госслужбе (правил я таких) —
От вас приму я только благодарность...
А взятки? Что вы! Взятки никаких!
О нас судачат, как о лицемерах,
Но так судить не стоит впопыхах.
Я весь в заботах о пенсионерах,
Учителях и... как их там? Врачах!

Ругают нас в любой газете,
Нещадно травит интернет,
А посидите в кабинете,
Когда весь день покоя нет!
Канючат люди, как пиявки:

У них со справкой вышел брак.
Но чья ж вина, что эти справки
Всегда оформлены не так?

Пусть обзывают нас: чинуши...
Но разве знает кто о том,
Как мы свои чиновьи души
Несём народу. А живём
Лишь от зарплаты до зарплаты.
И потому мы всем нужны —
Простые парни-бюрократы —
Оплот чиновничий страны!

ЖЭКовская лирическая

Из цикла «Песни про жизнь»

Судьба играет человеком,
Пусть за окном и дождь, и гром,
Но если дружен с нашим ЖЭКом,
Тебе невзгоды нипочём!
Нам дорог твой покой душевный —
И потому совсем не зря
Идут на подвиг ежедневный
Газовщики и слесаря!

О тех, кто наших подвигов приёмщик,
Кто нам звонит и вечером, и днём —
Тебе, любимый наш квартиросъёмщик,
Мы песню коммунальную поём!
Пока ты нам звонил, как ненормальный,
И всё кричал: «Пришлите слесарей!»,
Мы вдвое перекрыли план квартальный...
По части коммунальных платежей!

Тепло душевной нашей встречи
Ты не забудешь никогда:
Мы устраним любые течи,
Где у тебя текла вода!
Ведь мы ж, как братья жилмассиву,

И нам, конечно, не в облом,
Всех обогреть по нормативу
И в летний день своим теплом!

Звони нам днём и ночью тёмной,
Мы пообщаемся с тобой,
Ведь к нашей радости огромной —
Мы сплетены одной судьбой.
И все мы будем только рады,
Коль ты забудешь о хандре,
Когда дадим чуть-чуть прохлады
Твоей квартире в январе!

Депутатская лирическая

Из цикла «Песни про жизнь»

Тяжело сегодня депутату:
Целый день в заботах и делах.
Даже депутатскую зарплату
Получаешь сразу в трёх местах.
И сидишь, как раб, в часы приёма —
То канючат, то чего-то ждут...
Те, кому тоска моя знакома,
Всё без объяснения поймут!

Мне через месяц снова избираться,
Но, если хочешь получить мандат,
Иди, родимый, (а куда деваться?)
Окучивать родной электорат.
Мне дороги врачи-пенсионеры —
Они для депутата, как родня.
Я к ним иду с улыбкою пантеры,
Чтоб только поддержали бы меня!
Пообещаю окружить заботой
И проявить настойчивость и прыть —
Ведь, как известно всем: перед охотой
Всегда собак положено кормить!

Даже кровь стыдится течь по венам,
Если обещаю всё и всем,
Но какое ж дело бизнесменам
До моих предвыборных проблем?
Как же их порой противны морды!
Но такие мелочи — не в счёт.
Кто ж ещё заплатит за бигборды
«Голосуйте! Этот не соврёт!»???

А когда предвыборные страсти
Тихо отойдут в небытиё...
На правах совсем законной власти
У бюджета отобьёшь своё!
Если где-то в чём-то неувязка,
Ты решить сумеешь без труда?
Лишь немного жаль, что эта сказка
Будет у тебя не навсегда!

Научный диспут об идеальности мира

*Я поняла, что мир не идеален...
И от глашатаев помойной дурью прёт...
«Налей,... вдохни!...», — убогим хватит дряни.
— Мир выдохнет...помянет...оживет...
«Государство синих глаз»
* Neu, «PostSkriptum (ода Радости)»*

...И я согласен — мир не идеален!
Помойной дурью прёт от нас порой,
Наш мир убог и попросту банален,
А потому.... Налей-ка по второй!
Вот ты всё пишешь про любовь, страданья
И даже не заметил невзначай,
Что все мы — пыль в масштабах мироздания!
Согласен? Так... по третьей наливай!

А если б мы в одном строю, когортой
Пошли б за идеалы, как один...
Ты что, уснул? Налей-ка по четвёртой —
И надо б снова сбегать в магазин!
Да ты пойми, что я поэт, глашатай,
А вы кругом — простое мужичьё!
И ты не спорь, а наливай по пятой...
Как не осталось? Быстро ж мы её...

А если бы у нас сумел сплотиться
В борьбе за идеалы весь народ...

Наутро надо б чем-то похмелиться,
А то, и вправду, мир с ума сойдёт!

Диалог о свободе

*Вот опять, дуракам захотелось свободы.
Ну, а умным — на мясо продать дураков.
Громко пахнут массмедиа сточные воды,
Вымывая остатки ума из голов.
Кто пытается молча дожить до зарплаты,
Кто соседа прихлопнуть, как муху, готов,
А страна превратилась в шестую палату.
Санитары-то есть, только нет докторов.
Депутатов там нет, с олигархами туго,
И продажных газет не найдёшь ни одной.
Мы туда уплывём. Ты со мною, подруга?
Компас есть, нужен только матрац надувной.
Вадим Мистрюков,
«Устал»*

Вам свободы, мой друг, захотелось, свободы?
Даже компас купили себе про запас?
Ну на кой Вам матрац, если есть пароходы,
Да и те, извините, пока не для Вас...
А зачем, драгоценный, искать Эльдорадо,
Если всё, что Вам нужно, и так принесут?
Да и рваться в шестую палату не надо —
Мы давно уже с Вами находимся тут!
Вы поменьше б мечтали о той загранице —
(Хоть и это у Вас, уверяю, пройдёт.)
Уж, поверьте любезнейший, в нашей больнице
Мы Вас быстро излечим от всяких свобод!
Так что бросьте Вы Ваши сомнения и вздохи,
Да и компас советую сдать главврачу.
А чтоб было поменьше в мозгах суматохи,
Я для Вас телевизор погромче включу!

Панегирик

*Опавшие листья шуришали.
Ноябрь многоцветьем пылал.
Ребёнка влюбленные ждали
И Бог им сыночка послал.
Сыночек тот родился в Лугани
С крепчайшею волей, как сталь.
И в церкви мальчонка назвали
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ.
Надежда Щедрова*

«Опавшие листья шуришали»,
Когда разродились а юнг,
Сыночком, влюблённые Дали,
(Поэты, каков каламбур!)
Его не обидел талантом
Господь, но твердят кое-где,
Что всё-таки был пасквильантом
Владимир Иванович Д.
Конечно же, всё это враки
И гнусных наветов оскал!
(А этот стишок «про Мараки»,
Наверное, Пушкин писал!)

Потом назовут это мезтью,
А раньше считалось иным:
Тот стих с офицерскою честью
Был попросту несовместим.
Хоть Пушкины вы или Дали,
Но тут не сносить головы —
Отправитесь в дальние дали
(Опять каламбурю, увы!)
А я, как насмешник-сатирик,
В такое не верю ВА-АЩЕ!
Уж лучше писать панегирик
На пару с Надеждою Щ.!

По-гусарски...

*Он падал от страсти, хватался за фенину швабру,
Кричал: «Застрелюсь» и к виску приставлял портсигар...
Но, выпив бугундского на брудершафт с канделябром,
Сказал: «Перед смертью идёмте, мадам, в будуар!»*

*Но я ни при чём — все на месте бюстгальтеры, вроде...
Спассти удалось мне свою и гусарскую честь!
Ах, бедненький Серж... Он напомнил улана Володю,
Тот тоже всё время хотел на кого-то залезть...
«О графьях, гусарах и серёжках»,
Эвелина Пиженко*

О бедном гусаре замолвите слово —
Графиня меня не пускает в постель,
И после вчерашнего просто хре... (плохо),
А тут ещё Ваши насмешки мамзель!

Я чист перед Богом, конём и Отчизной,
А, если, бывает, когда и напьюсь,
То как Вам не стыдно писать с укоризной
Об этой неловкости всякую гнусь?

Что я ни на что не способен (отчасти!),
Что я, извините, лежал, как бревно?
Во-первых, я твёрд был, как дерево (в страсти)
И рвался в сражение, но... было темно.

На графской (как поле для гольфа) кровати
Устраивать нужно не секс, а футбол —
Я чей-то бюстгальтер нашёл там некстати,
А больше я там никого не нашёл!

Упал, пересилив своё вожденье,
Рыдал (не поверите!) ночь до утра,
А утром прочёл Ваше стихотворенье
И бился с вопросом: Зачем? Нах... (для чего)?

При всём, извините, честнейшем народе,
Такое писать обо мне впопыхах!
Зачем, написав об «улане ВОЛОДЕ»,
Вы всем рассказали о наших страстях???

Да были бы Вы, Эвелина, гусаром,
Я Вас непременно позвал на дуэль,
А так — предлагаю любовь (но задаром!)
Жду Ваше согласие, мадмуазель!

Ответ поэта Эвелины Пиженко

Mon Dieu!.. Ах, Владимир... Я нынче Вас не ожидала.
Параша ещё не успела прибрать будуар.
И граф нынче дома, не вышло бы, право, скандала.
Я после вчерашнего еле сдержала удар.

Он в ревности страшен, ну, вылитый чисто ОтЁлло,
Протёрто пенсне, и заряжен всегда револьвер.
Я Вам ещё в прошлую встречу признаться хотела,
Что он не в восторге от Ваших уланских манер.

Представьте, он давеча нас заподозрил в измене,
Когда Вы с балкона в исподнем сигали в кусты.
Напрасно Параша твердила, что вы — привиденье,
И каждую ночь вам «положено шлаться сюды».

Он Вас обещал как-нибудь застрелить на дуэли.
А мне — монастырь, и без права наследства развод.
Пришлось обмануть про бревно... Ну, а, что Вы хотели?!
Теперь про «задаром»... Булыжник не в мой огород!

Я в курсе, что платы от дам не принимают гусары,
Но Вы же, Владимир, не Серж... Вы — улан, чёрт возьми!
И Вам не к лицу вот такие вот «оревуары»,
Везите-ка лучше в Париж и не бейте дверьми!

И, наконец, мой ответ на её ответ

Мадам! Извините, какие Парижи?
Ведь я же на службе — мерсі и beausoir...
А к Вам наострил на свидание лыжи,
Покуда учения в нашем полку.

Откройте ж окно (ну хотя б занавеску!) —
Негоже, графиня, ходить в парандже!
Не Вы ли прислали на днях СМСку,
Что будете ждать и уже неглиже?

И я, как порядочный, бросил ученья,
Оставил святое (игру в преферанс!!!)
Стою, истомившись от мук вожделенья,
А Вы откололи такой реверанс!

Я клялся, мадам, перед всем гарнизоном,
Что Вы наградите за муки меня,
Мой конь застоялся под Вашим балконом, —
Мадам, я прошу — пожалейте коня!

Засим не сочитите слова мои хамством —
Откройте окно да и падайте ниц!
Не мучьте животное Вашим упрямством.
(Мой конь и похлеще валил кобылиц!)

Утренний кофе

*«ты был уверен, я сумею выжить,
не склею ласты, не откину лыжи,
не сунусь в петлю, не сломаю крылья,
в осознанности пошлого бессилья;
я не сыграю в ящик, милый, что ты!
я честно отбываю жизни квоту,
а той луне, что по ночам тревожит,
я плюну с чистым сердцем прямо в рожу;
и пусть заткнутся соловьи,
в апреле безмерно эти птицы оборзели;»*

*Ольга Бакк,
«Бессрочное»*

«Ты был уверен, я сумею выжить,
Не склею ласты, не откину лыжи»,
Не сяду в лужу, а ещё в калошу,
Коньки не брошу (в смысле не отброшу)
Не отравлюсь дарами общепита —
И не откину после них копыта,
И в ящик, раньше срока, не сыграю.
Да лучше я два срока отмотаю,
Чем жить с таким козлом, ослом, скотиной,
И по утрам срываться матерщиной!
И потому тебе отвечу внятно:

Ты пофиг мне! По... (далее непечатно),
По барабану, а твои сирени
Мне вообще до фонаря, до фени!
И все твои слова и все апрели,
И соловьи, что просто оборзели,
И ты, мой милый, говоря культурно
Мне по утрам до... (снова нецензурно!)
На кой мне хрен такие остолопы?

Да мне твоя любовь с утра до... (рифмы!)
Сто раз же говорила истукану,
Что, не проснувшись, кофе пить не стану!
Оставь меня хотя бы раз в покое —
Не зли меня! Мой сон с утра — СВЯТОЕ!!!

Дачная меланхолия

*Люблю бессмысленного Баха,
его сочащуюся кровь.
Мне плохо, и пишу я плохо,
но этот день живу без страха —
и это жизнь чертополоха,
и с ним рифмуется любовь.
С ним сочетается любая душа,
но звук пересыхает.
Не шевелить во сне губами,
не говорить ни с кем стихами.*

*Заброшен сад, зарос осотом
и мокрецом, повсюду плети
вьюна, и клевер стал азотом.
О флора, ничего не надо
от пёстрой памяти о лете,
когда ты заросли, засада,
полуденного сна зевота,
преображение, беседа,
никак не хватятся кого-то,
зелёное крыло пригляда...*

Мария Маркова

«Люблю бессмысленного Баха...»

«Люблю бессмысленного Баха»,
И утверждаю (не при муже!),
Что я пишу совсем не хуже,
Но без уныния и страха.
И от судьбы не жду подвоха,
Хотя душа, увы, страдает,
Что жизнь полна чертополоха,
В котором звук пересыхает.

Мне б истребить его — паскуду,
Хотя бы тут, у палисада,
Но лень. Такая вот досада..
А он — подлец, уже повсюду —
«Заброшен сад, зарос осотом»,
Всё сохнет во вьюне проклятом,
«И даже клевер стал азотом»
(Пройти б его суперфосфатом!)

Но тут опять припёрлась сваха
И, как всегда, затянет фуги,
Мол, пригласи соседа-Баха,
Но только чтобы без супруги...
Мол, пораскинь мозгами, Рая,
Предлог придумай безобидный,
Ведь Бах-сосед — мужчина видный,
«С ним сочетается любая»!
Вдруг и у вас чего срастётся,
Но как бы боком всё не вышло —
Судьба у дачниц, словно дышло,
И муж, не дай Господь, вернётся.
Так рисковать — кому охота?
Всё! Обойдёмся без соседа!
«Полуденного сна зевота,
Преображение... беседа,»
И снова сон, а после ужин,
И всё чудесно-распрекрасно,
И беспокоиться напрасно
И даже Бах совсем не нужен!

Переписка Онегина с Татьяной. Наши дни...

*Эта пародия — ответ на шуточные стихи
моей давней «коллеги по цеху» поэта Эвелины Пиженко*

Я Вам пишу... Вчера — звонила...
Намедни посылала факс.
Но и слезами крокодила
Я не разжалобила Вас!

Когда трясущейся рукою
Я набирала СМС,
Вы изменяли мне с другою,
Пленённый широтой телес.

Вы смылись не по-джентльменски
В один прекрасный день и час.
Недаром я бюстгальтер женский
В кармане видела у Вас!

Я Вас просила, вся на нервах,
Назад ещё четыре дня —
Хоть каплю совести храня,
Отдайте, сволочь, двести евро,
Что занимали у меня!

Но Вы в ответ лишь десять баксов,
Что стырили из портмоне,
Так неожиданно... по факсу!..
Вчера в обед прислали мне.

Я представляла Вас героем,
В Вас совершенству был предел!
Но Вы — козёл. Найду — урою.
Люблю.

Целую.

Таня Л.

Ответ современного Онегина Татьяне

«Предвижу всё: Вас оскорбит
Печальной тайны объяснение,»
Мол, испарился в воскресенье
И нос не кажется, паразит!

Да, признаюсь, я был с другою,
Но Вы ведь тоже хороши,
Меня пленяя не собою,
А больше широтой... души!

Татьяна, Вы ответьте прямо:
Зачем я тратился на Вас,
А Вы крутили мне динамо,
Пока мой пыл совсем угас?

Теперь у Вас эмоций всплески —
С крючка сорвался, гад, ушёл,
И Вы мне шлёте СМСки
И обзываете: козёл!

К лицу ли это нам, дворянам,
О чувствах рассуждать везде,
А после шарить по карманам,
Ища бюстгальтер и т.д.?

Но я согласен, так и быть,
Уйдя в манере англосаксов,
Вернуть Вам эти десять баксов.
Шлю.
(Не забудьте факс включить!)

О тех, кто пишет в стол...

*Я не пишу, как Гоголь, в печь,
Предпочитаю — в стол.
Чтоб мысли горькие сберечь,
И мутных чувств рассол,
Сломают стол когда-нибудь
(дровишки, как-никак).
И в печь отправит эту муть
Уже другой чудак.*

*Вадим Мистрюков,
«Плюшкин»*

Перечитал стихи сперва
И как-то не пойму:
Дрова — они всегда дрова
И ясно потому,
Что на дрова когда-нибудь
Любой сломают стол,
И в печь отправит эту муть
Какой-нибудь козёл!
Отправит глупо, не со зла,
(Козлы! Ну что с них взять?)
И не придётся за козла
Кому-то отвечать!
Я на козлов возвёл хулы,
Но как-то не учёл:

Всегда находятся козлы
У тех, кто пишет в стол!
А, чтоб не тратить лишних слов
И не попасть впросак,
Оставим, к лешему, козлов,
Ведь ясно же и так:
Сломают стол когда-нибудь
(Стоит, как истукан!).
И в печь отправит эту муть
Какой-нибудь... баран.
Баран, конечно, не козёл,
Но что ни говори —
Мне жаль немного этот стол...
С ПОЭЗИЕЙ внутри!

Командировка на юг

*Распрощаюсь небрежно с женою,
Боковую плацкарту займу.
Всё, что было, пребудет со мною,
Всё, что будет — пребыть по сему!
Постройневший серебряный тополь
Промелькнёт и исчезнет в окне,
Белокаменный мой Севастополь
Долгожданно откроется мне.
Но пойму я всего через сутки,
Как прошедшей в разлуке зимой,
Что на Север летящие утки
Мне укажут дорогу домой.*

Семён Кац

«Севастопольские мотивы»

«Распрощаюсь небрежно с женою,
Боковую плацкарту займу»
И на юг — чтоб уйти с головою,
А «что будет — пребыть по сему!»

«Белокаменный мой Севастополь»,
Море, пляжи, вино на разлив —
Слушай мой безумевший вопль:
«Я приехал — уходим в отрыв!»

До последней копейки в кармане,
Как от века пошло на Руси —
Что тут местные пьют в Инкермане?
Полусладкое? Ящик неси!

Но уже на четвёртые сутки
Понимаешь, проснувшись больной:
Севастополь. Жара. Проститутки.
Надоело — скорей бы домой!

Про баню

*Несомненная тяга к здоровью
где-то в теле занозой сидит.
Можно бегать. Но в баню — святое.
Сей обычный сполна возродит.
Здоровее, быть может, без пива.
Но какая уж жизнь без греха?
Ягодицы прикроем стыдливо,
И по кружечке хлопнем пивка.*

Алёна Куikliна

«Несомненная тяга к здоровью»
Иногда, к сожалению, вредит —
Появляется зуд к пустословью,
Развивая словесный гастрит.
Может, женщины как-то иначе
Завлекают теперь женихов?
Стали пивом грешить, а тем паче,
Всё равно не прожить без грехов.
Может, было несвежее пиво,
Коль, откушавши кружечек по пять,
Все они начинают стыдливо
Ягодицы(???) свои прикрывать?
Про такое я слышу впервые —
Раньше дамы весьма неспроста
Прикрывали немного иные
И чуть-чуть попикуантней места!
Но теперь посвободней девицы,
И не нам их судить свысока —
А прикроем и мы ягодицы
«И по кружечке хлопнем пивка!»

Всё, как всегда...

Она клялась мне быть простой и слабой,
И я, дурак, повёлся на слова!
И вот теперь страдаю с душой-бабой
И чуть-ли не повесился едва!
Хоть, если откровенно разобраться,
Сам виноват — доверился, как лох!
Сейчас, поди, небось, готов стреляться,
Да только вот ведь в чём чертополох —
Они веками нам поют и плачут,
Пока не попадётся невпопад,
А уж потом у них и кони скачут,
И избы (правда, в лирике) горят!

О разделении властей...

*Одной лишь власти нужно покориться.
Власть разделив, махнём на всё рукой.
Когда с одной нельзя договориться,
То можно откупиться от другой.*

*Леонид Шифрин
Принципу разделения властей*

Покуда мы, пытаясь откупиться,
Взываем к разделению властей,
Они давным-давно, как говорится,
Людей воспринимают за бл\$дей.
И это, к сожалению, неизбежность,
Ведь истина в сермяжной простоте,
Что мы для них, для всех, ну, как промежность,
В которую суют и те, и те...
И как не разделяй ты эти власти,
Но движет ими вечный лейтмотив —
Мы им нужны, по правде, лишь отчасти,
Когда шумят предвыборные страсти,
Чтоб надевать нас, как презерватив!

Профессия

*Весь месяц, головы не поднимая,
от дел и дум привычных вдалеке,
я забивала головою сваи
и заходила в штопор и тике.*

*но это??.. господа, какого чёрта?!
и сколько, сколько мне ещё страдать,
вновь погружаясь в планы и отчёты,
и снова вспоминая чью-то мать.*

Мария Махова

«летите, голуби, летите!..»

«Весь месяц, головы не поднимая»,
Я выполняла свой квартальный план...
Да ты хоть знаешь, что такое свая,
И как её башкой забить, баран?

Читатели, бездельники-лентяи,
Пока вы сладко дрыхните с утра,
Я забиваю головою сваи.
Не верите? Спросите у копра!

Я этим ничего не приукрашу,
Ведь если нужно сваи забивать,
Прорабы говорят — зовите Машу.
И тут же вспоминают чью-то мать!

А я, гордясь профессией такою,
Теперь без ложной скромности скажу:
Я забиваю сваи головою.
А думаю? Ну тем, на чём сажу...

Завещание

*Раз очнулась я в анатомичке...
Допилась! Похоже, — мне конец.
Убежать хотела по привычке, —
Чувствую: живот, как холодец.
Для чего меня распотрошили?
И какой орудовал маньяк?
Но врачи мне бодро сообщили:
Мол, сама настаивала — так:
Отписала сердце, печень, почки,
Всё изъять и подарить Ему....*

*Татьяна Шкодина,
«Завещание»*

Я при жизни с ним не тосковала,
А когда решилась помирать,
Всю себя родному завещала:
Сердце, почки, печень отписала —
Что тебе, родной, ещё отдать???
Я совсем, поверьте, не стервоза,
Чтоб жалеть для милых мне людей
Печени (без признаков цирроза!)
И прекрасных почек (без камней!)
Я отдам, конечно ж, не задаром,
Но и вы должны меня понять —
Лучше всё сейчас продать с наваром,
Чтоб потом в гробу не бомжевать!

Про шпионов

Хорошо устроились шпионы,
Ведь у них всегда готов отмаз!
Если пристают с допросом жёны:
— С кем ты пил, скотина, в этот раз?
— Я, родная, выполнял приказ!
— А чего опять следы помады?
— Так бл@дьми вновь пытали, гады!
Я ж не просто с ними зажигал —
Я задание Центра выполнял!
Поразмыслить этим есть резон —
Отчего ж я тоже не шпион...

Слова

*Я каждую ночь пишу —
Рассказываю себя.
Послушны карандашу,
Слова на столе сидят,
Глядят, мол, пиши, пока
Не дергают, не звонят,
А, переменив бока,
Все спят. Представляешь? Спят.
Елена Пестерева
«Правила писания — 1»*

Я каждую ночь пишу —
Слова выставляю в ряд,
«Послушны карандашу
Они на столе сидят»,
И, свесивши ноги вниз,
На самом краю стола,
Взирают на мой каприз,
Забыв про свои дела.
Давно б уже спать пора,
Ведь завтра, едрёна мать,
Хозяйка опять с утра,
Засядет стихи писать!
И снова начнёт толочь
Творения от сохи —
И что ей неймётся в ночь?
Кой чёрт нам её стихи?
Ведь это же просто бзик —
Ночами стихи писать...

(Ну хоть бы какой мужик
Её заташил в кровать!)
А так ведь и нам, словам,
Сиди с ней и в ночь, и днём —

Какой тут покой, к чертям,
За этим её столом?
Вот пишет ещё катрен —
(И где в ней берётся прыть?)
Ну дай хоть немного, Лен,
Без виршей твоих побыть!
И, «переменив бока»,
Чуть слышен их стон: «Засим,
Без нас порифмуй пока,
А мы хоть часок поспим!»

Безответная лю...

*Ты твердил, что мы просто дру,
Что любви нам совсем не на
Да, ты прав. (Как сдавило гру)
Ну на...?*

*А потом ты стал вспомина,
и твердить, что, дурак, не по..
Ты был прав, что любви не на..
И по...!*

*Не согнешь предо мной коле,
чтобы никогда не узна,
что я просто тобой боле
А на...?!*

*Алиса Нескучная
«На...»*

*До чего ж хороша Али...
Словно фотомодель в журна...
Я хотел ей вина нали...
Да пошёл ты, сказала, на...*

*А ведь я её так люби...
А теперь от неё изжо...
Оказалась она жлоби...
Посылает и на,, и в жо...*

На линии огня...

*Был маршал у меня.
Он обо мне не знал.
Не знал, что линия огня
Бойца ведёт на пьедестал.
Не знал! И не хотел меня...
Алёна Русская,
«Путь к себе»*

Был жаркий бой. На линии огня
Сходились в битве наши и не наши.
И тут же, посреди всеобщей каши
Наш главный маршал захотел... меня!
Ему бы в бой свои войска вести,
Но, видно, вожделенье хуже стресса...
И я, как патриот и поэтесса,
Пришла на помощь (с трёх и до шести).
Всё это время он не уставал
Руководить сражением и мною.
И маршал был доволен, тем что встал,
Как будто на победный пьедестал,
Его боец, всегда готовый к бою!

Окончен бой, и отступила мгла
От дымовых завес, огня и пыли...
Я тоже отбивалась, как могла,
И рада, что мы оба победили!

Творец ошибся

*Творец ошибся, женщину создав,
И пусть не сразу, не без проволочек,
Слепил её — не слишком опоздал:
То получился острый коготочек.*

*Алёна Русская,
«Путь к себе»*

«Творец ошибся, женщину создав».
Зачем нам их истерики и стрессы,
И вечно недовольный чем-то нрав?
А ведь они ещё и поэтессы.
Ты б их, Господь, прибрал куда-нибудь.
Тут за день так намаешься с делами,
Придёшь к себе домой передохнуть —
Тебя и там хотят добить... стихами!
Несправедливо это всё, Творец,
За что нам эти вековые муки?
Пошли нам милость Божию, Отец,
И, чтобы нас не извести вконец,
Пера хотя бы не давай им в руки!

Про гадюк и поэтесс

*О нет, на счёт неё не обольщайтесь —
Она гадюка. Так укусит, что
Потом Вы долго будете печалиться
И вспоминать летящее пальто...*

*Алёна Русская,
«Путь к себе»*

«О нет, на счёт неё не обольщайтесь —
Она гадюка. Так укусит, что»,
Вы защититься даже не пытайтесь —
Прокусит, сволочь, и через пальто!
Я, было, попытался уклониться.
Да где уж там! И сам теперь не рад.
И надо ж было этому случиться —
Ей удалось таки меня добиться
И мне вонзить своих творений яд!
Мгновенно поражённый этим ядом,
Я пережил конвульсии и стресс.
О вы, кто с нею после будет рядом,
Бегите от гадюк и поэтесс!

Возвращение домой

Я на бровях пришёл домой —
Без шапки, налегке,
И с ярко-красною чертой
Помады на щеке.
Супруга (дай ей Бог всего!)
Ждёт, не смыкая глаз...
(Хотя всего-то ничего —
Почти четвёртый час!)
«Ленусик»... Начал, было, я,
Но был ответ такой:
Ты был свинья и есть свинья,
И ты помрёшь свиньёй!
Она зудела, как пчела,
И била мне под дых:
«Вот полюбуйся в зеркала,
Отец детей моих!»
И так выплескивала злость,
Не выбирая слов,
Что зеркало державший гвоздь
Упал в конце концов!

Мораль: Ничуть не жаль гвоздя,
Но думай головой,
Когда с попок приходя,
Встречаешься с женой!

Про блондинок

*Быть хорошо блондинкой:
Алиби! Стопудово!
К чёрту все поединки,
Те, где мозги — основа.
Эвелина Пиженко,
«Быть хорошо блондинкой»*

Та же опять волынка —
(Просто — куда деваться?),
Ежели я блондинка,
Что-ж мне теперь, — стреляться?
Мол, уродилась дурой,
Вид у тебя бесстыден...
(Впрочем, с моей фигурой
Этот дефект не виден!)
Тётки кончайте злиться
И обзывать «дурой»,
Ежели уродиться
Вам не пришлось с фигурой.
В жизни нашёл Всевышний
Место для всех соцветий —

Кто-то в постели лишний,
Кто-то на кухне третий.
Этим милей растрёпы
(Горя и бед не знают!),
Ну, а кого-то попы
И декольте смущают.
Вот о блондинках клуни
Спорят и дни, и ночи,
И распускают слюни,
Если прикид короче...
Есть в этом споре старом
Место и для статистов —
Видно, Господь не даром
Выдумал пародистов!

Про враньё

Вот мне судьбу подкинул Бог!
Я с детства не приврать не мог
И досаждал враньём своим
Друзьям, врагам и всем иным.
Я врал и в снах, и наяву —
И ничего — пока живу...
Супруге нервы берегу
И ей, конечно, тоже лгу:
По выходным и будним дням
И просто так, по пустякам.
Давно пора бы прекратить
И научиться правдой жить,
Но как остановиться тут,
Когда другие тоже врут.
Друзьям и жёнам, и врагам,
Соседям врут по пустякам,
Начальству, если нужно так,
В застолье врут и натошак.
Когда удача иль беда,
А уж политики — всегда.
И каждый, кто расскажет мне,
Что никогда не врал жене,
Скорей всего, на этот счёт
Мне, вероятно, тоже врёт.
Да если б всяк, кто в мире жил,
Супругам правду говорил,
Ушла бы жизнь в небытие!

Как хорошо, что есть враньё...

Объявление

*Продам компьютер! Срочно! Лучшие завтра.
В «нагрузку» ноутбук, вай фай, модем.
Возможна скидка (только психиатрам —
Для быстрого решения проблем).
В любое время. Адрес сообщаю:
Nespitsa mne@gde krovat
Стучите громко. Прямо по вай фаяю.
Спасите. Юзер Вася. Буду ждать!!!*

*Татьяна Шкодина,
«Объявление»*

И мне, увы, не спится ночью этой —
Так хочется немного поболтать!
Ну хоть бы кто к неспящей, неодетой,
Зовущей даме заскочил в кровать!

Откликнитесь, неспящие мужчины, —
Мой ноутбук для вас всегда открыт!
Мы будем так естественно-едины,
Пока супруг мой безмятежно спит!

И если мой призыв небезысходен,
Ответьте (или завтра же умру!)
Пишите мне на почту: Tanya_Scodin
@_zdu_otveta.ru!!!

Метеорит

*В Челябинске упал метеорит.
Пока не ясно, что стоит за этим.
И в Пентагоне голова болит,
А вдруг Москва возьмёт, да и ответит.
Леонид Шифрин,
«Опять проспали?»*

В Челябинске упал метеорит.
Пока не ясно, КТО стоит за этим,
Но скажет вам любой антисемит,
Что это не случайно и, заметим,
Что дело тут не в таинстве комет —
Святую Русь проспали, ротозеи!
А потому сомнений даже нет,
Что, как всегда, всему виной — евреи!!!

Друзьям-плагиаторам

Я понимаю — воровать грешно,
Но иногда, стихи свои бубня,
Приходит мне желание одно,
Чтоб кто-то что-то спёр и у меня!
Ведь этот квазитворческий тандем
Возносит к небу собственное «Я»,
От осознания, что ещё не всем
Претит в душе поэзия твоя!
Друзья мои, я вас давно простил!
Тащите всё, к чему душа лежит,
(Лишь только б тот, кто это сочинил,
Ко мне потом отнёсся без обид!)

Прикоснуться до меня...

*Как смел ты прикоснуться до меня!
Ношу ожог невыразимой боли.
Больна я тяжкой долгою любовью,
А ты посмел коснуться до меня!*
Сара Туктарова

Мне без любимой не прожить и дня,
Да и она во мне души не чает,
Но скажет: «Прикоснуться до меня!»,
Так всё желание сразу пропадает.

Я к этим оборотам не привык!
Уж я и убеждал её любезно,
И просто говорил: учи язык!
Но, оказалось, это — бесполезно...

И вот приходится ломать себя,
Чтоб, кое-как, с любимой общаться:
«Туктарова! Я так любить тебя!
Давай теперь моя твоя касаться!»

Двухстопный ямб

*Люблю красивых слов фонтан,
их страсть и жар:
Самед Вургун. Уруз-Мартан.
Вазир-Мухтар.*

*Двухстопный ямб. Чеканка. Вес.
Для уха — рай:
Эвксинский Понт. Пелопоннес.
Бахчисарай.*

*Александр Габриэль
«Двухстопный ямб»*

Об чём, сограждане, гундѣж
Промежду нас?
Которым с ямбом невтерпѣж
Тут посеи час?
Я слов красивых винегрет
Не вразумел —
Ты ехай к нам в колхоз «Рассвет»
Для пользы дел!

У нас такая благодать
Для пустомель —
Надысь подскажем, чё писать,
Ал. Габриэль...
Чай, не в Америках живём
Среди вельмож —
И мы в поэзиях моём,
Едрёна вошь!
Тут грамотеев (даже баб!) —
Хучь пруд пруди,
И, коли с этим делом слаб,
То не гунди,
А лучше слушай мой совет,
Как дифирамб —

ДвуХстопных нет, а есть, поэт,
Двустопный ямб!

Раздевание догола

*Но.. я уже разделась догола,
а вы всё тянете, на самом деле.
да бросьте ваши «жалкие дела».
неужто, вам они не надоели,
опять вы про любовь и про метели.
я ожидая вас «спалюсь» до тла.
ах, не томите девушку в постели,
когда она разделась до гола.*

*Оксана Курская
«Я быстренько оделась и ушла...»*

Как хорошо, мадам, что Вы раздеты!
Теперь, когда нам некуда спешить,
Я Вам, не нарушая этикеты,
Всё постараюсь толком объяснить.

Ну как могло такое приключиться,
Что, поспешив раздеться поскорей,
Вы умудрились вмиг до «тла» «спалиться»?
Мне это не понятно, хоть убей!

А если уж решили раздеваться,
Как Вы нам сообщили, до «гола»,
То лучше б Вам на стадион податься,
Чтоб вся команда видеть Вас могла!

Возможно, это слишком колоритно,
Но так оно запомнится быстрее:
«Дотла» и «догола» пишите слитно.
(И раздеваться будет веселей!)

Не ложьте...

(Шуточное мнемоническое правило для запоминания)

По утру вы её не тревожьте —
Не будите уснувшую страсть...
И не ложьте, прошу вас, не ложьте,
(Если можете просто покласть!)

Рецензия

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою...*

А.С. Пушкин

Товарищ Пушкин! Прочитав стихи,
Которые Вы нам на сайт прислали,
Скажу одно — неплохо, но грехи
«Ночную мглу», увы, не избежали!

Вот, скажем, например, ночная мгла
У Вас л е ж и т. Но мгла л е ж а т ь не может!
(И этим недочётам несть числа,
Что очень, к сожалению, тревожит...)

Читаем дальше. Среди полной тьмы
У Вас печаль с в е т л а ??? (Как — непонятно!)
А что за х О л м ы??? (Правильно — холмЫ)
И это всё, увы, неоднократно...

Вы только начинающий поэт,
(Сужу по Вами присланной анкете).
Но всё же, согласитесь, в тридцать лет
Негоже допускать огрехи эти...

А написали б: «Ночью — всё темно,
А днём — светло, и никакой печали...»
То мы б на это Вам давным-давно
Чудесный отзыв, Пушкин, написали!

Некоторые пояснения к пародии «Рецензия»

При написании «Рецензии» я, разумеется, не преследовал цель найти какие-то изъяны у Пушкина (тем более, в одном из известнейших его стихотворений!). Неслучайно ведь «Рецензия» названа ПАРОДИЕЙ, на что многие из прочитавших её не обратили внимание. К сожалению. А предыстория такова. В своё время я написал пародию на стихи замечательного поэта Э. Пиженко «За талант!», где есть такая строка: (я выделил её большими буквами)

*Ведь не поймут ни ручка, ни бумага,
КОГДА ПЕРЕД ТОБОЙ СТОИТ ВОДА!
«У вдохновенья есть своя отвага» —
Давайте ж за отвагу, господя!*

Нашлись критики, которые утверждали, что вода стоять не может, подразумевая, что стоять может только ёмкость, в которой эта самая вода находится. Разумеется, против этих доводов я несколько не возражал, но заметил, что вода, даже находясь в форме этих ёмкостей, чаще всего воспринимается всё-таки как просто вода.

Например: «Пойти купить бутылку воды и пойти купить «воды» (и так ведь ясно, что она будет в бутылке, а не в ладонях!) воспринимается тождественно и при этом все прекрасно понимают, о чём идёт речь. И никаких недоразумений по этому поводу не возникает. Я даже приводил слова известной песни «Белой акации гроздья душистые». Помните:

*Сад был умыт весь весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода. (выделено мной)
Боже, какими мы были наивными.
Как же мы молоды были тогда ...*

Но критики мои были неумолимы — вода стоять не может!!! По их мнению следует писать не «стояла вода», а стояла бутылка (или иная ёмкость) воды и только! А иначе читателю будет, якобы, непонятно.

Вот и пришлось мне в качестве аргумента, представить некую воображаемую ситуацию, при которой этим самым критикам попало под руку известное стихотворение А.С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Ведь, следуя их логике, и мгла тоже ведь лежать не может, и, следовательно, читатель этого стихотворения тоже никогда не сможет понять, о чём же идёт речь...

К чему я всё это. Насколько был бы беден и убог русский язык (и поэзия в первую очередь!), если бы при написании стихотворений мы бы использовали только правильные формы словосочетаний, не оставляющие у читателя возможности самому домыслить воображаемую ситуацию:

Ночь может быть только тёмной, день — светлым, стоять могут только ёмкости с водой, а не сама вода (а словосочетание «стоячая» вода вообще нужно убрать из русского языка!), а мгла, как оптическое явление никогда и никаким образом лежать не может. В этом случае (не дай Бог!) мы никогда не смогли бы радоваться, читая:

*Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.*

Удар ведь тоже нельзя «навести», да и сердце (как реально существующий человеческий орган) не может быть «пустым». Или:

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,*

*Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица...*

Ручей также никогда не бывает «сонным», а тени всегда ограничены в своих размерах, т.е. не могут быть «без конца». И т.д.

А чтобы окончательно довести логику подобных рассуждений этих критиков до абсурда, я и написал свою пародию «Рецензия», якобы от лица одного из них. Надеюсь, это прочтут все, кто захочет пожурить меня за «критиканство» пушкинских строк.

Отповедь графоману

Суди меня, Великий Боже.
Я пред тобой в земном поклоне.
Суди меня как можно строже —
Моя душа в твоих ладонях...
Я ошибался миллионы раз

В познании грани доброты и зла.
И если слышал я Твой, Боже, глас,
Неведенья рассеивалась мгла...
«Суди меня как можно строже...»
Влад Бороздин

Сужу тебя, как надобно судить
Всех графоманов — по большому счёту!
За то, что проявляя в рифмах прыть,
Ты задаёшь Всевышнему работу.

За то, что всеу пишешь о грехах,
А нарушаешь истины святые,
И, даже в посвящённых мне стихах,
Не ставишь, нечестивец, запятые.

Судить за это надобно при всех,
За то, что, стихотворец никудышный,
Ты писаниной порождаешь грех.
Ну погоди! Придёшь ко мне!

Всевышний

Правописание наречий

Когда в душе огонь погас
И жизнь становится скучнее,
И доллар вырос (как сейчас!),
То и поэтам, по идее,
Нехудо б сесть за словари,
Чтоб избегать противоречий
В нелёгком (что ни говори!)
Правописании наречий.
Пусть непогода за окном,
Запомни, даже в эту пору,
Любые беды нипочём,
Когда ты СЛИТНО пишешь «впору»!

Полусонная бра

*Ты прикрой занавеску на окнах,
Погаси полусонную бра,
И представь себя в залах колонных,
Где тебе все кричали: «Ура!»
«Браво! Бис!», — доносилось с галерки
Диссонансом восторженных слов.
И корзины с цветами в гримерке
От влиятельных лиц и послов...*

*Галина Томашевская,
«Браво!!!»*

Я прикрывал на окнах всё, что мог,
Когда писал у полусонной бра
И представлял, как завтра, видит
Бог, в колонных залах мне кричат: «Ура!»
Как набегут потом редактора:
«Пиши ещё и нам неси, родной...»
И я сижу у полусонной бра
И засыпаю с полусонной брой.
И снится мне, как завтра поутру
Редактор некий (бестолочь и хам!)
Несёт какой-то бред про эту бру
(И что ему цепляться к этим брам?)
Мне будет разговор не по нутру
И я отвечу этой мошкаре:
«Начишу рыло, как хозяйка бру,
Чтоб не цеплялся больше к этой бре!»
Я слышать не хочу про средний род.
(Подумаешь, нашлись профессора!)

Проснулся...Ночь...Окно...Холодный пот,
Колонный зал и крики: «Браво, бра...»

Немало — не мало

*Чтоб мудро грипп убить, знать надобно не мало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем все лекарства пить,
И лучше будь один, чем в маске с кем попало.*

Юрий Герман

Писателей разных, что пишут убого,
На этой планете не мало, а много,
Но братьям-сатирикам всё же пристало
Стараться не путать «не мало» с «немало»!
Чтоб не было каверзных противоречий
По части писания разных наречий,
Не стоит частицы лепить, как попало,
И будет читатель доволен немало,
И сам избежишь ты позора и срама,
Кропая стихи «под Омара Хайяма»!

Признание (шутка)

*(Как это делается на суржике —
причудливой смеси русского и украинского языков)*

Я так скучаю за тобой,
Шо возле твоего квартала
Ходил тудой, ходил сюдой,
Но ты ко мне не выглядала.
Я через это, завсегда,
Конечно, дико извиняюсь,
Но ты скажи мне: «Таки, да, Чи шо?»
— Бо я же сердцем маюсь!
Опять же, через это всё
Мой друг Качурин смотрит злобно.
А ты ко мне: ни то, ни сё —
Перед людями ж неудобно!

Я даже торбочку купил,
Шоб до тебя скуплЯть конфеты,
Но скоро вже не хватит сил,
Терпеть твои кордебалеты!
Вот и вчера в своём окне
С меня смеялась ты заметно —
Обратно шось сказала мне,
Но я не пОнял, шо конкретно?

Я повторяю два разА
(Ну сколько время мне томиться?).
Я за взаимность только «За»,
А Вы-то хотите влюбиться?

ШУТОЧНЫЕ ПОСЛАНИЯ ДРУЗЬЯМ

10 ЛЕТ СПУСТЯ...

*(Неюбилейные заметки о десятилетии нашего знакомства
с поэтом Вячеславом Качуриным)*

Как мы познакомились

С Вячеславом Тимофеевичем мы познакомились относительно недавно. Нашему знакомству нет ещё и десяти лет, хотя сегодня даже нам самим кажется, что мы знакомы друг с другом чуть ли не с детства. Уж так сложилась моя жизнь, что пока я жил в Николаеве и был с головой погружён в свои научные исследования в НКИ, наши пути не пересекались, а после, когда я уже покинул родной город, тем более. Хотя я часто бывал в Николаеве с различными делегациями, возглавляя наше Николаевское землячество в Москве.

В один из таких приездов, в 2007 году, я приехал в Николаев с одной из таких делегаций, куда входили наши известные военачальники: адмирал И.В. Касатонов и генерал-полковник В.Г. Дейнека. Поскольку этот визит был официальным, нас встречали руководители города и области. Были запланированы многочисленные встречи с ветеранами флота, общественными организациями.

*На этом фото лета 2007 года я слева от адмиралов, а Качурин —
справа. Мы ещё не знакомы с ним...*

Тогда ещё с Вячеславом Тимофеевичем мы не были знакомы, но на фотографиях того визита, мы совершенно случайно нередко оказывались почти рядом с друг другом. Впоследствии это не раз было предметом наших взаимных дружеских подначек.

А вот уже по-настоящему мы с ним познакомились только спустя полгода, когда, будучи в гостях у нашего общего друга генерала А.Н. Сикварова, я впервые лично встретился с ним и услышал его известную песню «Шерше ля ам» (Воспоминание об Очакове). Чуть позже мы снова пересеклись с Вячеславом Тимофеевичем, на этот раз в Союзе писателей на Никольской. Он тогда опять пел мне «Шерше ля фам» и потому совсем не случайно, что вскоре у меня родилась первая дружеская пародия на эту песню:

*Ше ше ля фам-
шуршат деревья под луной...
В. Качурин*

Мы повстречались прошлым летом,
А познакомились зимой.
Он песни пел и был Поэтом,
И много говорил со мной.
И было выпито немало
И много сказано, и нам
Уже чего-то не хватало...
Шерше ля фам?

Ведь это странно, в самом деле,
Что два здоровых мужика
Стихи читали, песни пели
До одурения, пока
Всё что хотели, мы допили

И уж пора бы по домам
Нам возвращаться к жёнам или...
Шерше ля фам?

Но в нашем творческом дуэте
Поэт судьбы не искушал.
Он оставался в кабинете
И, вероятно, Музу ждал.
А я — несчастный иностранец,
Пошёл скитаться по дворам
И там услышал: «Эй, засранец,
Шерше ля фам?»

Я не могу понять Поэта:
Зачем он с женщинами так?
Не ожидая их ответа,
Им подаёт призывный знак.
Оставил ты бы их в покое —
Они ведь, веруя словам,
Воспринимать хотят иное,
Что вместе вы, и что вас двое...
Так стоит ли им петь такое:
Шерше ля фам?

С тех самых пор мы дружим с Вячеславом Тимофеевичем и давно уже перешли на «ты». Между прочим, та памятная встреча в Союзе писателей ознаменовалась ещё одним немаловажным для нас событием. После того, как всё имеющееся у нас было разлито и выпито, нам захотелось чаю. А может, кофе, — уже не помню. Да и не важно это сейчас.

На правах гостеприимного хозяина Качурин включил электрический чайник, хотя, если быть честным до конца, «электрическим» в полном смысле этого слова тот чайник не был. Это был какой-то жалкий, убогий выродок в славном семействе электрических чайников и кипятильников!

От чайника в нём осталась только ёмкость для воды в которую предприимчивый Качурин (между прочим, учитель физики, окончивший Николаевский педин!) вставлял здоровенный электрокипятильник в нарушение всех противопожарных норм. Когда эта

конструкция доводилась до кипения, она чем-то напоминала старт ракетного двигателя и, казалось, вот-вот взлетит на воздух. Приходится только удивляться, чему их там учат, в этих пединах...

Признаюсь честно, в тот раз мы не дождались закипания чайника. Скорее всего, кто-то из нас спешил и, быстро собравшись, мы пошли по Никольской. Только пройдя пару кварталов один из нас случайно вспомнил о злополучном не выключенном чайнике. Поневоле пришлось возвращаться. Я ещё подумал тогда: «Какая несправедливость бытия: такой ПОЭТ и вдруг — какой-то убогий чайник»!

Под впечатлением этого, в следующий свой визит к Вячеславу Тимофеевичу я купил ему новый современный электрический чайник. А что было потом — читайте сами:

Посвящение чайнику

В. Кацурину

Внимая Старому Завету,
Чтоб искупить свои грехи,
Я в гости приходил к Поэту
Вдыхать целебные стихи.

И он лечил меня словами
И душу выводил на свет,
А, чтоб остались мы друзьями,
Я чайник подарил в ответ.

А он разлил коньяк отличный
И этим словно говорил:
Ты с головою, друг столичный,
Наверно, в детстве не дружил.

Чтоб книгу заселить стихами,
Я столько исходил дорог.
Я столько мучился ночами,
А ты мне чайник приволок?

Такому радуясь обмену,
Другой летал бы в небесах,
Но ведь не всё имеет цену
И измеряется в рублях...

Я это, как-то не предвидел
И выдал холостой дуплет.
Я, видимо, его обидел:
Прости, пожалуйста, Поэт.

Ведь это так неравноценно,
Но я исправлюсь — не вопрос.
Лишь дайте время — непременно
Куплю Поэту пылесос!

Между прочим этот мой чайник до сих пор стоит в Союзе писателей на Никольской, что греет мою душу осознанием того, что и я внёс свой посильный вклад в развитие писательского дела в Николаеве!

Как я пародировал Качурина

*Снежинки сыпятся с ветвей,
Вдали слышны оркестров звуки
И я опять к любви твоей
Швартую месяцы разлуки...*

Вячеслав Качурин

Одной из первых услышанных мной качуринских песен были «Снежинки». Замечательные, нежные, трогательные, лирические стихи, наполненные щемящей грустью разлуки с любимым человеком. Казалось бы, слушай песню, читай стихи и получай наслаждение! Так нет же! Моя въедливая и, увы, никак не контролируемая натура пародиста и пересмешника сразу же уловила в одной-единственной строке этого стихотворения некий диссонанс:

Ш в а р т у ю месяцы разлуки

Что значит: «швартую»? Как-то не сочеталось в моём сознании это профессиональное морское слово с традиционными представлениями о любовной лирике. Как известно, Вячеслав Тимофеевич много лет плавал в Антарктику на китобойных судах и, как следствие, «нахватался» там этих морских словечек, которые потом совершенно естественно и непроизвольно пролились в его стихи. Вполне допускаю, что если бы Качурин работал жестянщиком в автосервисе, то эта строка звучала бы так: «Рихтую месяцы разлуки», а если бы он заготавливал сено на зиму, то «Скирдую месяцы разлуки». Как бы то ни было, но в итоге у меня родилась пародия на эти его стихи, которую я назвал «Неудачная швартовка».

Моя воспалённая фантазия придумала ситуацию, когда проколенный всеми морскими ветрами китобой после долгих месяцев плавания вернулся, наконец, на родную землю. Там, на берегу, он встретил представительницу прекрасного пола, с которой ему тут же захотелось завязать более близкое знакомство. При этом (что вполне естественно!), он изъясняется с ней на том самом «морском» сленге, к которому привык за долгое время плавания. Но, по всей видимости, объект его обожания оказалась дамой с чувством юмора и так же, «по-морскому» отшила неудачливого ухажёра.

Неудачная швартовка

Я морем с детства заболел
И как-то раз, сойдя на сушу,
Тебя увидев, обомлел,
Как будто снова захотел
Вонзить гарпун в китовью тушу.

Твоих округлостей овал
Напомнил кнехты у причала,
И к ним я сразу пожелал
Пришвартоваться для начала.

Я тут же, сходу, был готов
На abordаж идти с тобою
И извергал потоки слов,
Присуших только китобою.

Я говорил: «Ваш силуэт
Напомнил мне китовью тушу,
Такой же оставляя след
И бередя морскую душу».

Да мне ль не знать, в таких делах
Нужна особая сноровка.
Для китобоя это крах —
Незавершённая швартовка.

А потому её ответ
Меня пронзил до основания:
«А не пошёл бы ты, поэт,
На...
ходовые испытанья!»

Эта шутка невольно послужила началом всех моих последующих многочисленных пародирований творчества Вячеслава Тимофеевича, о чём я ни капельки не жалею и намерен и впредь этим заниматься! Как говорится, был бы стих, а уж пародия на него всегда найдётся!

О свиньях в жизни и литературе

Уж не помню, каким образом попалась мне как-то на глаза эта фотография:

Глянул и глазам своим не поверил! Батюшки-светы! Да неужто это сам поэт Вячеслав Тимофеевич Качурин с хрюшками возится? Быть этого не может... Оказалось — может!

Это была армейская фотография из далёкого 1964 года, на которой, призванный в ряды Вооружённых Сил, будущий мэтр и классик с любовью ухаживал за этими милыми и славными домашними животными. Сразу подумалось, кто-то в армии стоит в дозоре на границе, выслеживая коварного диверсанта, кому-то выпала честь сидеть за пультом управления ракетным комплексом, в конце-концов, кто-то шоферит. И только самым никудышним и не пригодным для любых других воинских дел поручают ухаживать за свиньями. Разве не так?

Хотя, с другой стороны, это занятие позволяет приобрести весьма полезный жизненный опыт, который впоследствии может очень даже пригодиться. В самом деле, ну какая польза в реальной

жизни от сидения в дозоре или наведения ракет? А в свиноводческой отрасли человек никогда не пропадёт и уж точно голодным не останется!

Скажите, разве мог я пройти мимо этого феерического события? Разумеется, нет! И вот тут я опять начал фантазировать по поводу того, а как бы сложилась судьба индивидуума по фамилии Качурин, если бы он после армии не в поэзию пошёл, а нашёл бы своё призвание в свиноводстве:

Он мог бы стать хоть кем угодно,
Придя из армии домой,
И жил бы чинно, благородно,
И был бы с пенсией большой!

И не нуждался бы в рекламе,
А, чтобы вкусно есть и пить,
И к Продовольственной программе
Он мог бы руки приложить.

И вместо тухлой писанины,
В его обшарпанном столе
Всегда лежал бы шмат свинины —
Свежайшей вырезки! Филе!!
Да не родись он лоботрясом,
Он мог бы стать на склоне лет
Высококлассным свинопасом!
А он, к несчастью, стал поэт...

«К несчастью», разумеется, для свиноводческой отрасли! Там лишние мужские руки всегда на вес золота. Возможно, для кого-то сама мысль о том, что, что любимый всеми поэт Вячеслав Качурин мог бы стать свинопасом, является кощунственной, но, хотя бы с учётом того, что этого, слава Богу, не случилось, давайте ещё немного пофантазируем на тему: «А что было бы, если...»

Предполагаю, что в этом случае не пришлось бы Вячеславу Тимофеевичу мотаться по морям-океанам, вылавливая весьма сомнительных, с точки зрения вкусовых качеств, китов. Вы когданибудь ели китовое мясо, уважаемые читатели? Вот то-то и оно. А свинина — еда вкусная, полезная и сытная. Да и плавать за тридевять земель за ней не нужно. Вон она рядом лежит и ждёт-не дожждётся от тебя какой-нибудь похлёбки или вообще помоев. Всё есть! Я не исключаю, что она и от духовной пищи, в виде стихов и песен, не отказалась бы. Кто знает? Впрочем, у иных поэтов иногда стихи тоже от помоев не отличишь. Но ведь публикуют и даже книжки издают! Ну разве это не форменное свинство?

К чему я это? Да к тому, что каждый в этой жизни должен заниматься своим делом. Настоящий поэт — стихи писать, а те, кому не дал Всевышний этого таланта, пусть каким-то другим полезным делом занимаются. Да хоть бы даже и свиноводством! Всё вреда меньше, чем от графоманства и псевдопоэзии...

Как я «переводил» Качурина

Заявляю сразу, никакой я не переводчик и никогда им не был! Более того, я этому делу никогда не учился и совершенно не представляю, как это делается. Но, как человек увлекающийся, я люблю братья за то, чем раньше никогда не занимался и в чём ничего не смыслю. Так случилось и тогда, когда я однажды взялся «переводить» стихи Качурина, совершенно не подумав о том, что перевод литературного произведения на другой язык — штука тонкая, особенная. Как утверждал австрийский писатель Мориц Готлиб Сафир: «Переводы — они, как женщины: если верны, то некрасивы, а если красивы, то не верны».

Тем не менее, возникший неизвестно с какой стати неуёмный «переводческий зуд» (при полном отсутствии всяких талантов к этому делу!) я снова решился опробовать на давно полюбившихся мне качуринских «Снежинках». Каюсь, я искренне полагал тогда, что отсутствие переводческих способностей мне удастся с лихвой компенсировать другими моими несомненными качествами — нахальством и псевдноваторством!

Во-первых, эти стихи Качурина ещё никто не переводил на украинский язык, а во-вторых, для этой авантюры я решил применить известный в литературе приём, который называется псевдопереводом.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона я вычитал следующее определение этого жанра: псевдоперевод — это «...вид подражания иностранному образцу, которое автор выдает за перевод». Одним словом, это такой приём, когда исходное стихотворение только якобы переводится, а на самом деле пародируется и, по сути, выворачивается наизнанку! Вроде бы и тексты похожи, и авторский размер со стилем сохранены, а результат получается абсолютно противоположным. Это даже не пародия, а некая насмешка, переводческая мистификация, ёрничество. Дураковаление, одним словом!

Впервые псевдоперевод был широко использован немецким писателем В. Алексисом ещё в 1823 году, выдававшим свои романы за якобы переводы сочинений Вальтера Скотта. В России в этом неза-

мысловатом жанре прославился незабвенный Козьма Прутков. Как вы понимаете, имея за плечами опыт таких известных предшественников, мне не составило большого труда напрочь подавить в себе остатки стыда и уважительного отношения к авторскому тексту и нахально засесть за «перевод» качуринских «Снежинок» на украинский язык:

И всё понять я не могу...

Снежинки сыплются с ветвей,
Вдали слышны оркестра звуки,
И я опять к любви твоей
Швартую месяцы разлуки.
А ты бежишь через пургу
И слезы варежкой стираешь.
И всё понять я не могу —
Смеёшься ты или рыдаешь.

Но как волнения не таи,
Я вижу там, за пеленою,
Как снег на локоны твои
Ложится рядом с сединою.
Вот потонувшие в снегу
Вздыхают тихо пароходы.
И всё понять я не могу —
Часы промчались или годы.

Мне прошлых лет ничуть не жаль;
Ловлю твой взгляд живой и чистый,
А на губах твоих февраль
Снежинкой тает серебристой.
Всё тот же вальс на берегу
Звучит над площадью причальной.
И всё понять я не могу —
Весёлый он или печальный...

Не зрозуміти аж ніяк...

Сніжинки вештають з гілок,
Якісь музики грають в лісі,
А я роблю останній крок,
Щоб швартуватись до Орісі.
А та крізь хуртовину пре,
Ще й в рукавичку позіхає.
І хто ж чортяку розбере —
Вона сміється чи ридає?
Та як брехню ти не ховай,
Я ж бачу, навіть, проти вітру,
Як сніг пухнастий через край
Лягає на твою макітру.
Бо від жіночої брехні
Зітхають, навіть, пароплави,
І не збагнути вже мені —
Чому ж роки летять, як гави?

Років минулих не шкода,
Та й погляд твій — це все дурниці.
Бо як не пройдуть холода,
То й не розтане сніг на пиці.
Тож хай чорти мене несуть
На край майдана біля хати,
Щоб остаточно все збагнуть —
Чи сумувать, чи реготати...

Уж не знаю, внёс ли я этим творением хоть какой-нибудь вклад в переводческую сферу, но, прочитав написанное, Слава смеялся от души. Деликатный Качурин, как мне показалось, тоже был рад моему дебюту на поприще пародиста-переводчика и даже, помнится, поздравил меня ободряющими, напутственными словами: «Ладно, раз уж написал — пусть будет. Не выбрасывать же...». Согласитесь, такая высокая оценка признанного мастера слова дорогого стоит!

Вместо заключения

Думаю, читатели уже составили для себя представление о том, какая именно дружба связывает меня с замечательным николаевским поэтом Вячеславом Качуриным. Не буду скрывать, это чисто конъюнктурная привязанность графомана, который нахально пристроился к известному мастеру слова с одной единственной целью — выехать на передёргивании и насмешках его стихов.

Хотел бы заметить, что на этом поприще мне удалось достичь весьма заметных успехов. Так например, в его прошлых юбилейных торжествах (по случаю 70-ти летия поэта!), я умудрился не только поучаствовать в качестве тамады, но и провёл их без самого юбиляра! Это могут подтвердить полсотни свидетелей и имеющееся в моём распоряжении видео: <http://www.youtube.com/watch?v=4TJqE9GFH1c>.

Согласитесь, уважаемые читатели, после такого насыщенного десятилетнего «сотрудничества» с поэтом Качуриным, было бы крайне нелогичным бросать это дело на произвол судьбы. А потому я и дальше не намерен останавливаться на достигнутом. Обязуюсь и впредь не оставлять в покое моего любимого автора, потому как:

Он юн душой, лицом не дурен,
А, что касается стихов,
Он высоколитературен
И так естественно гламурен,
Что я им просто окАчурен
(В хорошем смысле этих слов!)

И ещё.

Почитайте, граждане, Качурина,
Потому, как жизнь у нас теперь
До таких низин обескультурена,
Что сойдём мы скоро за тетерь.
«Почитайте» в смысле уважения,
А ещё, когда ложитесь спать,
Перед сном его стихотворения
Почитайте (в смысле ПРОЧитать)!

Накануне 20 января 2017 года.

(Поздравления В. Качурина и Д. Трампу)

Не нужно быть большим эстетом,
Чтоб не заметить прецедента:
Один рождён, чтоб стать поэтом,
Другой — дорос до Президента!
Давно не веря в совпадения,
Я рад такому чрезвычайно,
И всё же мучают сомненья —
А если это не случайно?
Наверняка таким дуэтом
Они сидят не «ради штампа» —
А вдруг Качурин стал поэтом
Благодаря победе Трампа???
И, молвя, не моргнувши глазом:
«Себя сомненьями не мучай!»,
Я их решил поздравить разом —
Одним стихом! На всякий случай!

* * *

*Женщины бальзаковского возраста — моя слабость...
Поэт и бард Вячеслав Качурин*

Куда теперь без гитариста?
Он и сыграет, и споёт —
Гитара пусть и неказиста,
Но честно веселит народ.
А уж по части позитива,
Он с давних пор уж тем хорош,
Что «от Косы и до Намыва»
Ему замены не найдёшь!
И потому в любой харчевне,
Играя с горем пополам,
Он — первый парень на деревне
Среди бальзаковских мадам.
И те в ответ привычно тают
В плену гитарной трескотни —
И сразу напрочь забывают,
Свои бальзаковские дни!

* * *

Покуда существует белый свет,
Среди людей подмечена примета,
Что звание ЗАСЛУЖЕННЫЙ поэт
Отнюдь не украшение ПОЭТА!
Уж сколько было их до сей поры —
Заслуженных, народных-пренародных,
Не вынесших тщеславной мишуры
И гнёта сладких званий новомодных...
Уж лучше пусть летят потоки лжи,
Они хотя бы искренни, отчасти,
И потому, ПОЭТ, «не дорожи
Любовию народной», да и власти!

По статистике посещаемости сайта нашего интернет-журнала «Николаев литературный» (www.litnik.org — в просторечии ЛИТНИК), им стали всё чаще интересоваться на Сейшельских островах, в Гондурасе, Мадагаскаре и прочих экзотических странах. Это невольно наводит на определённые мысли, которыми я поделился с Главным редактором журнала Вячеславом Качуриным

В большой тревоге корабелы
По части просвещения масс —
Ломая копья, луки, стрелы,
Вовсю читают нас Сейшелы,
Мадагаскар и Гондурас.
В подобном времени гримасе
Я, Слава, с грустью признаю:
Мы интересны в Гондурасе,
А вовсе не в родном краю...
Тут ничего не приукрасить,
Но грустно за огромный труд...

Кого, скажи, отгондурасить,
Чтоб наш ЛИТНИК читали тут???

И ещё на эту же тему:

Мы, Слава, вроде ж европейцы,
Но и во сне не представляя,
Что даже южные корейцы
Теперь читают наш журнал.
Такие новости, скорее,
В тупик заводят каждый раз.
Признайся честно: был в Корее,
И что случилось там у вас?
Покайся честно, мол, по пьянке,
Так пошалил, что будь здоров,
А нынче каждой корейнке

Лисянский мил и Январёв.
Иной поэт посумасбродит,
На весь Сеул и Сингапур,
А после чудо происходит —
Проникновение культур!

Не обошёл Господь талантом —
Красавец с виду, верный муж,
Он стал певцом и музыкантом,
С гитарой дружит, и к тому ж,
Как донесла о нём разведка
(Недавно слышал от снохи!),
Красавец этот очень редко
Садится нынче за стихи...
Какой-то там журнал возглавил
(А был ПОЭТОМ, видит Бог!)

...

*Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...
В. Качурину накануне юбилея...*

В новогоднем порыве веселья
Можно выпить в тиши двести грамм,
Но не пей, ради Бога, с похмелья,
А тем паче — один по утрам.
Нынче праздников: не напасёшься...
Так что слушай заморских друзей:
Береги себя, Слава, — сопьёшься,
И учти — впереди юбилей!

Поздравление в день рождения поэту В. Качурину от (якобы!) коллеги по перу Н. Щедровой

(Не) вольный пересказ

В день замечательный такой
Скажу, не мудрствуя лукаво: Качурин!
В день рожденья твой
Пишу стихи (имею право!).
Не ты ли оды мне слагал
И пел, играя на гитаре,
А после перепосвящал
Их Кате, а потом Тамаре?
Допустим, это я стерплю,
(Всё стерпит женская натура!)
Но ты же клялся мне: «Люблю!»,
А я поверила, как дура.
Я не устраиваю сцен —
(Любовь не повод святотатства!),
Но что ты получил взамен,
Писатель хренов, кроме б... (ратства)?
Теперь живи хоть тыщу лет,
Я больше не скажу ни слова...
Будь счастлив, дорогой ПОЭТ.
Твоя коллега.

Н. Щедрова

Дмитру Креміню

До дня народження у 2017 р

Поета, друга, есеїста
Поздоровляю, та, на жаль,
Не можу випити грамів треста
За його світлу «ПЕКТОРАЛЬ»!
Такі діла на цій планеті,
Що десь ми не туди прийшли —
Все сидимо у інтернеті,
А випити нема коли...

До дня народження 2013 р.

Хай Вам Господь чарівним дзвоном
Несе сьогодні благодать,
(Бо кажуть, вже сухим законом
Тепер це треба відзначать...)
Тож дай Вам, Боже, хоч натхнення
У в цей славетний ювілей,
Щоб божевільне сьогодні
Вам не затьмарило очей!
Щоб доля не була жорстока
До Вас у цей шалений час

(Бо ж як побачити Пророка,
Якщо він ходить поруч нас?).
Щоб голос Ваш лунав повсюди,
Де між людей панує зло,
І, може, щось подбають люди —
Відповідальні за житло!
А ті, хто люблять рідну мову,
(Хто десь майданами горлав),
Можливо, й скажуть щось Круглову,
Щоб кобзарів не забував!
А втім, були часи і гірші,
То й сподіваюсь без жалю —
Що і за ці безглузді вірші,
Ви все ж наллете москалю!

18 травня 2017 р., 5-та година ранку

Я зараз думаю про те,
Чому ж Ви, метре, не спите?
Невже якісь думки державні
Вам спати не дають у травні?
А, може, киньте ці доктрини,
І повертайтеся до дружини,
Попийте кави філіжанку,
Та й киньте цей комп'ютер зранку!!!

Сьогодні, якщо вірити науці,
Усі поети сходяться в фейсбуці,
Та як тут не провести паралелі:
Хоч ви отут, та всі ви — на панелі!
Можливо, прикро це і нерозумно,
Але ж хіба не так, поете?
Сумно...

**Поэту Д. Креминю,
по поводу его просьбы передать
книгу В. Коротичу**

Шановний Дмитре Дмитровичу! Я
Не зміг би і подумати ніколи,
Що Ваші чемні рими і глаголи
Згадатимуть колись моє ім'я!
Та все у світі нашому бува.
Ці вірші (як на мене, — планетарні!)
Я передам Коротичу в лікарні,
Щоб не боліла в нього голова!
Бо нас ніякі ліки та палати
Не вміють краще СЛОВА лікувати.

**Посвящение на книге.
Памяти Николаевского городского
Головы В. Чайки**

«Незаменимых нынче нет»,
Порою слышим отовсюду.
А как же дивный свет планет,
Который миллионы лет
Незаменим, подобно чуду?
Вот так и в душах у людей
Горит, пронзив века и стены,
Неугасимый свет друзей,
Которым не найти замены...

Посвящение на книге. Директору библиотеки Т. Твердой

Любить иных — тяжёлый крест,
Но Вас люблю зимой и летом,
Тем паче в городе невест,
Где все зовут меня поэтом.
Хоть я в поэзии профан
И не силен в делах сердечных,
А просто я люблю Татьян
(Особенно библиотечных!)

Посвящение на книге Директору Николаевского зоопарка В. Топчему

Пока поэзия у нас
Нужна, как мёртвому припарки,
Отрадно, что народ сейчас
Хотя бы ходит в зоопарки.
Быть может, там найдётся зверь,
Которой объяснит толково,
Как важно именно теперь
Умение — слышать СЛОВО!

Посвящение на книге. Поэту Д. Креминю

Благаю Господа про те,
Що цю ерзац-літературу,
Хоча б назавтра не здасте,
Ви, друже мій, в макулатуру.
Бо, як безсоння та відчай,
Бува, нічим не подолати,
То, може, ця нудьга, бодай,
Вам допоможе краще спати!

Посвящение на книге Руководителю цыганского ансамбля «Бахталэ» В. Юрковскому

Волшебный миг рожденья чуда
Почти непостижим всегда —
Оно приходит ниоткуда
И исчезает в никуда...
Но если звук цыганских песен
Звучит повсюду на земле,
Наш мир воистину чудесен —
Йавэнте састэ, бахталэ! *

* — Желая добра и счастья (цыганск.)

**Посвящение на книге.
Памяти директора библиотеки
Т. Роскиной**

Мне всё труднее каждый раз
Смотреть на звёзды без печали...
Уходят лучшие из нас
В свои заоблачные дали.
Но будет их сиять звезда,
Пока не перестанут сниться,
Всех-всех ушедших навсегда
Моих друзей живые лица.

Поэту Н. Щедровой в прощённое воскресенье

Прошу и Вас простить меня
За те стишки, что я, невежда,
Строчил, и эта пачкотня
Так злила Вас, моя Надежда!
Что я пародии писал
И их распространял публично,
И даже не осознавал, —
Насколько это неприлично.
И, чтобы я хотя б сейчас
Был меньше Вами ненавидим,
Клянусь! Ни слова против Вас
В прощённый день!
(А там увидим!)

Поету О. Мачулі

На жаль, не всі, напевно, чули
Одну із тих моїх думок,
Як я звертався до Мачули:
«Пиши, Сашко, не для книжок!
Бо слово — не для сьогодення.
Воно, бува, понад усе,
Коли людей твоє натхнення
У вирій птахою несе!»

Ромашки

Поэту Ларисе Матвеевой

Стихи пронзали до мурашек,
И кто-то, выпав в забытье,
Уже считал число ромашек
На светлой кофточке её.
Цветы пестрели лепестками,
Дразнили местом, где росли,
И так манили временами
К ещё неведомой дали,
Что воздуха казалось мало,
А некто был уже готов
Сорвать (когда б других не стало)
Хотя бы пару лепестков.
Но не улавливая взглядом
И доли этой чепухи,
Она пришла и села рядом —

Ну как тебе мои стихи?

**Л. Матвеевой,
которая решила писать прозу**

Коль у поэтов зуд по части прозы,
То, однозначно, стоит ждать беды:
Наверняка сперва грянут морозы,
Потом придут к читателям неврозы,
Появятся депрессии следы.
Забьют тревогу все телеэкраны,
Пойдут проблемы в жизни и любви,
Потом придут духовные майданы...
И мир всюду заполнят графоманы.
Такая ПРОЗА жизни. Се ля ви...

Прозаику и доктору А. Финогееву, который решил писать стихи

И не пытайтесь. Это зря.
Презренной прозой говоря,
Мой друг, не становитесь в позу —
Пишите, как и раньше, прозу!!!
И я, поверьте, буду рад,
Когда с морским покончив трапом,
За Ваши вирши двестикрат
Накажет Вас Ваш Гиппократ
Совместно с другом Эскулапом!

Прозаику А. Финогееву, автору книг «Миражи тумана» и «И жизнь, и слёзы, и любовь» в день рождения

Мне дела нет до юбилеев
Иных писателей подчас,
Но подполковник Финогеев
Во всех своих началах — ас!
Покуда нет на море качки,
Как настоящий офицер,
Он лечит женщинам болячки
От ран душевных, например.
А, если вам порой не спится
От полноты душевных грёз,
То не поможет вам больница,
Он с коньяком, как врач, примчится
И вылечит любой цирроз!
Но даже если эта рана,
Вас будет беспокоить вновь,
Он по рецепту, без обмана,
Пропишет «Миражи тумана»,
«И жизнь, и море, и любовь»!
На этом поприще, ребята,
Он неземных высот достиг —
Лечить по клятве Гиппократ
Амбулаторным чтеньем книг!

Александру Финогееву — капитану 2 ранга, доктору, литератору

В день дураков — 1 апреля 2016 г.

Спасибо первому апреля,
Когда с тобой, как с дураком,
Раскрыв секрет полишинеля,
Любой общается тайком.
Жаль, сказкам этих грамотеев,
Поверит, разве что, осёл —
Вот, кстати, доктор Финогеев
Во мне и золото нашёл.
Теперь, простите за циничность,
Я спать спокойно перестал,
Мечтая превратить в наличность,
Такой бесценный капитал!

Шуточные послания по поводу книг А.В. Финогеева

«В те дни в морях дороги наши были»,
Но сколько ж можно жить на корабле,
Мешая вахты, метры, литры, мили???
Бросайте, доктор, эти водевили —
Ходите, разлюбезный, по ЗЕМЛЕ!

Подобно мерзкому трепангу,
С убогим званием старлей,
Я обращаюсь к кавторангу:
«Пишите, до последних дней!»
Другой в запой ушёл бы с горя,
Сказав: «Такая се ли ви...»,
А он не может жить без моря —
Без моря жизни и любви!

Тянуть канат — не сладкая работа,
И потому так хочется сказать:
«Вы, даже вспоминая чью-то мать,
Пишите, доктор, до седьмого пота.
Несите вахту — по местам стоять»!

Поэту и музыканту Александру Иванову

Мой друг — поэт и бард блестящий —
Решил однажды, сгоряча,
Что я отныне настоящий
Поэт, по мнению Кузьмича.
С легко читаемым подвохом,
Словесный выплеснув елей,
Он клялся мне последним вздохом,
Что дело в скромности моей.
Теперь, не мудрствуя лукаво,
Хочу сказать ему в ответ,
Что я своё имею право
НЕ называть себя: «Поэт».
Не обладая Божьим даром,
Я просто графоманю тут —
Качурин с Кременем недаром
Мою поэзию клянут.
Притом, Господь тому свидетель,
Хочу ещё отметить я,
Что скромность, хоть и добродетель,
Но, к сожаленью, не моя.
И всё же повод подходящий,
Чтоб другу написать в ответ:
Я, как поэт, — НЕнастоший.
Я, настоящий НЕпоэт.

А. Иванову в день рождения 2016 г.

Александр Кузьмичу
Пожелать одно хочу:
Чтобы он не знал покоя,
Помышляя лишь о том,
Чтоб не чувствовать застоя
В сочинительстве своём.
Чтоб на месте не сиделось,
Чтоб душе пилося и пелось,
А ещё не позабудь,
Что твоей души забота —
Быть «созревшей для полёта»,
Отправляясь в новый путь!
Чтоб рапсодии и блюзы
Сочинял для милых дам,
Чтоб тебя почаще Музы
Посещали по ночам,
Чтоб свои стихотворенья
Не писал «коту под хвост»,
И хотя бы в день рожденья
Поднимал бы этот тост!

А. Иванову в день рождения 2019 г.

Когда у друга день рождения,
А уж, тем более, писателя,
Всегда есть повод поздравления
Придумать в стиле подстрекателя.
Вот, если посмотреть внимательно
На фото с нашим другом Славою,
То нереальность бессознательно
Вдруг снизойдёт минутной славою.
Как я вчера сказал у шурина,
Его поздравив с именинами,
Что мы ещё затмим Качурина
(Пускай не лирикой, так спинами!)

Николаевскому краеведу Анатолию Абидору

Чтоб город мой с таким задором
Нам открывать из года в год,
Родиться нужно Абидором
(Иначе зритель не поймёт!).
Но в этом вся его стихия —
Нас приобщать к своей любви,
Чтоб нас пленяла ностальгия
Под знаком Abidor TV!

А. Абидору

Какое время было, Толя!
Какие люди были в нём!
Давай, хоть каплей алкоголя
Мы это время помянём —
Возьмём бутылки две портвейна,
И в николаевской тиши
Помянем Саню Горенштейна
За упокой его души,
Забросим в рот краюху хлеба
И просто выпьем по одной,
Чтоб он светил с ночного неба
Своей немеркнувшей звездой!

**Поэту Евгению Куцеву
по поводу его, на мой взгляд,
слегка «растянутой», поэмы**

Хотел сказать поэту «Браво»,
За мысли верные и слог,
Но, как же утомляет, право,
Его читать, помилуй Бог!
Мои придирки не зловещи,
А лишь намёки, так сказать,
Что даже правильные вещи
Короче можно выражать!

Директору Николаевского зоопарка В.Н. Топчему в день его юбилея

Заслуг у юбиляра масса,
И не случайно в этот день
Ему подарки экстра-класса
Притащат все, кому ни лень.
Но, если прибыл без подарка,
Учти, таким пощады нет —
Тебе директор зоопарка
Покажет свой автопортрет!

Надежде Ермаковой, литературному редактору моих стихотворений

Благодарю, ценитель дивный,
За то, что мой читая вздор,
Вы совершили эксклюзивный
По части грамоты разбор!
Поэты — сплошь высокопарны,
На всё глазают свысока,
А потому порой бездарны
По части «русский языка».
И, чтоб не мог такой невежда
Смешить и Рим, и Будапешт,
Есть Вы — последняя надежда
И первая из всех Надежд!

НАДЕЖДЫ юношей питают —
Известно всем давным-давно,
Когда Одежду НАдевают.
Одеть НАдежду сложно, но,
Литературные шарады
Обсудим как-нибудь потом,
А нынче мы поздравить рады
Надежду с самым лучшим днём,

Чтоб не осталось ни сомненья,
У всех, на букву «К» невежд —
Нам тоже дорог день рожденья
У самой лучшей из НАДЕЖД,
В НАДЕЖДЕ, что на фоне лета,
Она решится, может быть,
И для столичного поэта
Чуть-чуть НАДЕЖДЫ подарить!

**Ирине Бенчивенте —
актрисе Николаевского русского
драматического театра**

Высоких истин лейтмотивы
Известны всем не первый год;
Все неталантливый — красивы,
А те, кто нет — наоборот.
Но Вы, Ирина, исключенье.
Вас любит Бог, и потому
Он дал Вам и предназначенье,
И облик ангельский к нему.
И как огранка бриллианту
Лишь добавляет красоты,
Вот так и Вашему таланту
Подстать небесные черты!

Поэту Аркадию Сурову

Предпочитая голодовке
Бифштекс и порцию салата,
Он стал давно своим в тусовке
У завсегдателей «Карата»*,
Где для потехи клиентуры
И просто шантрапы окрестной,
Поэт свои читает суры,
Подстать фамилии известной.
Где, среди этих насекомых,
Его жилплощадь и квартира,
И мир знакомых-незнакомых,
И даже «точка сборки мира»...
И пусть покажется банальным,
Но вывод будет прост, как атом:
Он был бы просто гениальным,
Но чуть продешевил с «Каратом»...

* «Карат» — известный бар в Николаеве

Вячеславу Рукоманову в день рождения

С днём рождения, дружище!

Друзья в тревоге и в истерике,
Сплошной упадок и трагизм —
Наш лучший друг пропал в Америке,
А там ведь — сплошь капитализм!
Там негры (все без исключения!)
И, вероятно, потому
Сегодня, в день его рождения,
Мы все сочувствуем ему.
В стране, идущей к загниванию,
Боюсь, и водки нет совсем,
Чтоб выпил с другом за компанию
Их пресловутый дядя Сэм.

И всё же в этот день рождения
Друзья просили передать,
Что с нашей, Слава, точки зрения —
Нельзя традиции ломать.
И дату славную, июльскую,
Мы будем в памяти хранить,
Чтоб в августе водой ингульской
Её, как следует, обмыть!
А наши водки и рябиновки
Готовы к битве хоть сейчас,

(Не зря наш друг из Константиновки
Уже звонил который раз!)
И, не боясь прослыть невеждою,
Я так скажу: «Не вешай нос —
Мы все тут ждём тебя с надеждою
Поздравить лично и ВСЕРЬЁЗ!!!»

**В. Рукоманову,
который все свои дни рождения
празднует за границей**

В цитадели империализма,
Там, где миром правит чистоган,
Кое-кто по линиии туризма
Отдохнуть решил в одной из стран.
Это всё достойно осужденья,
Но вдвойне обидней и больней,
То, что этот кто-то день рожденья
Празднует в отрыве от друзей!
Сердце разрывается от боли,
Глядя то, с каким восторгом он
Посещал Нью-Йорк и Капитолий
И, простите, даже Пентагон!

Видимо, не знает этот кто-то,
Что недопустимее всего —
Размещать в сети фейсбука фото,
Как им там живётся ничего!
Разве это всё патриотично?
Разве учит этому марксизм,
Чтобы так цинично и публично
Прославлять в сети капитализм?
Я спросить хотел бы индивида,

Впавшего в недопустимый раж:
Чем же их хвалёная Флорида
Лучше, чем варваровский пейзаж???
Из окна бы глянул на Намыве,
Чтобы убедиться, что у нас
Даже Корениха в перспективе
Будет много лучше, чем Техас!
В общем, я такого не приемлю
И скажу ему (и всем другим!) —
Как вернёшься на родную землю,
Вот тогда с тобой поговорим!

А покуда компетентным лицам
Сообщить бы надо, а на кой
Колесит по разным заграницам
Кто-то кое-где у нас порой!?

Ю.В. Ростиславову в день юбилея

Свой благородный род дворянский
Ему вовек не омрачить,
Раз у него коньяк армянский
Всегда имеет место быть!
И пусть сегодня километры
Нас разделяют, как всегда,
Пусть политические ветры,
Возможно, дуют не туда.
Но никакие потрясения
Не остановят пыл друзей
Поздравить Юру в день рождения,
А уж тем паче в юбилей!
Чтоб это братское начало,
Мы в наших душах берегли,
Чтоб нам друг друга не хватало
На разных полюсах земли,
Чтоб мы душой не оскудели
Когда, опять собрав друзей,
Буквально через две недели...
Продолжим этот юбилей!

В.К. Новожилову в день юбилея

Писать любую ахинею
Могу всегда без лишних слов,
Но нынче другу к юбилею
Я на такое не готов!
Его талант настолько ярок,
Что спорить с этим просто вздор,
(А всех его курей-цесарок
Я вспоминаю до сих пор!)
Ведь он по жизни созидатель,
И, что особо близко мне, —
Читатель мой и почитатель,
(Что просто радует вдвойне!)

А потому, не без пристрастья,
Желаю Вам без долгих слов:
Друзей для радости и счастья,
Для всепрощения — врагов.
Не отступить ни на йоту
От всех своих прошедших дней,
Ходить почаще на охоту
В кругу, опять таки, друзей,
Побольше строить разных планов
По части партий всех сортов
(Тут Вам поможет Рукоманов,
А я, простите, не готов).
Чтоб Вам бежать зимой и летом
От старости, как от огня.

С коммунистическим приветом
От беспартийного меня!

Поэту Ю. Соколову в день рождения

Я замечу, как поэт поэту, —
Юбилеи тем и хороши,
Что всегда за чистую монету
Принимаешь похвалы гроши.
Уж такая у людей натура,
Но прими, поэт, без лишних слов,
От меня тебе подарок, Юра, —
Два по сто (конечно же, стихов!)

Капитану 2 ранга, подводнику В.В. Мацкевичу — другу и учителю в день 85-ти летия

Владиславу Витольдовичу Мацкевичу - 85

Да будь я хуже жалкого трепанга
И то не усомнился б ни на час,
Что нынче капитан второго ранга,
Намного выше первого у нас!
Ведь он не только как подводник славен -
Он эталон у дам и у мужчин
(Вчера, чтоб знали, адмирал Чернавин
Ему присвоил адмиральский чин!)
Он - автор лучших флотских мемуаров
И, если б не текущий наш момент,
Ему бы даже адмирал Макаров
На сутки уступил свой постымент!
Друзья, таких примеров мы не знаем,
А, ежели припомнить интеллигент,
Он у него доверь, непотопляем,
Как-то 613-й проект!
А потому не ждем мы воды,
Чтоб в день рождения высылать ему:
Куда же мы от Вас с подводной лодки?
Все анги и с дифферентом на корму!!!

Да будь я хуже жалкого трепанга
И то не усомнился б ни на час,
Что нынче капитан второго ранга,
Намного выше первого у нас!
Ведь он не только как подводник славен —
Он эталон у дам и у мужчин
(Вчера, чтоб знали, адмирал Чернавин
Ему присвоил адмиральский чин!)

Он — автор лучших флотских мемуаров
И, если б не текущий наш момент,
Ему бы даже адмирал Макаров
На сутки уступил свой постамент!
Других таких примеров мы не знаем,
А, ежели припомнить интеллект,
Он у него вовек непотопляем,
Как весь 613-й проект!
А потому не пожалею водки,
Чтоб в день рождения высказать ему:
«Куда же мы от Вас с подводной лодки?
Все вниз и с дифферентом на корму!!!»

Поэту А. Павлову в день 50-ти летия

Кокетливость дяди с усами
Любого обманет в сети,
Но он (сообщу между нами!)
Навряд ли сидит взаперти.
В том нет никакого секрета,
Что многие годы подряд
Московские дамы поэта
Отчаянно боготворят.
Я знаю немало красавиц —
Художниц, певиц и актрис,
Которые тысячи здравниц
Ему посылают на «бис»!
Когда тебе только «полтинник»
Писать о забвении — грех,
Тем более сам именинник
В огромном почёте у всех.
По-моему это капризы
И, всё что он хочет сейчас,
С ухмылкой «Моны и Лизы»
Читать поздравленья от нас!!!

Татьяне Роскиной в день рождения

Пусть наступивший день рождения
Вам обернётся полной чашей,
Напомнив миг соединенья
Любви и книжной страсти нашей!

При этом вовсе не хочу я
Вам показаться краснобаем —
Ведь и во время поцелуя,
Мы с Вами книг не выпускаем!

Так пусть от Вас уйдут навеки
Скандалы, козни и интриги,
Покуда есть библиотеки,
Где выше страсти ценят книги!

**Юрию Юрину,
который представился
как писатель и издатель**

Что пожелать бы тебе, Юрин?
Всего немного — стать таким,
Чтоб ты писал бы, как Качурин,
А издавал бы, как Гудым...

Виталию Олейнику — прозаику и журналисту

Колющий в книгах, как репейник,
Но жизнелюб и балагур,
И в жизни, кажется, Олейник
Привык на всё глядеть вприщур.
Живя с такой метаморфозой,
Он может, как никто другой,
Пересказать обычной прозой
Души лирический настрой!
Он журналист с душой поэта,
Всё подмечающий стократ...
Не худо б выпить с ним за это,
Но он непьющий, говорят!

Эвелине Пиженко — поэту и прозаику в день рождения

В эту осень без причины
Мне не пишется, но тут
В день рожденья Эвелины,
Поздравленья так и прут!
Чтоб тебе НЕ знать покоя,
Помышляя лишь о том,
Чтоб НЕ чувствовать застоя
В сочинительстве своём.
Чтобы отдыха НЕ зная,
Песни петь, стихи слагать,
(И при том НЕ забывая,
Что ты бабушка и мать!)
Чтоб тебе НЕ увернуться
Никуда от этих «НЕ»,
И, читая, улыбнуться,
(Если вспомнишь обо мне!)

ШУТОЧНЫЕ ПОДПИСИ К ФОТО

Поэту и барду Вячеславу Качурину

Был юн, всегда любил кого-то,
И дамы таяли вокруг
От ослепительного фото
С привычной сигаретой «Друг»!

Но всё меняется с годами
И, чтоб здоровье сохранить,
Сегодня (только между нами!)
Куриль он бросил.
Начал пить!

Вячеславу Качурину

Орденосец! Что ещё сказать?
Но смотришься немного неуклюже —
К тому же галстук мог бы завязать,
Как следует (построже и потуже!).
Тем паче, в этой самой ипостаси
Ты (как бы это мягче объяснить?),
Скорей похож на архирея в рясе,
В КПСС спешащего вступить!

Вячеславу Качурину

Всё хорошо! Одно корёжит,
На этот посмотрев сюжет, —
Зачем Качурин руку ЛОЖИТ,
КЛАДЯ на дам и этикет?

Вячеславу Качурину

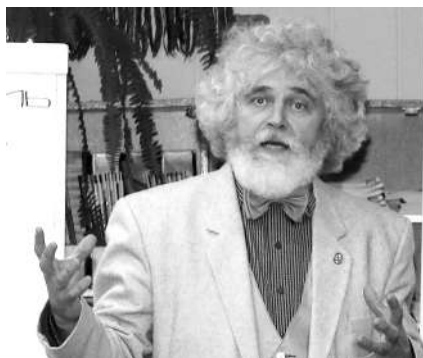
К иным поэтам, вне сомненья,
И за обедом иногда
Приходит Муза вдохновенья,
Что, в общем, тоже не беда.
Но чтобы не было конфуза,
Не искушай судьбу свою —
Возможно, Слава, просто Муза
Тебе подсунула свинью!

Аркадию Сурову

Даме хорошо сидеть с поэтом
Чутьочку расслабившись слегка,
Жаль, что кое-кто глядит при этом
Исподлобья и исподтишка!
Даже если так не все считают,
То об этом споры не важны,
Раз не все поэты надевают,
Сидя рядом с дамами, штаны!

Художнику Сергею Пантелейчуку

Ушёл «в себя». Не брит. Не стрижен.
Задумчив, словно Демокрит,
Но, коль талантом не обижен,
То так ли важен внешний вид???
Другому, хоть об стенку бейся,
Но так, как он, — не рисовать...

Ты лучше вообще не брейся,
Чтоб свой талант не растерять!

* * *

Талантом и фактурой не обижен,
Красив, как Бог, до кончиков седин,
И, даже если он слегка не стрижен,
То надо ж ему минус хоть один!!!

Надежде Щедровой

Меня давно сомнение гложет:
«Мадам, тут Вы или не Вы?».
Такого просто быть не может,
И эти слухи не новы!
И хоть посредством фотошопа
Я сам рисую всё подряд,
Но тут, боюсь, порвётся... рифма,
Чтоб сесть, как дама, на шпагат!

Профессору-филологу Владимиру Гладышеву, который неожиданно предстал в образе Деда Мороза

Профессор, доктор, литератор
Романы пишущий всерьёз,
Прекрасный лектор и оратор,
А ко всему — и Дед Мороз!
И, хоть «Мороз» сейчас не в моде
(Чего зимой не намудрят!),
Но этот при любой погоде
Привычней и родней в народе
Всех Санта Клаусов стократ!

Профессору В.В. Гладышеву

Мир нашей фауны людской
Блистателен и живописен —
Одним дано блистать красой,
А остальным — посредством лысин!

Александр Иванову

На раскрасавиц этих глядя,
Скажу, что в этом цветнике,
Пейзаж не портит даже дядя,
Стоящий с ними в пиджаке.
И нет ни капельки сомненья,
Что дай им музыки слегка —
То он, без всякого стесненья,
Станцует с ними гопака!

Александр Ивану

Тому, который слева, тот что справа,
По правде, идентичен лишь отчасти —
Он, вероятно, из такого сплава,
В котором не передаются страсти.
Такой металл хорош для постаментов —
Холодный взгляд: ни радости, ни гнева...

Каких ещё вам нужно аргументов,
Что он не схожий с тем, который слева?

А. Иванову по поводу облачения в генеральский китель

О лириках пародии
Теперь слагать не вправе я-
Мой друг писал мелодии,
А умер... от тщеславия!
Быть может, в вытрезвителе
Он взял пиджак поношенный,
Но вышел в этом кителе
Какой-то перекошенный!
Он в пиджаке с шевронами
Стал важным и влиятельным,
А прежде пел под клёнами,
Был бардом замечательным.
И пал от... сомнения,
(Пока пиджак прикидывал!),
А я в нём видел гения,
И чуточку завидовал —
Боюсь, его читатели,
Теперь в иной обители...

Не пробуйте, писатели,
С плеча чужого кители!

Александр Иванову

Не отставая от эпохи,
Как повелось издавека,
Одни любимым дарят вздохи,
Другие — замки из песка.
А он, в традициях гусаров,
Вручил любимой визави
Двойной карман (для гонораров)
И шевелюру (для любви!)

Ирине Гудым

Отнюдь не склонный к суеверью,
Хочу заметить Вам: «Мадам!
Вы, кажется, ошиблись дверью —
Не верьте, девушка, дверям!
Обманчив вид их безмятежный —
Ведь ждёт за ними иногда
Не океан любви безбрежный,
А просто мутная вода!»

Елене Маврокордато

Пиар партийный налицо:
И всем понятно с полуслова —
Блондинки — это их лицо,
(А, может, даже и ОСНОВА!)

Елене Маврокордато

Специалисты твёрдо знают,
Что, как вы не сплетайте их,
Друг друга змеи не кусают —
У них ведь яд для остальных!

Елене Маврокордато

Не надобно больших усилий,
Чтоб выяснить вопрос один:
Которая из двух рептилий
Опаснее для нас, мужчин?
По мне — ответ предельно ясен:
И каждый без труда поймёт,
Что той укус вдвойне опасен,
Которой не заклеен рот!

Елене Маврокордато

Оставьте нежности телячьи:
Всё ясно — к бабке не ходи!
В большом смятении кошачьи —
На лица (морды!) погляди!
При их характерах несхожих
Они застыли в страхе, ведь
Пантер из класса КРАСНОКОЖИХ
Им никогда не одолеть!!!

Татьяне Даниленко

Боюсь, во всей Вселенной целой
Не отыскать подобный взгляд,
Где дама в дивной шляпке белой
И веер, как-бы невпопад,
И взор с улыбкою туманной
Направлен словно в никуда...

Ужель «она звалась Татьяной?»
А, вот, представьте себе — ДА!

Татьяне Даниленко

Та що ж це коїться у світі:
Чи люди розуму не мають —
Жінок, подібних Афродиті,
По тих Європах відпускають?
Хтось розтлумачте небораці
Ці таємниці без вагання:
Нащо їй формула в МонаЛІ,
Коли є формула кохання?

Ларисе Матвеевой
по поводу её книги
«Мозаика стихов»

Я не поэт и не прозаик,
Но тут скажу без лишних слов,
Что выбрал бы из всех мозаик
Твою МОЗАИКУ СТИХОВ!

Анатолию Секкеру

Хорош собой, похож на Бога,
И, в целом, парень неплохой...
Вот только выпить любить много
(Причём, как правило, — со мной!!!)

Да, сходство есть. Вопрос в другом:
А что мы в этом сходстве ищем?
Кому-то ближе тот, с крестом,
Ну а кому другой — с винищем.
Такое сходство сотни лет
Людей роднит и разделяет:
Кто пьёт — философ и поэт,
А кто с крестом — всю жизнь страдает...

Прозаику и доктору Александру Финогееву

Оба небриты, оба клыкасты,
Оба по-своему энтузиасты —
Каждый их них, как мне кажется, рад
Цапнуть чужой опрометчивый зад.
Тот, кто левее, хватает зубами,
Тот же, кто справа, — смеётся над нами.
Ну, а уж если совсем невтерпёж,
В дело идёт хирургический нож.

Вот потому и не пробуйте, дети,
Шутки с такими друзьями, как эти!

Александр Финогееву,
автору книги «Миражи тумана»

Я не в угоду укоризне,
А лишь замечу впопыхах:
Везёт же некоторым в жизни
В таких работать цветниках!
И я скажу вам без обмана —
Мне стало ясно только тут:
Какие «Миражи тумана»
Ему покоя не дают!!!

Александр Финогееву в день свадьбы сына

И сын прекрасен, словно Бог,
И маме есть чему гордиться...
Одно смущает — кто-то б мог
Хотя б на свадьбу чуть побриться!
И пусть мне скажут: я не прав,
Но, кто служил — отлично знает,
Что даже воинский Устав
Таких бород не поощряет!

Художнику Сергею Пантелейчуку и драматургу Альберту Вербецу

Ну, что бы там ни говорили,
Но по биению сердец,
Вы оба сверхсинхронны были —
И ты, Серега, и Вербец!

Елене Маврокордато и Татьяне Чичкалюк

Прекрасных женщин издали видать,
И каждая одна другой чудесней —
Одним бы только амфоры держать,
Ну а другим — мужчины интересней!

Александр Панину

Что дочь красавица — не скрою,
И ёлка дивная подстать,
Но этот — в шапке, с бородой,
В такие годы мог бы знать,
Что шапки, даже со звездой,
В квартирах принято снимать!

Надежде Ермаковой

Прекрасны женщины весной,
Прекрасны осенью и летом,
И даже снежной зимой —
Не стоит забывать об этом!
Да я готов им всё отдать,
Любой брюнетке и блондинке...
(Но, если можно выбирать,
То лучше той, что на картинке!)

Вячеславу Рукоманову

Ну, что ж, пиджак хорош и галстук тоже,
Да и мужчина — галстуку подстать...

(Но вот на фото можно было б всё же
Чуть радугу поярче заказать!!!)

Юлии Ковалевской

Вы так блистательны в азарте,
Но я б хотел заметить Юле,
Что лучше так лежать не в марте,
А, ну, как минимум, в июле.
Я этих шуток не приемлю
И, видит Бог, не без причины —
Не ЛОЖЬТЕ девушки на землю
Себя в отсутствии мужчины!!!

ΠΡΟΖΑ

Дед Мороз

Новогодняя история

Как же хочется спать. Утреннее солнце словно издевается, врываясь без спроса в расщелину штор, нещадно слепя глаза. Димка проснулся. Ну почему именно сегодня с утра солнце, как назло, такое яркое? Сегодня ведь Новый год, а мама обещала, что придет настоящий Дед Мороз с подарками. Жаль, что приходит он слишком поздно, когда все дети уже спят и поэтому оставляет взрослым наши детские подарки...

Конечно, Димка уже большой, и в свои пять лет не верит ни в каких всамделишных Дедов Морозов, но если это так хорошо, да еще связано с подарками, то почему бы и не поверить? Хотя бы на один день! Тем более, если маме этого так хочется... А еще хочется увидеть живого Деда Мороза и разобраться, наконец, — есть он в самом деле или нет? А потому лишь только ради этого стоит хорошо выспаться сейчас, чтобы хватило сил дотерпеть до его прихода...

Рядом в соседней кровати всё еще спал старший брат Андрейка. Ему тоже совсем не хотелось просыпаться потому, что он знал разницу между днём до и днём после Нового года. День после Нового года — самый лучший день в году. В этот день все дарят тебе подарки, говорят хорошие слова и кормят разными вкусностями. А день перед Новым годом — самый скучный день. В этот день основные слова, которые тебе приходится слышать: «Не мешай». Мама, как обычно, конечно же, будет целый день готовить на кухне, а вы с братом сидите в своей комнате и не приставайте к ней со своими просьбами и вопросами. Не мешайте! Займитесь чем-нибудь и ждите Деда Мороза. Он обязательно придет — просто идти ему далеко.

Передавали, что даже какой-то город есть, где живет Дед Мороз, но это где-то очень далеко за МКАДом, на севере. А как этот город называется — Андрейка не знал. Конечно, можно было бы спросить Ирку — старшую сестру, но делать это совсем не хотелось. Эта гадина еще вчера наябедничала маме о том, что они с братом тайком повыковыривали орехи из черносливов, которые мама заранее сделала для гостей, ну и для Деда Мороза, конечно. Хотя откуда ей

известно, что Дед Мороз любит черносливы с орехами? Разве там, на севере, черносливы растут? Но спрашивать об этом старшую сестру — значит, простить ей её же подлость, а этого как раз и не хотелось делать. Поэтому оставалось одно — спать.

А старшая сестра в это время заперлась в своей комнате и, по всей видимости, выходить оттуда до конца своей жизни не собиралась. Её захлёстывала обида и слова, наполненные желчью, сквозь стиснутые зубы беззвучно расплескивались по всей комнате в адрес этой. Ну, никак не ожидала она от этой мамы такой подставы. Все из класса собираются у Большаковой на квартире, а ей, видите ли, запрещают!

С ума сойти! Ей 14 лет скоро, а её всё маленькой считают! Ну почему у других родители — нормальные люди? Мало того, что разрешают своим детям самим встречать Новый год, так еще и квартиру свою для этого предоставляют. А тут? Пипл точно чего-то не догоняет! Да и перед Большаковой неудобно — на завтра что-то ей придется говорить, объяснять... Да разве Пипл понимает, в какое глупейшее положение они ставят свою родную дочь? Такое впечатление, что она сразу родилась главным бухгалтером в своей фирме, а он — Сергей Иванович, или Серый, как его называют все, с детства был актером...

А сам Серый, он же Сергей Иванович, сегодня был вымучен как никогда. Чёрт знает что! Это же какой-то дурдом, а не Новый год! Да когда же они научатся готовиться к Новому году нормально, заранее? Вроде умные люди, а каждый год всё начинают делать чуть-ли не 31 декабря. И ведь понимают прекрасно, что хоть Новый год, как обычно, и наступает внезапно, но лишний день для подготовки к нему никогда не помешает. Хотя всё равно будет суматоха с костюмами, подарками и адресами детей, которым нужно развести все эти подарки, да еще извечные московские пробки...

Господи, вроде бы еще в прошлом году таких пробок не было. А сейчас? Ну, куда столько народу едет в шесть часов вечера 31 декабря? Впрочем, может быть, это такие же бедолаги — Деды Морозы куролесят по всей Москве с мешками подарков и пачками адресов, надеясь, хоть к первым ударам курантов, поспеть домой к себе? Город, полный Дедов Морозов, стоящих в пробках, мешающих друг другу проехать и подрезающих один другого.

А тут еще, как назло, в каждом доме наливают после вручения подарков и никуда от этого не денешься — традиция. А, значит, Лидка снова будет шипеть: опять нажрался, как свинья, — перед гостями неудобно. И что у всех мужья, как мужья, и что она уже не помнит, когда последний раз нормально Новый год встречала. Ну и всё такое, в этом же духе. Хотя если вдуматься, то если бы к нам домой приехал такой же Дед Мороз с подарками, то сама же первая ему и налила бы. Другим, значит, можно? Чужих Дедов Морозов, выходит, дома жёны не ждут? Понять женскую логику нормальным человеческим разумом нельзя — двойной стандарт самой природой заложен в генетику женщин...

Господи! На Каширке опять пробка и на этот раз, по всей видимости, надолго. Ну всё, теперь к 12-ти точно не успеть и, значит, наутро, как всегда, будет разбор полетов.

— Ты почему вовремя не приехал?

— В пробке стояли.

— А зачем ты вообще согласился быть Дедом Морозом в этом году? У них что — других нет? Ты же каждый год ишачишь за них за всех.

И, как всегда, придётся отвечать ей одно и то же: что это моя профессия, что мне за это деньги платят, что я актер, понимаешь, актер! Женщины, как существа романтические, любят актёров вообще. Им кажется, что актер — это когда сплошные цветы, аплодисменты, выходы на «бис» и всё такое прочее. А то, что актер должен пахать и в будни и в праздники, чтобы прокормить семью — так это в расчет не принимается. Вот был бы ты директор фирмы по продаже унитазов — твой бы труд уважали. А так сплошное лицедейство — «дуракавалание», одним словом. И как, скажите мне, объяснить жене, что я актер по призванию, а лицедейство — это моя профессия?

Актер он... Лицедей хренов... А напиться, как свинья, зачем? Ну пришел, побыл пару минут, поздравил ребенка, съездил к остальным детям и по-быстрому домой. Да только разве его домой тянет? Он, видите ли, отказаться не может! Ему, видите ли, неудобно. А приходиться к каждому следующему ребенку под мухой, удобно? Это, по-твоему, хорошо? Ведь дети — они же всё видят и всё понимают. А последний ребенок из этого твоего идиотского списка, так он вообще самый разнесчастный! Ну кому приятны пьяные кривляния подвыпивших Деда Мороза и Снегурочки???

Кстати, о Снегурочке. Надо будет узнать, кого к нему прикрепили в этот раз? А то он наутро будет мне, как всегда, сказки рассказывать, а поедет с ним опять эта старая дева Бахметьева. Господи, бабе под сорок, а она всё Снегурочек играет! Тоже мне, внученька! Бриджит Бардо перекрашенная! А сама, небось, спит и видит, как бы затащить этого олуха в постель...

Нет, ну действительно, разве станет порядочная женщина болтаться одна с пьяными мужиками по всей Москве, да еще вечером 31 декабря? Нормальная женщина — она в это время у плиты, как ведьма на метле, вертится и старается, как всё бы получше да повкуснее было. Наизнанку себя выворачиваешь и всё для него, подлеца. Душу во всё вкладываешь, а этот Дед Мороз хренов сейчас, небось, уже принял на грудь и тискает где-нибудь в темном углу свою Снегурочку...

Эти мужики — они, ей Богу, как дети. Им после двух рюмок кажется, что яблоки из чужого сада всегда вкуснее своих — вот их и тянет на сладенькое... Кстати, надо будет разузнать, кто там у них водителем был в этот раз, да поинтересоваться — как там мой Дед Мороз себя вёл. А то ведь сначала пьют, а потом часами в пробках стоят на своей «Газели». Хорошо, если стоят. А то ведь пока шофер за рулем, эти то двое чем там занимаются?

Я тут, как дура, четыре часа с холодцом возилась, индейку с яблоками в духовке запекала. А ведь ещё, как обычно, салаты, нарезка. Ну и, конечно, какой же Новый год без «оливье»? А он в это время по квартирам чужим шляется — чёрт те с кем водку хлещет. Да еще и зайвится во втором часу! Дед Мороз — сам себе подарок.

Кстати, о подарках. Я ведь детям обещала, что у нас точно будет свой Дед Мороз и тоже принесет подарки. Слава Богу, что заранее всем всё купила. Не забыть бы, когда уснут, положить их под ёлку. И хорошо хоть саму ёлку успела с детьми нарядить ещё с вечера, а то сегодня точно был бы сумасшедший дом...

* * *

Дед Мороз спал сном праведника, уткнувшись носом в подушку. Морозный воздух, проникающий в спальню через форточку, предусмотрительно открытую чьей-то заботливой рукой, скорее, в

воспитательных, чем оздоровительных целях, отчаянно боролся с испарениями жуткой смеси всего, выпитого накануне.

Снились ужасные московские пробки, вчерашние хохмы с хождениями по перепутанным адресам в поисках нужной квартиры, из-за чего приходилось звонить в разные двери, чтобы, в конце концов, найти «свою». И, конечно, везде им были рады, везде приглашали за стол и, конечно, наливали.

Только у нас искренне рады совершенно незнакомому человеку и тащат его за праздничный стол лишь потому, что у него красный халат и борода на резинке. Магическая сила перевоплощения! Объяснить это невозможно. Впрочем, всем было весело...

Правда, потом надо было ещё отвезти домой совершенно опьяневшую Таньку Бахметьеву. Снегурочку под конец совсем развезло от частых застолий, череды детей, путаницы их имён, последующих «на минуточку» приглашений на кухню и долгих муторошных переездов по Москве. Домой Дед Мороз заявился, как обычно, в третьем часу, когда некоторые из гостей уже подумывали расходиться.

Подарки, заботливо перевязанные цветными ленточками, стояли под елкой. Это было как раз то, о чем дети мечтали весь год и что так хотели получить от Деда Мороза в новогоднюю ночь. Было только немного жаль, что Дед Мороз снова пришел слишком поздно, когда все они уже спали и опять не смогли его дождаться. А ведь им так хотелось!

Но разве же это главное в Новый год? Главное то, что Дед Мороз всё равно был и, конечно, принёс им подарки, и как раз те, о которых они так мечтали. И кто после этого скажет, что подарки в новогоднюю ночь — это не самое главное в жизни? А значит, Дед Мороз, всё-таки существует, и в этот раз точно приходил к ним домой, раз их любимые подарки — вот они, на полу под ёлкой.

Тем более, что кроме старшей сестры — известной язвы, никто особенно и не заметил сваленный в углу «дедморозовский» халат с нелепой красно-белой шапкой. Белая пушистая борода Деда Мороза свисала на резинке со спинки стула...

С Новым Годом!

Я люблю тебя, мой город...

Профессор-филолог Владимир Владимирович Глазычев проснулся в дурном настроении. Собственно говоря, и не проснулся даже — его разбудили. Мобильный телефон настойчиво звал к себе, казалось, уже в десятый раз.

— Они там что, с ума посходилии??? — простонал профессор. Вставать и идти к телефону после состоявшегося накануне вечера выпускников-филологов, плавно перешедшего в глубокую ночь, не хотелось. Но телефон так нахально звонил, почти не прерываясь на паузы, что профессор, наконец, встал и нехотя поплёлся к нему.

— Доброе утро, Владимир Владимирович! — Бодрый голос в мобильнике, словно издевался над ним. — Моя фамилия Хворостенко. Владимир Хворостенко. Вы меня не помните? Мы встречались с Вами на презентации книги Качурина. Помните?

— Качурина помню, и презентацию его помню, а Вас, извините...

— Ну, как же? Он же познакомил нас на фуршете...

— И фуршет помню, а Вас... А Вам, собственно говоря, что нужно?

— Да я, вот, книгу написал. Стихи. Понёс её в издательство «Илитон», а там говорят нужна рекомендация. Я позвонил Качурину, а он в отпуск уехал? Потом я поэта Аркадия Сухова просил, но тот сказал, что именно сейчас он очень занят — как раз новую поэму пишет и поэтому рекомендовал к Вам обратиться.

— Мерзавец! — подумал профессор о Сухове. — Самому лень, так он ко мне посылает всяких графоманов. Да не времени, а совести у него нет! А в баре «Кальмар» дни и ночи торчать — у него есть время???

— Видите ли, у меня сегодня очень напряжённый день, — на всякий случай, как можно убедительнее соврал профессор, — меня уже неделю аспиранты донимают о встрече, а тут ещё, как назло, из издательства звонили и торопили с рукописью. Так что, извините, но сегодня никак не смогу.

— Да, всего делов-то пять минут, не больше! Тем более, я у Вашего подъезда уже час стою.

— «Всего делов», — машинально отметил для себя Глазычев. — Господи, ну как с таким разговаривать после этого? Могу себе представить, что у него за стихи. — А, извините, где Вы адрес...

— Да, всё тот же Сухов и дал!

«Ну, это вообще ни в какие ворота не лезет! — подумал профессор и нелитературно помянул мать поэта Сухова, — такого, Аркадий, я тебе никогда не прощу!»

— Пять минут, Владимир Владимирович! Умоляю! Ну что Вам стоит?

— Ладно, заходите... Только дайте мне хоть немного в порядок себя привести. Пол ночи сидел над рукописью, — опять зачем-то соврал Глазычев, — и поэтому только что проснулся...

* * *

— А, Вы, извините, давно стихи пишете?, — профессор начал издалека, поскольку сходу никак не мог подобрать нужных слов, чтобы как можно скорее выпроводить Хворостенко.

— Знаете, я пишу с самого детства, но только около двух лет назад задумался о серьёзной литературе. И вот он, результат, у Вас в руках.

Владимир Владимирович взял рукопись. На первой странице красовалась надпись: «Владимир Хворостенко. Я люблю тебя, мой город». Следующая страница открывалась стихотворением, которое, по-видимому, и определяло главный лейтмотив будущей книги:

*Я люблю тебя, мой город,
Даже если невзначай,
Наверну сто грамм за ворот —
Ты на это не серчай!*

— Это... стихи? — с едва скрываемым сарказмом спросил профессор.

— Стихи! А Вам они что, не нравятся?

— Ну, как Вам сказать...

* * *

Прошёл час. Поэт Хворостенко уже совсем освоился в профессорской квартире и с таким жаром навязал Глазычеву дискуссию о новых веяниях в современной поэзии, что тот и сам теперь не рад был, что вообще вязался в эту нелепую говорильню.

— Поймите, — горячился автор, — все эти архаичные строки типа:

*Запылённых акаций навесы,
Громыханье трамваев ночных,
Но ни скверы Москвы, ни бульвары Одессы
Не заменят мне улиц твоих...*

— уже давным-давно безнадёжно устарели! Сейчас уже так никто не пишет.

— Вы уверены?

— Убеждён! Почитайте хотя бы последний выпуск нашего городского литературного журнала «Губернская улица», который почти полностью посвящён творчеству молодых поэтов. Там же совершенно иная ритмика стиха, другой взгляд на творчество, не скованное жёсткими рамками рифм, размеров и прочей лабуды. Это всё ушло! Кануло в Лету вместе с тоталитарным режимом и его жесточайшими ограничениями и правилами, которые были присущи всему, в том числе, и поэзии! В те годы поэты неделями бились над каждой строкой или словом, но теперь-то ведь совсем иной ритм жизни, согласитесь! Тратить неделю своей жизни на каждое отдельное стихотворение — безумие!

Сегодня важен порыв души! Фантазируй, твори, а главное — записывай всё то бесценное, что ты почувствовал именно в эту минуту! Потому, что потом это мгновение уйдёт навсегда вместе с каждым твоим ненаписанным стихотворением!

— Да Вы, я смотрю, философ...

— Это потому, что молодёжь сегодня совсем иначе смотрит на жизнь и ждёт от нас — поэтов нового поколения, совершенно иных стихов и книг о любимом городе...

— Скажите, а без «ста граммов» в стихах о любимом городе никак нельзя?

— Ну, при чём тут «сто грамм»? Вас это смущает? А по-моему, это новаторство! Во всяком случае, так ещё никто не писал! Да и не в «ста граммах» дело! Это же юмор. Шутка. Да, неужели для того, чтобы объясняться в любви к родному городу нужно обязательно быть застёгнутым на все пуговицы? Согласитесь, но ведь это же ханжество.

— Разве? Никогда бы не подумал...

— Конечно! Ведь в данном случае «сто грамм» — это же просто образ, эпитет, некий символ доверительности и раскрепощённости. Попробуйте раскрепоститься и что-либо написать, и Вы сами легко убедитесь в том, что это будет совсем иная степень писательской свободы. Не пробовали?

— Как-то не доводилось...

— Кстати, а сами не хотите попробовать? — поэт потянулся к сумке и достал оттуда бутылку армянского коньяка.

— Боже упаси! С утра, да и к тому же я совсем не пью. Сердце, знаете ли..., — пришлось профессору в очередной раз соврать.

— Владимир Владимирович, ну хотя бы по одной рюмке! — Хворостенко был неумолим, — Только лишь для того, чтобы Вы сами смогли убедиться в правоте моих слов. Всего одну!

— Ну, не знаю. Это как-то слишком уж неожиданно...

* * *

— Наташ, который час?

— Пол девятого, алкоголик.

— Утра или вечера?
— Утра, конечно. Я на работу убегаю. У меня сегодня квартальный отчёт, поэтому начальница просила пораньше прийти.
— А Хворостенко где?
— Да, ушёл твой поэт ещё с вечера. Еле выпроводила его. Я, когда с работы пришла, вы с ним уже вторую бутылку допивали.
— А дальше?
— А дальше ты мне всю ночь стихи читал.
— Какие???
— Что-то вроде «Я люблю тебя, мой город». Дальше не помню..
— Не может этого быть..
— Может! Вовка, ты кончай с этим делом. Ну нельзя же так! Каждый день у тебя попойки. Подумай, наконец, о своём здоровье — ты же не мальчик уже... А ещё вчера весь вечер твои аспирантки названивали. Я сказала им, что у тебя грипп и температура. Короче, выкручивайся сам. Ну всё, пока! Крепись, профессор!

* * *

Май пролетел незаметно. В университете у Глазычева было полным-полно дел и полное отсутствие свободного времени. Никуда не денешься — конец учебного года! Владимир Владимирович на работе был загружен под завязку и домой приходил поздно. Вот и сегодня с самого утра он уже успел ответить на кучу звонков — одним что-то обещал, с другими о чём-то договаривался, меняя интонацию в голосе с назидательной на просительную и наоборот. В дверь неожиданно позвонили.

— Чёррт! — выругался профессор, — кого это нелёгкая принесла в такую рань? Неужели с кафедры? — В дверях стоял Хворостенко.

— Здравствуйте, профессор! — поэт, казалось, светился от радости! — Вот!, — протянул он Глазычеву новенькую книжку, где на ядовито-жёлтой обложке значилось: «Владимир Хворостенко. Я люблю тебя, мой город».

— Только что в типографии получил, и сразу к Вам, — спешу порадовать! Ведь без Вашей рекомендации её бы не было. Поэтому Вы, так сказать, крёстный отец этой книги.

В сумке у поэта что-то характерно звякнуло.

— Я поэтому сразу к Вам, профессор. Только чтобы спасибо сказать! Буквально на минутку! Вы позволите?

— Да я, знаете ли, очень занят сегодня...

— Всего на одну минуту, профессор! Ну что Вам стоит?

Глазычев тяжело вздохнул и, пропустив гостя на кухню, покорно поплёлся следом. Загнанный стечением обстоятельств в не-лепую западню, он испытывал примерно те же чувства, какие, по всей видимости, испытывают рыбы, попавшие в рыболовную сеть. Выхода из такой ситуации не было никакого. Приходилось одно, мириться с обстоятельствами и уповать на Всевышнего. Осознавая это, профессор ещё раз обречённо вздохнул и, мельком посмотрев на часы, приготовился к худшему...

Вкус провинции

Прозаик Анатолий Андреевич Масляков писал свой новый рассказ. Его последняя книга, «Вкус провинции», только что вышедшая из печати в издательстве «Илитон», понравилась всем, и была благожелательно воспринята местной публикой. Пятнадцать пачек новой книги вчера привезли из типографии, и теперь они грели самолюбие автора, занимая почти всю свободную площадь в его домашнем кабинете.

Сюжет его нового рассказа был, как всегда, убедителен и философски глубок, но сам рассказ отчего-то «не шёл». Писатель это и сам чувствовал, но отступать не хотелось. Он даже позвонил своему другу Вовке Хромченко — городскому пародисту и стихоплёту, который по причине непреодолимой страсти к горячительным напиткам к своим сорока пяти годам, так и не издал ни одной книжки. Его поэтому и в Союз писателей не принимали, побаиваясь, что это бросит тень на солидное и уважаемое сообщество «инженеров человеческих душ».

— Андрейч, — сходу надел на него Хромченко. — Бросайте свою тухлую писанину и давайте делом займёмся. Настоящим делом! «Как-будто писательский труд не является настоящим делом», — подумал Масляков, но спорить с пародистом не стал.

— Тут мне один кореш-фермер, — Хромченко перешёл на заговорщицкий тон, как-будто их могли подслушать и донести куда

следует, — выгодное дельце предложил: арбузы продавать. Он сам их выращивает в Херсонской области, а продавать у него времени нет. А в приёмных заготконторах копейки дают.

— Ты не заболел часом? — Даже обиделся на друга Масляков. — Какие арбузы?? Я никогда в жизни не занимался этим делом и заниматься не стану. Да и времени у меня сейчас нет, соврал он, скорее, автоматически.

— Анатолий Андреевич, времени всегда у всех не хватает, а в Киеве на них заработать можно, если всё получится, тысячи две за день!

«Две тысячи — деньги хорошие», — подумал Масляков, но на всякий случай снова сделал вялую попытку сопротивляться:

— А как ты их продавать собрался? Там же документы нужны, справки какие-то, да и где ты их в Киеве продавать будешь? На базар тебя никто не пустит — у них там местными всё давно схвачено. Да и кому мы, провинциалы, нужны в Киеве со своими арбузами?

— Не переживайте, Андреич! — Хромченко старался говорить как можно более убедительно. — Мне телефончик киевский дали, какого-то Сергея. Сказали: «Позвонишь ему и он всё тебе в столице решит». Убедил?

Каких-либо контраргументов у Маслякова не нашлось, да и деньги ему, если говорить честно, были очень даже нужны...

А дальше случилось непредвиденное — Хромченко сломал ногу и его положили в больницу. Врачи сказали, что дня на три-четыре, максимум неделю, но всё дело в том, что общей ситуации это не меняло. Ехать в Киев он не мог!

Прозаик навестил друга в больнице, втайне надеясь, что хоть это остановит их коммерческую авантюру. Хромченко, разумеется, был удручён случившимся, но в отношении затеи оставался неумолим.

— Анатолий Андреевич, а может, Вам самому поехать?

— Ты в своём уме? — Масляков даже обиделся на друга. Ну как это он — уважаемый в городе литератор и член Союза писателей — начнёт арбузами торговать??? Бред! Тем более, что «арбузный сезон» сейчас в самом разгаре — их и тут продают на всех углах, а уж Киев, наверняка, завалили!

— Да поезжайте Вы в Киев, и всё! — Настаивал обезноженный друг. Это напомнило Анатолию Андреевичу бессмертную фразу

Паниковского, когда они с Балагановым обсуждали операцию по завладению деньгами Корейко. Помнится, там были такие слова: «Шура, поезжайте в Киев и всё. И спросите, что делал Паниковский до революции».

Это ещё больше разозлило прозаика, и он менторским тоном начал вправлять мозги более молодому коллеге-пародисту.

— Ты сам-то понял, что сказал? Ну, как это я — известный литератор, к тому же на седьмом десятке лет, сам поеду в Киев арбузами торговать??? А если там меня за этим делом кто из коллег увидит? Короче, не говори глупостей...

* * *

Киев встретил Анатолия Андреевича ранним утром, когда город ещё только начинал просыпаться. Первым делом, конечно же, нужно было позвонить мифическому Сергею. С другой стороны, ещё не было 6-ти утра и писатель испытывал некое угрызение совести, от того, что в такую рань ему придётся будить незнакомого человека.

— Простите, это Сергей? — Немного извиняющимся голосом пролепетал Масляков. — Я Вас беспокою от Николая из Херсона. Он должен был Вам звонить по поводу арбузов. Вы ему с местом для продажи обещали помочь.

— Пятьсот — и деньги вперёд! — Опять почему-то почти словами Ильфа и Петрова, вложенными в уста архивариуса Коробейникова, отвечали в трубке.

— Пятьсот? За что?? Я же ещё ничего не продал, подумал, было, Масляков, но спорить не стал. — Отдам пока свои, а уже с продажи арбузов верну.

* * *

Когда они приехали на указанное место, там уже вовсю суетились какие-то люди, расставляя других продавцов вдоль улицы, прилегающей к местному рынку. Анатолий Андреевич сообщил од-

ному из подошедших, что он от Сергея, отдал деньги и стал на то место, которое ему указали. Рядом с ним уже находились такие же машины с арбузами и дынями. Продавцы настраивали весы, устанавливали ценники и о чём-то спорили между собой.

Необычность всего происходящего и погружение в новую человеческую реальность были для писателя Маслякова настолько стремительным и неожиданным, что у него даже мелькнула мысль, написать об этом какой-нибудь свой новый рассказ или очерк.

Покупателей ещё не было. От нечего делать Анатолий Андреевич распаковал одну из привезённых с собой пачек с книгами. На обложке значилось: «Анатолий Масляков. Вкус провинции».

— Вы сюда книги читать приехали или арбузы продавать? — Вернул его из небытия недовольный мужской голос.

— Продавать, конечно, продавать, — очнулся писатель. — Вам какой?

— Во-он тот, пожалуйста. А что это Вы за книгу читаете? Кто автор?

— Я.

— Да ну? Не может быть! А как называется?

— «Вкус провинции». Только что из печати вышла. Вот и фото моё на задней обложке...

— Ничего себе! Первый раз такое вижу. А Вы в ней, случайно, не про арбузы пишете? — С едва скрываемой издёвкой спросил покупатель.

— Да, нет. О жизни пишу.

— А сколько она у Вас стоит? Нельзя купить?

— Почему нельзя? Можно. Но только, — Масляков таинственно улыбнулся, — только вместе с арбузами!

— Беру! И впрямь захотелось попробовать на вкус вашу провинцию! — Скаламбурил покупатель. — Так сказать, и в гастрономическом, и в духовном смысле. Давайте ещё одну! Тёще подарю. Расскажу — не поверит! Так что Вы уж, если не трудно, автограф поставьте, пожалуйста.

Следующий покупатель, внимательно слушавший этот диалог, тоже захотел взять себе две книжки с автографом автора и два арбуза. Он взял бы и больше, но три арбуза ему было просто не унести.

— А Вы сколько штук берёте, — обратился он к покупателю, стоящему в очереди за ним.

— Два.

— А эти книги Вам нужны? Их, вот, писатель вместе с арбузами почти даром отдаёт.

— Ну, не знаю... Может, и возьму одну почитать. Я вообще-то не любитель этого дела...

— Тогда, будьте так добры, возьмите две — себе и на мою долю. Я соседям подарю...

* * *

К обеду Анатолий Андреевич распродал уже почти все свои арбузы. От двух пачек его книг, которые он привёз киевским друзьям и так неосмотрительно продал вместе с арбузами, у него ничего не осталось.

— Ловко это у тебя, дядя, получилось, — неожиданно заметил сосед — мальчишка, торговавший с ним рядом. Я, вот, раньше тебя встал на точку, а ещё и половины не продал.

— Так ведь тут симбиоз духовного с материальным! — заметил Масляков.

Соседний продавец не знал смысла слова «симбиоз», но ситуацию в принципе понял правильно и уважительно посмотрел на писателя.

— А ещё книжек нету?

— Нету. Мало я книг взял с собою, — вздохнул Анатолий Андреевич. — Да только, кто же знал, что так всё удачно сложится...

В родной город он вернулся в хорошем настроении уже на следующее утро — ехал ночным поездом и потому успел выспаться.

По приезду домой, прямо с утра Анатолий Андреевич набрал больничный телефон, где лежал Вовка Хромченко.

— Молодой человек, ну как же Вам не стыдно звонить в такую рань, — ответили на том конце провода. — Больные ещё все спят, и до семи утра мы никого к телефону не зовём.

— Ну и как там Ваш арбузный бизнес, Анатолий Андреевич?

— Сходу начал Хромченко, при виде вошедшего в палату коллеги.

— Надеюсь, удачно?

— Более-менее.

— Всё распродали?

— Подчистую.

— Как же Вам это удалось?

— Секрет знать надо...

— ???

— При случае, как-нибудь расскажу. Кстати, а там у твоего приятеля — фермера ещё арбузы есть?

— Неужели понравилось? Что, небось, много наторговали, коллеги? — съехидничал пародист.

— Да, уж, кое-что осталось... Так ты, Вовчик, позвони в Херсон. У меня сейчас, кстати, и времени свободного есть немного.

— Позвоню. Но это уже тогда, когда из больницы выйду и немного оклемаюсь.

— Чёррт! — подумал Анатолий Андреевич, но вслух ругаться не стал. Он и так заработал почти три тысячи. За две пачки своих книг он таких денег в жизни не получил бы.

А может, стоит рискнуть и снова поехать в Киев с книгами и самому попробовать продать их? Там же, рядом с арбузными завалами стану — авось, не прогонят. А то пока Вовка из больницы выйдет, да на ноги встанет — и сезон закончится...

Вечерним поездом, упаковавшись своими книгами «под завязку» (аж десять пачек!), Масляков снова отправился покорять столицу. Только теперь ему уже всё было знакомо и никаких предварительных звонков Сергеем он, разумеется, делать не стал. Да и с какой стати?

На их позавчерашнем месте опять суетились арбузники, грузчики и неопределённого вида личности. Знакомых продавцов среди них не было. Ну, и слава Богу, — подумал Анатолий Андреевич, деловито ставя на землю раскладной столик, на который перенёс из такси все свои десять пачек «Вкуса провинции».

За первые три часа торговли он не продал ни одной книги. Люди упорно проходили мимо него, нагруженные арбузами и даже

не смотрели в его сторону. Без арбузов его книги не интересовали никого, а зазывать покупателей Анатолий Андреевич стеснялся.

Ему отчего-то вспомнился рассказ О'Генри «Младенцы в джунглях», о том, как два самонадеянных провинциала так же опрометчиво приехали покорять столицу. Неотступно донимала мысль: «Олух, ты олух! Разбежался! Захотел: «как мёд — так и ложкой». А тут, сам видишь, не всё коту масленица...

Сегодня его книги не покупали принципиально. В этом было что-то мистическое, несправедливое и даже немного обидное. Как же так? Ведь ещё позавчера они тут же, на этом самом месте, были нарасхват! Эти же самые книги! Что случилось???

Наверно, в этом и заключается великий и всепобеждающий принцип соединения духовного и материального начал, — подумалось Маслякову. — Жаль только, что по отдельности он не работает. Но тут ничего не попишешь — СИМБИОЗ!

PS. Каюсь. Название этого рассказа я позаимствовал у одного моего знакомого друга-литератора. Разумеется, я поначалу хотел придумать что-то другое — своё, но... не получилось. А вот с этим названием, как мне кажется, в самый раз. Думаю, он на меня за это не обидится...

Предчувствие

Александр Витальевич Федосеев ехал в Москву с тяжёлым предчувствием чего-то нехорошего. Не то, чтобы его пугала шумная столица с её вечно спешащими и всё равно неуспевающими людьми. Вовсе нет! Как раз к этому Александр Витальевич был готов. В Москве он бывал регулярно, особенно после того, как отслужил своё на флоте и вышел в отставку в звании подполковника медицинской службы.

Вскоре после отставки они с женой перебрались в Украину и поселились в тихом уютном украинском селе. Вся же его многочисленная родня осталась в России, в Пензенской области. Вот именно туда, проездом через Москву, Александр Витальевич регулярно раз в год и наведывался.

А ещё Александр Витальевич был писатель. Да-да — самый настоящий писатель и автор десятка книг прозы, в которых он живописно повествовал о своей прошлой флотской жизни. Эти книги вызывали неизменное восхищение у всех бывших сослуживцев по флоту и томные вздохи зависти у его новых односельчанок, чьи мужья были преимущественно пьющими и звёзд с неба не хватали.

Впрочем, всё это не имеет никакого отношения к той истории, о которой я хочу рассказать. Ко времени описываемых событий пензенская родня Александра Витальевича уже заметно поредела. Кто-то ушёл из жизни, а кто-то в поисках лучшей жизни подался в другие

края. Теперь в Пензе остались только его двоюродные братья и племянники, по большей части страдавшие извечной русской болезнью — пьянством. Ею болели, ею же и лечились. Поэтому его встречи с родственниками, как правило, сопровождались долгими и бессмысленными попойками, после которых Федосееву всегда было нехорошо.

Постепенно малопьющему Александру Витальевичу всё это стало надоедать, да и возраст уже не располагал к возлияниям. Ему уже перевалило за 65, а значит, самое время было подумать о своём здоровье, возможно подлечить нервы. Они, кстати, были ни к чёрту и, видимо поэтому, его теперешнее предчувствие чего-то нехорошего воспринималось им особенно остро.

На перроне Киевского вокзала в Москве Федосеева встречали двое. Его бывшая соученица Оля, которая давно уже стала Ольгой Михайловной — бабушкой-пенсионеркой и майором милиции в прошлой жизни. Вторым встречающим был его земляк, уже по новому, украинскому месту жительства Владимир Николаевич Хворостенко. Правда, сам он давно уже жил в Москве, но часто приезжал в Украину к своей родне. Там они с Федосеевым и познакомились.

На перрон Федосеев выполз в самом благоприятном расположении духа — малость выпившим, слегка помятым, но весёлым и шумным. В силу этого начал он с поцелуев и объятий:

— Я вас всех люблю, — сходу заявил Александр Витальевич, — покажите мне Москву, москвичи!

Ольга Михайловна слегка оторопела от такой неожиданности. Хворостенко же, напротив, был искренне рад встрече, тем более, что, как выяснилось, времени впереди у них было предостаточно.

— Мой поезд на Пензу в 20.40, — сообщил Федосеев, — а потому до вечера я в Вашем полном распоряжении. Правда, мне нужно ещё билет купить.

Вскоре вся троица перебралась на такси с Киевского вокзала на Казанский. С трудом втащив здоровенный саквояж Александра Витальевича на второй этаж, они с наслаждением плюхнулись в уютные кресла привокзального ресторана.

— Хорошо тут у вас в Москве, — осторожно начал издали Федосеев, — прямо уезжать не хочется.

— Так оставайся тут, — весело сострил Хворостенко, — чего ты там в этой Перми забыл?

— В Пензе. Я в Пензу еду.

— Да какая разница? Что Пенза, что Пермь, — это особой роли не играет.

— Как это — какая разница? — сразу вспыхнули оба: и Федосеев, и Ольга Михайловна.

По всей видимости, сравнение их родной Пензы с Пермью воспринималось ими, как личное оскорбление.

— Да, ладно, будет вам, — примирительно выдавил из себя Хворостенко, — пошутил я...

Для него, столичного жителя, всё, что было восточнее подмосковных Люберец являлось Сибирью и вызывало искреннее московское высокомерие.

Друзья заказали еды, бутылку коньяка и шампанского — даме. После того, как им, наконец, принесли первые закуски, дело пошло заметно веселее. Выпили по первой.

— Ну, так как там у вас в Перми жизнь-то? — закусывая грибочком спросил Владимир Николаевич.

— В Пензе, — уже безо всякой обиды парировал Федосеев. — Да, пьют они там все поголовно, а так — ничего. Места там замечательные. Воздух, лес, рыбалка. У вас в Москве этого и близко нет.

За этими разговорами бутылка коньяка как-то подозрительно быстро закончилась. Федосеев, чтобы не покупать дорогую в ресторане, тайком достал ещё одну из своего в саквояжа. Разлили по рюмкам.

— Ты на меня не обижайся, Александр Витальевич. Для нас москвичей, что Пермь, что Пенза — один хрен. Поэтому давай и выпьем за Пермь — твой родной город!

— Пензу! Ну, сколько же можно тебе повторять!

Выпили за Пензу. Потом за будущие встречи с роднёй, потом ещё за что-то...

Постепенно уставшего с дороги и вконец размякшего Александра Витальевича стало клонить в сон.

— Ольга Михайловна, — вспомнил вдруг Хворостенко, — а ему же билет надо купить. Помните, он на вокзале говорил.

— Ой, ну как же хорошо, что Вы вспомнили, Владимир Николаевич. Надо только у него паспорт взять, а то без паспорта не продадут.

Она пошарила у совсем уже уснувшего Федосеева в боковом кармане и, найдя паспорт, протянула его Хворостенко.

— Владимир Николаевич, только Вы уж сами в кассу сходите, а я пока тут с ним посижу.

— Конечно, конечно, — сходу согласился Хворостенко, — не тащить же его самого туда. Да и полиции кругом... И в самом деле, пусть он тут посидит, а к поезду, глядишь, и проснётся.

Минут через двадцать он вернулся и торжественно помахал билетом перед глазами Ольги Михайловны.

Между тем, время уже приближалось к восьми. Смеркалось.

— А Вам домой далеко ехать? — машинально спросил Хворостенко.

— В Кунцево. На метро, а после ещё на маршрутке полчаса...

— Не ближний свет... Знаете, Ольга Михайловна, Вы поезжайте-ка домой, а я уж как-нибудь сам его посажу на поезд. Ну, чего ради Вам ещё целый час тут маяться?

— Ну, если это Вас не очень затруднит, — деликатно пробормотала Ольга Михайловна.

— Нисколько не затруднит! Тем более, что его поезд, думаю, через полчаса подадут, а идти к нему минут пять не больше.

— Ну, тогда, разрешите откланяться.

— И Вам всего наилучшего. Рад был знакомству...

* * *

Их поезд уже подали на посадку, когда Хворостенко, одной рукой ведя под руку пьяненького друга, а другой таща его неподъёмный саквояж, добрался, наконец, до нужного вагона. Проводница без особой радости на лице окинула взглядом Александра Витальевича и осторожно поинтересовалась:

— А он не буйный?

— Да, что Вы! Он же подполковник и известный врач-хирург. А ко всему ещё и писатель. Он книжки пишет. Вот увидите — утром проспится и одну из них Вам подарит. С дарственной надписью.

Проводница скептически глянула на Федосеева.

— Я с такими писателями уже двадцать лет по этому маршруту мотаюсь. То они драки затевают, то в туалете нагадят. Давайте к начальнику поезда, а то не приму.

Пришлось дать ей тысячу. А куда было деваться?

— Ладно, писатели, — смилостливилась после этого проводница, — заходите в вагон, но предупреждаю сразу: будет хулиганить — вызову полицию на первой же станции.

— Вы его, главное, завтра разбудите вовремя, а то, не дай Бог, проспит, — по ходу дела упрашивал её Хворостенко.

— Да, уж не забуду. Не впервой...

* * *

— Граждане пассажиры, просыпаемся. Сдаём постели. Через час прибываем!

Голос звучал откуда-то с небес и едва очнувшийся Федосеев долго не мог сообразить, где он находится. Мутным взглядом он мучительно посмотрел на запотевшее окно и только тогда сознание стало постепенно к нему возвращаться.

— Надо же, — подумал Александр Витальевич, — совершенно не помню, как садился на поезд. Спасибо, Хворостенко помог. Слава Богу через час буду в Пензе. Как же быстро время пролетело...

В это самое время к нему подошла проводница.

— Ну что, писатель, проспался? А то вчера ты был хоро-ош. А уж дружок-то твой, такой лапши мне про тебя понавесил, — уму непостижимо.

— Какой лапши, — тупо глядя в пол, не сразу сообразил Федосеев.

— Да, такой! Что ты, мол, и врач, и подполковник, и писатель! И так у него всё складно, да убедительно. Лет двадцать назад, по молодости, может, и поверила б! Да только в жизни так не бывает!

— А я и есть врач и подполковник. И книги пишу тоже.

На слове книги он непроизвольно икнул, и потом долго ещё никак не мог остановиться. Проводница вздохнула и скептически посмотрела на помятое лицо Александра Витальевича.

— Да мне-то что? Хоть космонавт! Сдаём постель и собираемся. Поезд прибывает в Пермь через сорок минут.

— В Пензу, — автоматически произнёс Федосеев, вспоминая их вчерашний диалог с Хворостенко.

— Да, нет, — насмешливо парировала проводница, — мы в Пермь прибываем. Кстати, вот и билет Ваш, уважаемый генерал-писатель Федосеев: Москва-Пермь!

Александр Витальевич тупо глянул в протянутый ему билет и с ужасом осознал, что его поездка на родину только ещё начинается. Вот тебе и предчувствие...

Відкритий урок

Відома дитяча письменниця і член Спілки письменників України Віра Іванівна Матушняк з самого ранку була в чудовому настрої. Їй щойно телефонували з популярного міського видавництва «Ілітон» і повідомили довгоочікувану радісну звістку про те, що її нову книжку вони вже майже підготували і за кілька днів розпочнуть друкувати. Вірі Іванівні навіть обіцяли сьогодні ж надіслати сигнальний примірник, що було б дуже доречно. Незабаром вона планувала творчу поїздку в Арбулинку, де повинна була провести відкритий урок у місцевій школі, і тому нова книжка була для цього випадку вельми доречна.

Звичайно, краще було б поїхати до Арбулинки вже після виходу всього тиражу, але вся справа в тому, що їй вже тричі телефонував голова обласної Спілки письменників — відомий український поет Дмитро Дмитрович Півень і просив не дуже затягувати з цією поїздкою. Дмитро Півень був шанованою в місті людиною, відомим поетом і лауреатом національної премії ім. Тараса Шевченка. До того ж Віра Іванівна вважала його своїм літературним батьком, тому їй зовсім не хотілося ображати його відмовою.

А крім того, саме ця поїздка в Арбулинку була її власною ініціативою. Це вона звернулася до Півня, щоб той зв'язався з керівництвом арбулинської школи, де б їй допомогли провести відкритий урок в якомусь із класів. Вона мріяла прочитати учням щось із своїх нових оповідань. Віра Іванівна вже давно чекала, що Спілка письменників нарешті таки висуне її на так давно очікувану літературну премію, і ця поїздка з творчими цілями була в такій справі дуже доречною.

Та відверто кажучи, їй і самій насправді хотілося, щоб ця зустріч запам'яталася дітям. Вона — до мозку кісток міський житель, довго і болісно міркувала про те, а що ж саме могло б зацікавити сільських школярів, бо дехто з них, мабуть, ще й не бував ніколи за межами своєї Арбулинки...

Нарешті, після довгих роздумів вона спинилася на одному зі своїх кращих оповідань, яке мало назву «Перше вересня». У ньому

якраз і йшлося про сільську школу, куди напередодні нового навчального року приїхала з міста молода вчителька, яка нещодавно закінчила педагогічний інститут. Свій перший в житті урок вона захотіла провести не в класі школи, а в полі, де б діти, разом зі своїми батьками, гуртом, збирали б врожай цукрових буряків.

Район цей ще здавна вважався передовим у цукрової галузі і тому багато батьків її майбутніх учнів також були зайняті в ній. Молодій вчительці здавалося, що таке новаторство допоможе, з одного боку, неформально зблизити її з дітьми і налагодити контакти з батьками учнів, а з іншого — і її саму теж хоч трохи долучить до реалій сільського життя. Таким чином, оповідання «Перше вересня» як найкраще підходило для відкритого уроку в Арбулинці!

* * *

Директор загальноосвітньої арбулинської школи №1 Степан Свиридович Галушко несподівано для всіх педагогів попросив їх зібратися після уроків у нього в кабінеті. Коли всі, нарешті, зібралися, він повідомив їм радісну новину — сьогодні зранку йому дзвонили з обласної Спілки письменників і повідомили, що цими днями до них у школу приїде відома дитяча письменниця Віра Матушняк, щоб провести з учнями відкритий урок. Зрозуміло, потрібно не вдарити в бруд обличчям і підготувати все на належному рівні — так, щоб воно запам'яталося і самій письменниці, і педагогам, і, звичайно ж, дітям. Спільним рішенням, без зайвих суперечок було вирішено надати для проведення такого відкритого уроку п'ятий клас.

— Тетяна Василівно, — директор звернувся до класного керівника цього класу. — Ви там зробіть, будь ласка, все що треба: і клас приведіть в порядок, і дітей підготуйте, щоб після виступу Матушняк вони б активно взяли участь в обговоренні її творів і, зрозуміло, подякували б відомій письменниці за цей виступ. Відмінниць там якихось підберіть, щоб сказали слова подяки, ну і все таке інше. А ще не забудьте знайти в бібліотеці книги Віри Іванівни — їй, напевно, буде дуже приємно побачити свої твори на столах у школярів. А я зараз зателефоную редактору «Арбулинської правди» — нехай

когось із кореспондентів направить, щоб репортаж був. Для нас це зараз вкрай важливо! Адже не кожного дня до нас члени Спілки письменників України приїздять, та ще з відкритими уроками! Ну і щодо урочистого обіду, колеги, потурбуйтеся заздалегідь!

* * *

Віру Іванівну Матушняк урочисто зустрічали всією школою. Учні розподілили по класах і поставили в один рядок на шкільній подвір'ї. Степан Свиридович, здавалося, світився від переповнення почуттів, перебуваючи поруч з Вірою Іванівною за імпровізованим столом — трибуною.

— Дорогі діти! — Звернувся він до присутніх. — Сьогодні в нас радісна і дуже важлива в житті школи подія. До нас у гості приїхала відома дитяча письменниця Віра Іванівна Матушняк, яку всі ви, я впевнений, добре знаєте по її книжках. Але сьогодні вона до нас не тільки в гості приїхала. Вона, так би мовити, і попрацювати у нас хоче. У нашому п'ятому класі вона сьогодні проведе відкритий урок, де не тільки прочитає щось із своїх творів, але й обговорить їх разом з вами, діти. Відверто кажучи, я й сам трохи заздрю нашому п'ятому класу, бо і мені теж хотілося б сьогодні сидіти з вами за однією партою. В рядах школярів блискавично відреагували на директорський жарт схвальним похвалуванням.

— Отже, слово надається шановній Вірі Іванівні, — підсумував директор.

— Дорогі діти, — Матушняк намагалася говорити якомога природніше і переконливіше, — в житті кожного письменника після виходу чергової книги настає болісний період очікувань і сумнівів. Як відреагують читачі на її працю? Чи правильно зрозуміють вони все те, що автор хотів донести їм? Чи повірять вони письменнику? Я переконана, що такі сумніви охоплюють будь-якого письменника: і початківця, і дуже відомого, бо саме така суть нашої письменницької долі. І тому відкриті, невимушені зустрічі з читачами, — це невід'ємна частина нашого життя. Для нас, письменників, кожна така зустріч з вами — це, як ковток свіжого повітря! Я пишу свої книжки для дітей.

А для них, як відомо, потрібно писати так само, як і для дорослих, але ще краще! Тому що дитячі душі гостріше реагують на правду життя, точніше відчують фальш і надуманість. Дітей не можна обдурити!

Саме тому я й приїхала сюди до вас в Арбулинку, щоб розповісти, а точніше, обговорити з вами, моїми читачами, свою нову книгу, яка щойно вийшла в нашому видавництві. До речі, я вже пообіцяла Степану Свиридовичу надіслати кілька примірників цієї книжки в вашу шкільну бібліотеку.

Оплески, розпочаті директором школи, були відразу ж підхоплені по-перше вчителями, а вже потім — і всіма присутніми учнями.

— Я впевнена, — сказала наприкінці Віра Іванівна, — що це не остання наша зустріч. Відтепер я сподіваюсь якомога частіше бувати у вас в Арбулинці!

* * *

Відкритий урок Віра Іванівна провела блискуче. Спочатку вона розповіла п'ятикласникам про вічні загальнолюдські цінності, про правду життя, про те, як важливо з малих років долучатися до праці, тим більше, беручи участь в цьому разом з батьками. Це дозволить вам, діти, — казала вона, — перейняти найкращі батьківські якості: працьовитість, наполегливість у досягненні поставленої мети, а головне, — правду життя. Після того вона прочитала присутнім своє оповідання «Перше вересня», яке, як їй здавалося, всі слухали з зацікавленням.

Зокрема, дітям сподобалось те, що це написано майже про них, а декому, навіть здалося, що і всі події оповідання відбуваються тут, в їх рідній Арбулинці! А педагоги відзначили чудову ідею авторки — проводити перше вересня не в класі, а у полі, де діти мали б змогу долучитися до спільної праці з їхніми батьками. Вчителям це здалося дуже новаторським і актуальним починанням. Бо якщо ця справа піде в життя і про неї дізнаються нагорі, то, може, статися, що цю ініціативу буде підтримано в районному управлінні освіти, а тоді арбулинський досвід перейматимуть і в інших районах області...

* * *

— Ну так що, діти, чи сподобалось вам оповідання Віри Іванівни? — звернулася до класу Тетяна Василівна, після того, як письменниця закінчила свою розповідь.

— Та-ак.. — безладно пролунало по рядах.

— А що ж саме вам сподобалося? Може, хтось хоче щось сказати? Класна керівниця уважним поглядом вперлася в Наталку Ткаченко — першу відмінницю класу і першу ж красуню.

— Дуже правдиве оповідання, — почала Ткаченко, — все написано, як у житті. А головний висновок, який особисто я для себе зробила, це те, що коли людина чесно працює, а не краде, то вона, як би виростає в очах свого оточення. Адже на брехні правди не побудуєш!

— Молодець! — Похвалила Наталку Тетяна Василівна. Хто ще хоче виступити? — класна керівниця стояла поза спинами Віри Іванівни та кореспондента «Арбулинської правди», і тому вони не помітили її виразних поглядів на того чи іншого з учнів, хто за попередньою домовленістю повинен був висловити свою думку про оповідання «Перше вересня». Після Наталки Ткаченко, як і планувалося, виступили ще троє дітей...

— А ось я бачу, ще й Марійка хоче щось сказати, — здивувалася Тетяна Василівна. — Ну що ж, розкажи нам, будь ласка, а що ж саме особисто тобі сподобалося в цьому оповіданні?

— Це неправда.

— Що «неправда»? — Спочатку не зрозуміла класна керівниця і навіть трохи розгубилася від несподіванки.

— Це все неправда, що там написано. Цукрові буряки не збирають першого вересня!

Ну так це ж тільки твоя думка! А ось у Наталки Ткаченко, яка до тебе виступала, зовсім інше ставлення.

— Та Наталка Ткаченко бреше!

— Пробач, Марійко, то як це відмінниця може брехати? Та що ти взагалі таке несеш???

— Бреше, тому що буряки не збирають першого вересня.

— Та яка тобі різниця, коли їх збирають? Зрозумій, Марійко, це ж літературний твір, і його автор має повне право на вигадки в якихось несуттєвих дрібницях, заради того, щоб більш переконливо донести читачеві вічні поняття добра і зла, відстоювати справедливість і засудити негативні риси, такі, як неробство і неповага до чужої праці. Так-так, саме неповага до чужої праці і породжує в людях бажання зганьбити авторський труд! А крім того, це може, доволі сильно образити й самого автора, який стільки зусиль і таланту вклав у свою працю. Сподіваюсь, що ти все це добре розумієш, Марійко, як і те, що твій сьогоднішній вчинок дуже образливий і вкрай неповажний?

— І все одно, це неправда! — Марійка тихо сіла за парту під осудливими поглядами дітей і дорослих. З боку здавалося, що вона і сама вже не рада з того, що так безглуздо вплаталася в це обговорення. Чорт її смикнув лізти виступати! Тепер, напевно, і батьків викличуть до директора, і класна керівниця пригадає їй таку неповагу до письменниці.

Віра Іванівна, як відзначили присутні, засмутилася. Це можна було побачити по її обличчю, на якому відбилися і здивування, і біль приниження і, навіть, якийсь присмак образи! Та хто вона така, ця безіменна п'ятикласниця, щоб вчити її — відому і визнану дитячу письменницю — правді життя??? От і приїхала, як то кажуть, з добримими намірами... Ось і неси їм після цього розумне, добре, вічне...

Та й вчителі-недолуги теж здивували! Якщо ви запросили на зустріч з відомою письменницею кореспондента місцевої газети, то хіба ж не можна було як треба все організувати і підготувати виступи дітей?

Тепер, напевно, в газеті понаписують всякі нісенітниці про цей її виступ перед школярами. Можливо, й по самому оповіданню пройдуться, яке займає мало не головне місце в її майбутній книжці. Та й Півень, безумовно, дізнається: вже кого, а «доброзичливців» у нашій Спілці письменників вистачає! А тоді вже, боюся, не бачити мені в наступному році літературної премії. Як це все раптом збіглося один до одного — держись, Хома, іде зима! І де ця чортова Арбулінка взялася на мою голову!

* * *

Телефонний дзвінок розбудив її з самого рання, ще й сьомої не було. Віра Іванівна невдоволено скривилася. Мабуть, знову Півень дзвонить ні світ, ні зоря. Всі знають, що він кожного ранку сидить за комп'ютером. В такий час він завжди працює — щось пише, але інколи і просто читає когось із земляків-письменників, щоб бути в курсі подій у літературному житті міста. Це і справді був Дмитро Дмитрович.

— Доброго ранку, Вірочко. Сподіваюся, не розбудив?

— Та що Ви, Дмитре Дмитровичу, — вона насилу стримала позіхання, щоб Півень не почув його звуку, — я теж з самого ранку працюю. Обмірковую своє нове оповідання.

— Ти сьогодні в Спілку письменників не зайдеш?

— Ну, якщо треба, то буду обов'язково.

— От і приходь. Нам з тобою поговорити треба.

Поговорити? Невже він буде висувати її на премію? Нарешті! А то вже навіть якось незручно перед колегами. Їх майже всіх давно вже нагородили цією премією в минулі роки, а тільки її все якось обходили...

* * *

До Спілки письменників Віра Іванівна змогла вирватися тільки ближче до вечора. Все були якісь дрібні, але невідкладні справи в бібліотеці, де вона працювала.

Півень сидів один за своїм столом, в старому занедбаному кабінеті місцевого відділення Спілки письменників. Перед ним лежав рукопис книги Віри Іванівни, що незабаром мала вийти у видавництві «Ілітон».

— Добрий вечір, Дмитре Дмитровичу. Вибачте, що так пізно — справи в бібліотеці були.

— Та я розумію, — Півень доброзичливо посміхнувся їй у свої знамениті вуса. Тут така справа, Вірочко. Я тут знову напередодні перечитав твою нову книжку, і ось що я тобі скажу, моя любя. Там в однім оповіданні, яке має назву «Перше вересня», є в тебе одна невеличка неточність. Та, навіть, і не неточність, а життєва неправда —

може, так точніше буде. Ти тільки не ображайся на мене, заради Бога. Просто ти людина міська, а я, сама знаєш, із села вийшов. І сільське життя з усіма його дрібницями з дитячих років знаю. Так ось, розумієш, яка справа, — Півень намагався говорити якомога м'якше, але переконливо, — там у тебе йдеться про цукрові буряки. Пригадуєш?

— Звичайно, Дмитре Дмитровичу.

— Так от, бурякі ці у нас в країні починають збирати не на початку вересня, а трохи пізніше, коли вже вони свій цукор наберуть від землі та сонця. А це стає лише тоді, коли нічна температура буде не вища +5 градусів. Це так вчені люди визначили. Тобто, у нас в Україні це буває не раніше середини жовтня, а то й ще пізніше. Це, звичайно, до літератури, як такої, ніякого відношення не має, але ж не в тім справа... Розумієш, моя люба, якась правда життя тут знає. Перестаєш вірити автору. Ну це я так тобі кажу, між іншим. Як сільський мешканець. Тому ти не дуже ображайся на мене за це...

* * *

Того дня Марійка прийшла зі школи доволі пізно. Спочатку засиділась в бібліотеці, а потім раптом пішов дощ, а в неї, як завжди, не було парасольки. Добре, що врятувала подруга і сусідка Оля Кремінь, в якої парасолька була. І тоді вже дівчатка разом, притулившись одна до одної, і хоч промоклі, якось добігли додому. Вже сутеніло. Мати займалася уроками з молодшим братом, а батько, як завжди ввечері дивився телевізор.

— Марійко, ну де тебе носить? — трохи невдоволеним голо- сом запитала матір. — Тут тобі якась бандероль надійшла з міста. Поштарка тітка Ходичиха принесла. Он вона на столі лежить.

Марійка стрімголов підбігла до столу і одним рухом розірвала паперову упаковку. У бандеролі лежала чудово видана книга. На обкладинці красувався яскравий напис: «Віра Матушняк. Оповідання для дітей». А вже всередині, на першій сторінці книги чудовим друкарським шрифтом було набрано присвяту: *«Марійці Дерев'янченко — школярці з села Арбулінка. Спасибі тобі за правду. Авторка»*.

Оповідання «Перше вересня» в книжці не було.

Стихотворец

День не заладился с самого утра. Во-первых, внезапно, как всегда в начале зимы, на город обрушилась жуткая холодрыга, а во-вторых, Вячеслав Тимофеевич Кольчугин уходя из дому, забыл ключи от квартиры. Причём обнаружил он это в тот самый миг, когда предательски щёлкнувший замок входной двери, в мгновение ока лишив его последней возможности попасть домой.

Разумеется, Вячеслав Тимофеевич тут же подёргал ручку двери и даже на всякий случай попытался надавить на неё плечом, но быстро понял всю бесполезность этой затеи. Других способов вскрытия входных дверей в его арсенале не было, потому что был он совсем не домошник, а писатель. Вернее поэт и бард.

Стоя у захлопнувшейся двери, Вячеслав Тимофеевич мучительно думал о том, чем бы ему занять сегодня, как минимум половину дня, пока его супруга не вернётся с дачи, куда она уехала накануне.

Для начала можно съездить в Союз писателей, — решил он, — вчера звонила молодая поэтесса, фамилии которой он, конечно же, не запомнил, и просила его о встрече. Потом... Впрочем, что делать потом, Кольчугин ещё не решил.

* * *

На улице Никольской перед запертой дверью (опять запертой!) Союза писателей его уже ждала поэтесса. Достав ключ из-под коврика на полу, они вошли вовнутрь. Кольчугин включил чайник, угостил поэтессу чаем и сел читать её стихи. Были они, увы, слабыми и никудышними, но юное создание глядело на него такими кроличьими глазами, что Вячеслав Тимофеевич в конце концов сдался.

Он вообще был человек мягкий и не очень умел (да и не любил!) говорить критически о чужих стихах, хоть и понимал в глубине души, что это постыдно, фальшиво и неискренне. Кончилось тем, что он похвалил начинающую поэтессу за желание писать (что было правдой!), за свежий и искренний взгляд на мир (что тоже было сущей правдой!) и только под конец пожелал ей обратить внимание на глагольные рифмы и соблюдение стихотворных размеров. Набором таких дежурных банальностей он всегда завершал свои встречи с начинающими авторами, что неизменно вызывало у них позитивную ответную реакцию и прилив вдохновения.

Так было и в этот раз. Стараясь отблагодарить Кольчугина за потраченное на неё время, а также за то, что он в такой холод оставил все свои дела и снизошёл до общения с ней, поэтесса достала из сумочки бутылку армянского коньяка. Ей показалось, что в такой холод а также по случаю знакомства, это будет вполне уместно. Кольчугин, правда, поначалу сделал робкую попытку отказать, но поэтесса была неумолима, и он покорно уступил.

Когда она, наконец, ушла, Вячеслав Тимофеевич машинально глянул на часы — и с ужасом обнаружил, что их встреча продолжалась всего-то двадцать минут. На часах было начало одиннадцатого. Чем ещё занять себя в это утро, он не знал. В такой холод никто из его коллег-литераторов сюда, разумеется, не придёт, а сидеть одному в плохо отапливаемом помещении не хотелось. Сделав на всякий случай пару телефонных звонков в надежде соблазнить кого-нибудь армянским коньяком, Кольчугин тяжело вздохнул и нехотя поплёлся домой, поминая недобрым словом свою рассеянность.

* * *

Подъезд его дома был заперт. Часы показывали начало двенадцатого. Из подъезда никто из жильцов не выходил, да и домой, как назло, тоже никто не возвращался. Все были на работе. Безуспешно перезвонив по домофону в несколько квартир, Кольчугин расстроился ещё больше — его стал пробирать холод. Минут через сорок он уже не чувствовал ног, но никто из соседей так и не вышел, чтобы он мог хотя бы в подъезде погреться в ожидании жены.

— А Вы, извиняюсь, в какую квартиру звоните? — неожиданно услышал он за своей спиной чей-то голос.

— В пятнадцатую. Я там живу, а ключи дома забыл. Жена должна вот-вот вернуться.

— Не холодно?

— Шутите? Я уже ног не чувствую.

— Ну, так пошли ко мне в подвал, погреемся. Я тут слесарем-сантехником состою в вашем доме.

Быстро сообразив, что другого выхода у него попросту нет, Вячеслав Тимофеевич, поёживаясь от холода, пошёл за слесарем.

— Ты входи, располагайся, как дома, — запросто переходя на «ты», сострил слесарь, — меня тут в вашем доме все знают. Я — Вовчик.

Странно, — подумал Кольчугин, — мужику под шестьдесят, а он всё ещё Вовчик.

— Я тут в соседнем подъезде у одних хозяев воздух стравливал из батарей — так они мне чекунец презентовали, — слесарь ловко достал чекушку из бокового кармана, — думал, сам согреюсь, а тут ты. Но ничего — поделюсь с тобой по-братски.

Чекушка после мороза была выпита в одно мгновение. Обоим этого показалось мало. Надо бы сбегать, — намекнул слесарь, — в надежде, что случайный собутыльник, как человек с виду порядочный, и сам сообразит, как ему следует поступить в этой ситуации.

— Да куда бежать не нужно. У меня всё есть, — заявил Кольчугин и с ловкостью фокусника достал из портфеля бутылку армянского коньяка.

— Ну, ты даёшь! — восхитился слесарь. — Живём! — Разлили коньяк. Выпили. Пошли разговоры.

А ты сам-то по жизни, чем занимаешься? — любопытствовал слесарь.

— Стихи пишу. Поэт я.

— Стихи! Надо же... Первый раз вижу живого поэта. И много за них плотют? За стихи-то?

— Да, ничего не платят. Раньше платили, а сейчас — нет.

— Так зачем же ты их пишешь? Для чего?

— Для людей пишу. Для себя, для души...

— Для души? Так это ты себе занятие нашёл, вроде рыбалки, что ли? — съязвил собутыльник.

— В какой-то степени, получается, что так.

— «В какой-то степени», — передразнил его слесарь. — А работаешь-то ты где?

— Дома работаю. Стихи пишу, вот новую книгу готовлюсь издавать.

— Ну и сколько ты за эту книгу получишь?

— Да, ничего не получу. Дай Бог, чтобы в ноль выйти.

— Ничего не понимаю! И давно ты этой дурнень занимаешься?

— Всю жизнь.

— Всю жизнь? — слесарь присвистнул и налил по второй. — Тогда объясни ты мне, писатель, а на кой хрен тебе вся эта литература? Какая от этого дела польза?

Выпили ещё. Закуски почти не было. Слесарь достал откуда-то полузасохший батон и несколько леденцов.

— Понимаешь, — начал издаലെка Кольчугин, — поэзия делает людей добрее, чище, справедливее. Ведь, согласишься, в нашем мире столько зла и несправедливости...

— Да уж... — согласился Вовчик, — чего-чего, а несправедливости и сволочей хватает. Я вот здесь в вашем доме горбатюсь на полторы ставки: слесаря-сантехника и дворника. Причём, дворника на пол ставки. Сто раз говорил этим сволочам в РЭУ: дайте мне эту вторую половину ставки дворника. Я же всё равно весь двор мету.

— Не положено, — говорят, — по закону нельзя. Мол, система такая. — А сами, небось, давно эту половину прикарманили. Мою половину!

Слесарь понемногу начинал хмелеть и поэтому был категоричен.

— Понимаешь, писатель, систему нужно менять. Систему! Вот я, к примеру, если воздух из системы не стравлю, то батареи не заработают. Тепла не будет людям, если воздух в системе остался.

— А у нас, всё наоборот, — подхватил тему Кольчугин, — в нашей системе, как раз свежего воздуха и не хватает.

— Понимаю, — согласился слесарь, — система системе — рознь, но, ты заметь, у нас ведь так везде: что ни возьми, а нигде и ничего не работает! А всё почему? Потому что жулики кругом. Все воруют, а наладить систему, чтобы работала, как следует, никто не хочет!

— Согласен, — перебил его Вячеслав Тимофеевич. Он поймал себя на мысли, что они говорят о совершенно разных вещах, но, тем не менее, прекрасно понимают друг друга, — только согласись и ты — если просто убрать одних жуликов, то на их место непременно придут другие. Говорю же, нужно систему менять. Дать больше свободы людям, и всё пойдёт.

— Да ничего не пойдёт само по себе, — начал горячиться слесарь, — люди теперь стали другими. Наливай.

Выпили по третьей.

— Вот послушай меня, — начал слесарь, — был, помнится, раньше такой писатель Божаткин.

— Да знал я Михаила Ивановича, — оживился было Кольчугин, но слесарь оборвал его на полуслове.

— Да ты не перебивай. Вот послушай. Я его книгами лет сорок назад зачитывался. Он в них всё больше про войну писал. Хорошо так писал. А тут на неделе дал я его книжку внуку, так тот и в руки её брать не стал. Четырнадцать лет, а балбес-балбесом! Всё каких-то покемонов телефоном ловит. Так ты что думаешь, он твои стихи читать станет?

— А ты ему дай. Я тебе завтра принесу книжку.

— Да и пробовать нечего! Ты не обижайся, писатель, но стихи твои сегодня никому не нужны. Потому как люди изменились. И жизнь теперь совсем другая.

— Какая?

— А вот такая, — менторским тоном начал просвещать Кольчугина слесарь. — Вот ты стихи пишешь, а я простой сантехник. А теперь ответь ты мне пожалуйста: кто из нас двоих нужнее людям? Мне один только день стоит не выйти на работу — весь дом перемерзнет. И ты, кстати, тоже. А стихи твои кому сегодня нужны?

— Всем нужны! Тебе нужны! Вот ты послушай, — Кольчугин взял гитару, валявшуюся в углу среди прочего хлама. Настроил и, слегка откашлявшись, запел:

*Снежинки сыпятся с ветвей,
Вдали слышны оркестра звуки,
И я опять к любви твоей
Швартую месяцы разлуки.*

— Хорошие слова. А кто написал?

— Я.

— Да ну? Не врешь? Молодец...

В это самое время супруга Вячеслава Тимофеевича Елена открывала входную дверь их подъезда. Надо же, — подумала она, услышав знакомый мотив, — моего Кольчугина уже и в родном доме на магнитофонах крутят. Популярность, однако...

— Хорошая песня, — продолжил слесарь, — а почему тебе за неё никто не платит?

— А кто должен платить?

— Ну, я не знаю кто: государство, или те, кто диски-кассеты в киосках продают. Вон их сколько, шаромыжников, развелось.

— Говорю же тебе — раньше платили, — начал заводится Кольчугин, — а теперь нет! Системы нет, чтобы авторские права соблюдались и отчисления были. Чтобы писатель не думал о хлебе насущном, а занимался творчеством.

— А, может, система есть, да только ты в неё не вписываешься? Неужели все писатели задарма пишут? Вон погляди в магазинах — все полки от книг ломятся! Значит, деньги в системе есть, только до тебя они не доходят... Наливай, чего ждёшь?

Выпили ещё по одной...

* * *

Расходились поздно вечером. Обняв друг друга, слесарь и поэт спорили о литературе. Время от времени их прорывало на песни, и тогда в зимней вечерней тишине двора разносилось:

*И я опя-ять к любви твоей
Шварту-ую месяцы разлуки...*

Прощались они уже, как старые закадычные друзья. Вовчик взял с поэта обещание завтра же прийти к нему снова. В свой злополучный подъезд Кольчугин вошёл уже изрядно пьяненьким, вместе с соседской парой пенсионеров, выгуливавших во дворе собаку. В лифте ему тоже пришлось ехать с ними. Поэт думал о высоком и совсем не обратил внимания на то, как брезгливо морщились его попутчики, а их собака угрожающе косилась на него и даже попыталась гавкнуть.

— Фу, — чуть слышно, но строго и с достоинством скомандовал ей хозяин.

Выйдя из лифта, Кольчугин нажал кнопку звонка. Жена открыла дверь и с изумлением поглядела на поэта:

— Хорош...

— А я опять к любви твоей, швартую... — начал было с порога Кольчугин.

— Славка, ты где так набрался?

— Да тут в нашем доме, Ленусь. В подвале. С дворником.

— Поздравляю! Ты уже с дворниками пить начал? Дожили...

— Лен, да ты, как всегда, не так поняла...

— Да всё я прекрасно поняла! То-то от тебя подвалом воняет. И мышами. Ты что там делал?

— Говорили...

— О чём??? Ну, какие могут быть общие темы и интересы у поэта и дворника?

— О жизни говорили. О поэзии...

— Завтра ты с бомжами начнёшь общаться на литературные темы?

— Лен, ты преувеличиваешь...

Выговорить коварное слово «преувеличиваешь» далось Кольчугину с большим трудом, что вызвало ещё больший прилив сарказма у супруги.

— Ладно, стихотворец, иди спать. Завтра с тобой разбираться будем.

Вячеслав Тимофеевич уснул мгновенно. Он спал сном младенца и ему снились моря и дальние страны, в которых он успел побывать в юности. А ещё какие-то молодые поэтессы, одна другой краше, несли Кольчугину тетрадки своих стихов, но почему-то не в Союз писателей, а в подвал дворницкой, где они обсуждали их вместе с Вовчиком. Потом все вместе пили коньяк и пели его песни.

— А я опять к любви твоей... — певуче бормотал во сне поэт, отчаянно силясь попадать в ритм. Иногда ему это удавалось.

Лена, как всегда в таких случаях, легла спать в другой комнате. Стихи эти она давно уже знала наизусть.

Полёты в космос в мечтах и наяву

*О том, как отправляют в космос
международные космические экипажи, и как обеспечивают
эти полёты наши земляки-николаевцы*

В октябре 2008 года, благодаря счастливой случайности, мне довелось побывать на Байконуре, и собственными глазами увидеть старт очередной космической экспедиции на МКС. Скажу сразу — это незабываемое зрелище, в корне изменившее многое из моих представлений о космических полётах. В нашей сегодняшней суматошной жизни с её политическими катаклизмами и экономическими кризисами полёты в космос отошли, как бы, на второй план.

Это наши отцы и деды считали каждый такой полёт достижением всего человечества. Нынешнее поколение такие полёты воспринимает, скорее, равнодушно, как нечто совсем обычное и вроде бы даже не имеющее прямого отношения к реальной жизни. А ведь ещё совсем недавно миллионы землян замирали от одного только словосочетания «космодром Байконур» и не могли даже подумать о том, чтобы когда-либо побывать там! Вот и я до последнего времени не мог себе даже представить, что мне удастся не только побывать на Байконуре, но и увидеть всё собственными глазами.

Байконур

По общеисторическим меркам, Байконур — город совсем ещё молодой. Ему чуть больше 50 лет. В феврале 1955 года Советское Правительство приняло решение строить первый отечественный космодром именно в этом месте. Математики вычислили эту точку на глобусе, как наиболее оптимальную для запусков советских спутников на околоземную орбиту. Байконур — это 300 солнечных дней в году, место, где почти не бывает дождей, относительно недалеко стоящее от экватора и значительно удалённое от остальных населённых пунктов. Всё остальное — комфортность, отсутствие прес-

ной воды, условия жизни и деятельности людей — рассматривались, по всей видимости, как второстепенные факторы.

С тех пор и сегодня здесь всё привозное — и вода, и строительные материалы и, разумеется, оборудование. Такие реалии наложили определённый отпечаток на судьбу этого города — он и сегодня является своеобразным придатком к космодрому. Всё в Байконуре «завязано» на космос и крутится вокруг него.

Город Байконур с высоты птичьего полёта

В переводе с казахского, «Байконур» означает «дом хозяина», что совсем не гармонирует с теперешним обликом города. Здешние дома не отличаются архитектурными изысками — сплошь обшарпанные панельные пятиэтажки советского периода, более подходящие под определение жилья временного, чем капитальных домов, где живут настоящие хозяева. Впечатление такое, что не только космонавты, но и все жители Байконура, рассматривают здешнее своё жилище, как нечто временное, недолговечное: прилетели, обеспечили запуск очередного корабля, пожили, подзаработали — и домой...

В Байконур мы прилетели уже ближе к вечеру, хотя из Москвы вылетали ещё днём — разница во времени с московским тут 3 часа. А в гостиницу, где живут и готовятся к старту космонавты и много-

численные обслуживающие специалисты, прибыли и вовсе поздно. Поначалу думалось, что накануне старта встретим там чуть-ли не больничный режим, но жизнь, как оказалось, там вовсю бурлила.

Какие-то корреспонденты зарубежных СМИ, пресс-конференции профильных специалистов, обеспечивающих полёт, интервью, брифинги и пр. Чувствовалась напряжённая работа десятков самых разных людей, управляемая и направляемая, тем не менее, кем-то, кто всё знает и уверенно держит руку на пульсе всех этих хаотических процессов. Признаюсь, мне было искренне приятно узнать, что всем этим руководит один человек — наш земляк, николаевец, герой России, полковник Юрий Гидзенко.

Гидзенко

За всё то время, которое я пробыл на Байконуре, я не встретил ни одного человека, который бы не то, что возражал, а просто попытался бы спорить с Юрием Павловичем Гидзенко. Хотя он никогда и ни на кого не повышал голос, и уж тем более не повторял указание дважды. Просто все вокруг, как мне показалось, изначально приняли, как данное: он руководитель полёта, с него, если что случится, весь спрос, а потому его слово здесь — закон.

С полковником Юрием Гидзенко — одним из руководителей Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина до этого мы были знакомы уже давно. Достаточно для того, чтобы, в конце концов, перейти на «ты» — просто потому, что со временем так стало удобнее обоим. Но скажу честно, на Байконуре я часто ловил себя на мысли, что в это сверхнапряжённое предстартовое время моё «тыканье» руководителю международного полёта было как-то не совсем уместным. В подготовительном процессе никакой фамильярности нет и быть не может, а уж тем более с Гидзенко. И хотя все здесь знают друг друга помногу лет, обращаются к нему только как к «Юрию Павловичу». Ну, может, иногда используют уважительно-сокращённое — «Палыч». Палыч сказал, с Палычем согласовано и пр. Он — главный и на нём лежит вся ответственность за этот старт. Персонально на нём. Какая уж тут фамильярность?!

Ещё в Звёздном городке, в Центре подготовки космонавтов, осматривая макет Международной космической станции, невольно задавал себе, а потом и Гидзенко вопрос:

— Юра, ну почему внутри международной космической станции всё так, как бы это помягче сказать, простовато. Как-то, не современно, что ли. В 21-ом веке и различные тумблеры (а их множество на станции), и экраны мониторов могли бы быть «поновомоднее» — на сенсорах, а не такие, как будто из середины прошлого века.

Понимаешь, разъяснял мне Гидзенко, у американцев всё именно так и есть — и красиво, и новомодно. Сенсоры, дисплеи, ну и прочая электроника. Только ведь задачи у нас ставятся разные. Им важно, чтобы всё было красиво, а нам — чтобы, в первую очередь, надёжно летало. Тут ведь люди летают — и это главное!

— А что нельзя так, чтобы и надёжно было, и красиво?

— Можно, но не сразу. Ты пойми: каждый винтик на корабле — это результат труда сотен, а может, и тысяч специалистов. И любое решение изменить то или это — оно кровью писано. И дело тут не в консервативности — просто заранее никто сказать не может, как этот сенсор поведёт себя в космосе через несколько месяцев. Космос ошибок не прощает. Ну, не место это для экспериментаторства и нововведений.

— Как это???

— Да вот так! Ты сравни надёжность наших запусков и американских. За все 47 лет пилотируемых полётов из 200 с лишним наших стартов было всего две аварии! Аварийность — менее 1%. А у американцев из пяти Шаттлов двух уже нет. Вот и считай аварийность. Потому и осторожно внедряются у нас и сенсоры и всякие другие новомодные телекоммуникационные штуки. Ведь одно дело тут на земле что-то неработающее поменять и исправить, и совсем другое — там, на орбите...

Конечно, я понимал, что Гидзенко знает, что говорит. Сам трижды побывавший на околоземной орбите, причём дважды эти полёты продолжались более полугода, Юрий Павлович не просто имеет своё собственное мнение — он его прочувствовал и выстрадал всем своим организмом. И теперь передаёт свои знания и навыки и российским космонавтам, и американским.

*Международный космический экипаж идёт
по знаменитой дорожке к Председателю Государственной комиссии.
Сразу за экипажем следуют руководители полета от США и РФ
(в форме — полковник Ю. Гидзенко)*

Старт космического корабля был назначен на 12 часов дня. Подъём экипажа и начало непосредственной подготовки к полёту было назначено на 5 утра, а Гидзенко был на ногах уже в 3. Он первым поднялся и начал планировать график всех мероприятий: от подъёма экипажа, до его посадки в корабль. Заметил меня в холле гостиницы.

— А ты-то чего не спишь?

— Да как же тут уснёшь? Ведь столько эмоций, впечатлений. Всё ведь хочется увидеть.

— Ну тогда посиди пока тут, а в 6 утра будет встреча и провода экипажа. Пойдёшь с ребятами, тебя пропустят. Ребята — это мои знакомые ещё по Звёздному городку земляки-николаевцы: полковники

Игорь Марценюк и Валерий Сиволап. У них тут, конечно, свои функциональные обязанности по подготовке этого старта, но по просьбе Гидзенко, со вчерашнего вечера они занимаются ещё и мной.

Космические полёты, как выяснилось, сопровождают свои ритуалы и традиции, неукоснительно соблюдаемые многие годы. Один из них — обязательный автограф космонавтов на память о полёте на дверях гостиничного номера, в котором они жили на Байконуре. Это — святое. А ещё, обязательное благословение экипажа, который проводит тут же, в 6 утра, специально привозимый для этих целей священник. Ну, и, конечно, посадка деревьев на специальной аллее рядом с гостиницей.

Из этих деревьев, посаженных разными космонавтами в разное время, теперь уже повыврастали целые рощи. А первое из них посадил, как известно, первый космонавт планеты — Юрий Гагарин. Оно и по возрасту, и по высоте тут самое большое. Хотя, если честно, растут эти деревья, как-то, не очень. Климат здешний, вероятно, не совсем этому способствует, да и почва тут — отнюдь не чернозём, но традиция — есть традиция.

*Это тоже наш земляк-николаевец
из Центра подготовки космонавтов полковник Игорь Марценюк*

Экипаж

В этот раз на МКС отправлялся международный экипаж в составе россиянина Юрия Лончакова и двух американцев — «полноправного» астронавта, юморного и открытого Майкла Финка и космического туриста Ричарда Гэрриота. Последний мне показался каким-то чудаковатым, вроде профессора Плейшнера из известного сериала. Впрочем, возможно это только внешнее впечатление.

Как мне показалось, американцы — и космонавты, и многочисленные специалисты в вопросах подготовки полёта заранее и безоговорочно отдали пальму первенства россиянам, и со всеми вопросами в первую очередь шли к Ю. Гидзенко. Тем более, что он, помимо неплохого знания английского, в совершенстве знает всю техническую терминологию. А уж в устройстве корабля и организации полётов — он просто гур. Это признали все, и, если Гидзенко говорит «нет» — спорить с ним бесполезно, кто бы ты ни был — россиянин или американец. Хотя, как мне показалось, Юрий Павлович, хоть и был постоянно чем-то недоволен, говорил об этом не в форме выговора, а в форме обиды и разочарования — ну как же ты даже этого не понимаешь? Как же это вообще можно не знать, ведь это же простые вещи, а ты специалист, тебя же столько времени готовили, старались, а ты, вдруг, накануне старта, мне такие несерьёзные вопросы задаёшь, да ещё споришь... И, как-то сразу все всё понимали и, главное, принимали его безоговорочную правоту. Тем более, что Юрий Павлович не просто опекал экипаж — он был с ним неотступно практически всё время до самого старта.

А знаете, как организовано питание космонавтов? Питаются все они в том же общем зале, где и все остальные «проживающие» в гостинице. Правда, стол их чуть отдалён от всех остальных, чтобы ни у кого соблазна не было сесть именно за него. А, может, и с дезинфекцией это связано, чтобы не было прямого контакта с остальными. К слову, к дезинфекции тут отношение строгое — везде стоят специальные приборы для обеззараживания рук и лица. А в остальном всё, в том числе и само питание, обычное, как у всех. Я думал тут разносолы будут, раскрывающие широту русской души — ни-

чего подобного. Кашки овсяные, супчики диетические, словом, никаких изысков...

Часто, глядя с экрана телевизора за тем, как космонавты идут к месту рапорта, я обращал внимание на странные металлические ящики, которые каждый из них несёт в левой руке. Так вот, выяснилось, что это — кондиционеры, отвечающие за климат-контроль внутри самих скафандров. Пока космонавты ещё на Земле, но уже в герметичных скафандрах, их тела ограничены в воздухообмене. Это, своего рода, «баня», в которой тела космонавтов очень быстро перегреваются. Вот и носят они с собой до самого старта ручные кондиционеры, которые через присоединённые трубопроводы обеспечивают им комфортные условия.

Каждый космонавт оставляет свой автограф на двери номера гостиницы. Это — традиция

Старт

Сказать, что старт космического корабля впечатлил — значит, ничего не сказать. Старт ракеты не только видишь с расстояния примерно 250 метров, но и чувствуешь его всем своим организмом. Вначале слышится мощнейшее «гудение» ракетных двигателей, заглушающих речь собеседников, даже стоящих рядом. Затем, как-то неестественно нервно и напряжённо, начинает подрагивать почва под ногами, словно во время землетрясения. И только потом — ярчайшая ослепительная вспышка — и ракета устремляется в небо.

Видимая часть полёта занимает всего-то минуту, может, полторы от силы, после чего видишь лишь едва различимую светящуюся точку на безмятежно-голубом небе. Всё! Полёт состоялся, и все, кто в этот момент находится на стартовой площадке, начинают поздравлять друг друга с успешным стартом, а потом медленно расходятся по своим автобусам. Для большинства из них всё самое интересное уже позади. А для тех, кто отвечает за проведение полета, — всё только начинается...

Старт космического корабля — это начало кропотливой и ответственной работы для тысяч специалистов: и здесь, на Байконуре, и в подмосковном ЦУПе. Правда, работа эта не видна. О ней редко рассказывают в теленовостях, и ещё реже — что-либо показывают. Но все понимают — после старта космический корабль незримо связан с землёй сотнями, а, может, и тысячами радио- и телекоммуникационных связей, не прерываемых ни на минуту. И те, кто сегодня обеспечил непосредственный старт ракеты, уже завтра переместятся в подмосковный Центр управления полётом, и продолжатся обычные рабочие будни. Для всех: и для тех, кто в космосе, и для тех, кто здесь, на земле...

В самолёте, на котором мы возвращались с Байконура в подмосковный Звёздный Городок вместе с руководителями и специалистами подготовки полёта, было непривычно тихо, и даже как-то буднично. Многие офицеры и специалисты отсыпались. У всех чувствовалась какая-то внутренняя накопившаяся усталость, которая бывает после тяжёлой физической работы. Недели напряжённого

труда, постоянные недосыпания, ежедневные совещания, переговоры, неизбежные согласования различных нюансов — всё это выматывает даже крепких и подготовленных мужчин. Но никто не жаловался, и уж тем более, не считал это чем-то особенным, сверхъестественным.

А ведь от них — от этих немного уставших, но сделавших своё обычное дело людей, зависит, в конечном счёте, развитие всей космонавтики нашей общей планеты Земля. Я не знаю, чувствуют ли они это или ощущают всё происходящее, как свою повседневную рутинную работу, чем-то смахивающую на ту, которая выполняется привозным «вахтовым» способом. Не знаю. Все они уже давно свой выбор сделали. Это и есть их работа. Тяжёлая работа. Мужская...

Это и есть старт ракеты с расстояния 250 метров

Два поэта

*Если ты не любишь свой задрипанный дом,
свою грязную улицу — как же ты можешь
любить другие города и иные народы?*

Шолом Алейхем

Дом был старый. Старый настолько, что его давно уже можно было бы отправить на слом, но он входил в какой-то перечень архитектурного наследия, и потому охранялся государством. Правда, всего лишь на бумаге.

Когда-то его занимали люди, власть предрежающие, и дом жил своей полноценной и шумной жизнью посетителей, приёмов, официальных встреч и неофициальных переговоров. Но пришло другое время — и чиновники переехали в другой: большой и красивый дом-дворец с просторными и светлыми кабинетами, а этот дом отдали поэтам. Собственно, с этого и начал дом медленно угасать и неотвратно стареть. Поэты жили в своём мире поэтических грёз и мечтаний, а потому физическое состояние дома их волновало мало.

На первом этаже дома в обшарпанном и прокуренном кабинете обитал весельчак и балагур, чудесный поэт — бывший китобой и учитель. В прошлой жизни в его кабинете раздавали блага материальные, строго отмеряемые кому, когда и сколько. Сегодня в нём, повинуясь этой, по всей видимости, заведённой самим кабинетом, традиции, поэт раздавал людям свои блага. Правда, были они не материальные, а духовные, но зато щедро и от души! Никого не обделяя и не ставя в очередь. Берите, сколько хотите!

Так он и жил, и был бесконечно счастлив ещё и потому, что на стене у него висела гитара, на которой некогда играл сам Высоцкий. А рядом висел портрет знаменитого барда, который внимательно вглядывался в фотопортреты членов писательской общины, заботливо развешанных Поэтом на противоположной стенке. И эта гитара, и сам Высоцкий, и добрые лица друзей-стихотворцев создавали в комнате и в душе Поэта благостно-возвышенное восприятие абсолютной безмятежности своего бытия. В этом мире он жил и был счастлив!

А поверхом вище, у тому загідженому будинку жив ще один Поет, в якого були сумні очі та характерні чорні вуса, відомі, напевно, всьому місту. Він не співав пісень і, навіть не мав гітари, яка так добре допомагала його другу — Поетові з першого поверху чудово ховатися від навколишнього світу, який, здавалося, зовсім збожеволів. А сумним він був ще тому, що був він філософом і мав Божий дар бачити майбутнє. Та, на жаль, все це тільки додавало смутку його очам, бо люди чомусь не бажали навіть слухати його пророцтв і знати про те, що ж буде далі, в майбутньому з ними та їхніми душами.

На відміну від свого друга — веселого першоповерхового російськомовного Поета, свої твори він писав рідною українською мовою, яка через політичні струси й катаклізми стала мовою державною. І саме це, дивним чином, за незрозумілою для Поета логікою політиків, стало відокремлювати його, і навіть з дуже позитивного боку, перед російськомовними колегами.

Саме тому, водночас виникли нізвідки, але швидко злетіли догори люди-політики, ніби казали йому, — дивися Поете, як ми цінуємо і піклуємось про тебе. Ось бачиш — і кабінет твій вище ка-

бінету того Поета, російськомовного. А все через те, що пише він на незрозумілій для нас і вкрай неприємній всьому суспільству, російській мові. Цінуй це, Поете! Це така наша турбота про тебе, щоб і ти, і всі інші навколо бачили, як ми шануємо тих, хто йде поруч з нами і пише мовою державною.

Але Поет, на жаль, не розумів всіх цих політичних тонкощів, оскільки писати своєю рідною мовою почав набагато раніше всіх цих безглузвих політичних катаклізмів. Не розумів він і те, для чого його чудову українську мову так демонізують і використовують у брудних політичних цілях. Можливо, ще й тому сумні були його очі, коли намагався він пильно вдивлятися в обличчя інших людей.

...А люди эти жили своей обычной жизнью. Они не читали стихов обоих Поэтов и не испытывали по этому поводу ни малейшего дискомфорта. Люди проносились мимо их покосившегося дома на прекрасных «Лексусах», так же стремительно, как и наступившая с их приходом эпоха. А потому, они даже представить себе не могли причин, из-за которых так страдают два Поэта в старом обшарпанном доме, чем-то напоминающем их родную державу, такую же неухоженную и обшарпанную, раздираемую собственными детьми и ими же потом бросаемую. Людям было некогда, ибо все они были заняты своими делами — важными и неотложными: они делали деньги. И потому некогда им было читать стихов, да и не интересно им это было!

Люди эти обитали в другом красивом доме, почти дворце, совсем недалеко от дома Поэтов. В этом красивом и ухоженном доме всё было по-другому — дорогая евроотделка, престижная мебель, обворожительные сотрудницы и солидные охранники, одетые в стильную фирменную униформу. В их доме размещался банк, и дом этот охраняли два метровых льва — красивых, важных и нелепых. Их изваял за большие деньги известный скульптор из дорогого заморского мрамора.

Может быть, поэтому глаза у львов были безразличны, величественны и немного грустны. Возможно, такими их задумал сам автор, а может, было это оттого, что смотрели львы на близлежащую помойку, нелепо притулившуюся совсем рядом с этим монументальным шедевром банковской архитектуры. Потому, что хоть и был вы-

слан перед банком дорогой импортный тротуар, но заканчивался он ровно там, где заканчивалась территория самого банка.

А дальше — и слева, и справа от этого архитектурного шедевра были, как и везде, лужи, грязь и разруха. И львы видели, как хорошо одетые люди, выходящие из дорогих машин, вынуждены были идти к ним в банк по лужам и бездорожью. От всего этого львам было немного стыдно и грустно, в отличие от их хозяев, сидящих в дорогих кабинетах.

...Сумно було й Поетові, особливо тоді, коли траплялося йому, не за власним бажанням — за потребою, йти у ті ж кабінети. Особливо після випадку, коли він — відомий всьому світу, записаний в усі енциклопедії і вже зарахований до живих класиків, насмілювався щось просити в одного з таких ось людей-чиновників. Зрозуміло, ім'я посадовця нічого не означало ні тоді, ні тепер, але він займав відповідальну посаду, і це переповнювало його розум настільки, що він послав Поета. Матом. Відомого і заслуженого, лауреата всіх найвідоміших премій держави, та й віком значно старшого від нього...

Поет сприйняв це стоїчно, як Божий іспит за право і далі мати можливість передбачати майбутнє. Нехай так, вирішив він, — адже Господь нікому не дає надміру. Поетові, навіть, стало трохи жаль чиновника — як же він житиме далі, бідолаха, з таким ось гріхом? Бо його ж, мабуть, совість замучить, адже це ж страшний гріх — образити і вилаяти пророка...

Та куди більш не давала спокою Поетові повальна маргіналізація людей, яка сьогодні охопила країну, мов ракова пухлина. Люди майже цілодобово, як зомбовані, дивилися і слухали псевдоаналітичні шоу якогось Шустера, в яких одні й ті ж політики, які ще вчора вели людей на Майдан, щоб не допустити до влади бандитів, сьогодні переконливо закликали всіх до об'єднання з ними. В цьому вбачали вони вихід із тих труднощів та криз, в яких опинилася країна за недовгі часи саме їх владарювання.

Кожна така передача жваво обговорювалася. Люди сперечалися, щось доводили одне одному, нібито намагалися вгадати — хто з цих відомих та поважних політиків знає, що ж треба робити з цією країною та її людьми? Вони чомусь надто переконливо вірили, в те, що

саме ці політики, а не Поети знають істину. Поетам це було дивно, адже абсолютно все, що саме сьогодні потрібно було всім цим людям та їх родинам, вони давно вже сказали їм. Бо мали вони дар Господень бачити майбутнє і для людей, і для країни, такої схожої на їх старий зруйнований дім. Втім, що я вас переконую — читайте самі:

Времени тревожная примета —
Все святое кануло во тьму:
Ни любви, ни музыки, ни света,
Ни Пророка в сердце, ни Поэта —

Ничего не надо никому.
Вечные прорехи и мытарства,
Нищенством отравленные дни...
От разгульной злобы и коварства,
Господи, спаси и сохрани!

Удержи от ненависти лютой,
От продажных благ убереги,
Праведное с грешным не попутай,
Защити невинных перед смутой,
Нищему у церкви помоги!
От могил, поруганных жестоко,
От пустой трибунной болтовни,
От оков духовного порока,
Господи, спаси и сохрани!

Огради заблудших от напасти,
И на путь, на истинный направь.
И страну, которой правят страсти,
От рабов униженных избавь.
Нам твоё прощенье, как награда.
Ты — велик, с тобой мы не одни.
Только от всеобщего разлада,
Господи, спаси и сохрани!

Не за то, что будни наши серы,
А за то, что помыслы чисты,
Излечи от лжи и от химеры,
Ниспошли нам совести и веры,
Жалости людской и доброты!
Сыновьям своим небезупречным —
Облик человеческий верни.
Пред судом, святым и вековечным,
Господи, спаси и сохрани!

* * *

Шукаю історичну батьківщину,
бо нині географії нема:
Ярило виглядає із-за тину
і спис чужинця вже уп'явся в спину.
Весна квітує, а в душі — зима.
І так, руїно, ти в мені зориш,
мов тріщина, в Маріїнськiм палаці.
Мов Анні Ярославівні Париж
ввижається на знімках папарацці.
О, це вінчання в Рейнському соборі,
пощезли королівські весілля...
Вік двадцять перший все-таки надворі,
а дух — дохристиянський звеселя
глаголичним письмом на саркофазі...
Комонні наші линути по росі.
Збираємо образу на образі —
Від образів у Київській Русі. І
так руїнно, а не українно
Крізь нас течуть і ріки, і віки.

Та я сюди повернусь неодмінно,
поглянути на Київ з-під руки.
Шукають історичну батьківщину,
а знають: географія не та...
Димить із-за червленого щита
кривавий дух великого почину.
Софії Київської древні стіни
вже кришаться, а в Києві — Тарас...
І вже у нас немає Батьківщини!
І рейдери-рейтари б'ють у спину,
і вітер з України дме до нас.
...Якої ми шукаємо землі?
Якої ми шукаємо відваги?
Блищать і сяють в історичній млі
Пощерблені щити, пониклі стяги.
Із тисячлітніх зібрані невзгод,
і ми в полоні вічного закону.
А може, це оспівують народ
філармонічні труби Єрихону?
І є народ: вернувся в Єрихон
і захистив себе у вічній брані.
А ми? Що ми? Гетьман і фараон —
у камені скорботи на кургані.
Мов труби єрихонські, — журавлі,
готові й ми летіти, тільки свисни.
... Якої ми шукаємо землі?
Якої ми зрікаємось вітчизни?

P.S. И ещё одно воспоминание. Полвека назад, в середине шестидесятих годов ещё того, прошлого столетия, жил я недалеко от только что построенного в Николаеве стадиона «Судостроитель», и, как все тогдашние мальчишки, бредил футболом. К нему в те годы отношение было совсем иное — не чета теперешнему. Попасть на матч было практически невозможно — в кассах были сумасшедшие очереди! А что уж говорить о нас, двенадцатилетних пацанах, никогда не имевших никаких денег на билеты. Впрочем, тогда это было совсем не нужно. Нас «проводили» на стадион через дырки в заборе ребята постарше — 16-17-летние оболтусы, которых мы очень уважали и называли между собой «взрослыми пацанами». А они нас — пацанятами.

Как я теперь понимаю, платой за такое посещение стадиона было наше участие в своеобразных акциях «отмщения», когда наша любимая футбольная команда «Судостроитель» кому-либо проигрывала. Для всех нас это было вопиющим актом несправедливости, а уж когда «наши» проигрывали херсонской команде «Кристалл» — это была настоящая катастрофа! Ведь «наши» всегда должны быть лучше и сильнее херсонцев, а иначе и быть не могло!

Иное просто не умещалось в нашем детском сознании. И, если вдруг случался проигрыш, то это значит «нашим» просто не повезло, или судья «засудил» их. В те годы Херсон для всех нас, тогдашних «пацанят», был неким олицетворением вечного зла и врага моего родного города Николаева.

И если наш любимый «Судостроитель» проигрывал, то «взрослые» пацаны нередко подсовывали нам то коробку с гвоздями, то ящик с помидорами, которыми мы, как настоящие патриоты родного города, самозабвенно и неистово «обстреливали» автобус ненавистных херсонцев, уезжавших домой. И каждый наш «выстрел» был настоящим ударом по врагу, и все мы чувствовали в такие минуты гордость за свой, «отмщённый» с нашей помощью, город...

Прошло время. Я закончил кораблестроительный институт, защитил диссертацию и преподавал там же, на кафедре сварки. По долгу службы мне часто приходилось бывать в Херсонском филиале нашего НКИ — читать лекции, принимать экзамены и зачёты.

И вот тогда, уже в середине восьмидесятых я, невольно вспоминая своё давнишнее детское отношение к Херсону, не мог не заметить, что город этот, в общем-то мало чем отличается от Николаева. Такой же трудовой, корабельный и немного провинциальный. Да и люди в них чем-то схожи — ведь хороший человек или плохой, добрый он или злой определяется не местом его проживания или национальностью.

Негодяи и подлецы есть у всех народов, но, к счастью, их всегда меньше, чем людей хороших, честных и порядочных. А что же изменило моё мировоззрение и отношение к Херсону? Безусловно, взросление, позволившее расставить в голове всё по своим местам, а ещё — Херсонское шоссе, по которому мне часто приходилось мотаться в Херсон и обратно и видеть всё своими собственными глазами...

Когда нынешние «взрослые» пацаны по обе стороны российско-украинской границы упоённо рассказывают нам, что одни из нас лучше других, а те — другие, лучше первых, что все мы настолько разные и по истории, и по ментальности, что чуть ли не враги, я, часто бывающий в обеих странах, понимаю лишь одно — какие же все мы ещё «пацанята», если позволяем им убедить нас в этом. И, если сегодня мне приходится стыдиться некоторых своих детских неуравновешенных поступков, то когда же наконец всем нам будет стыдно за ту навязанную ненависть друг к другу, прививаемую всем нам с майданов, газетных полос и телеэкранов.

Ведь эта ненависть, объяснимая и простительная для нас — двенадцатилетних мальчишек, слепо убеждённых в своей правоте, вряд ли может служить оправданием для целого народа, упорно верующего то в горбачёвские сказки о квартирах к двухтысячному году, то в хрущёвский коммунизм к восьмидесятому, то в нынешние разговоры о свободе и демократии...

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
Две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не рассОрили — рассорИли,
Расслоили... Стена да ров.
Расселили нас, как орлов —

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас, как сирот.

Вчитайтесь в эти слова — они ведь, словно о нас, сегодняшних. А между тем, написаны они почти сто лет назад замечательным Поэтом Мариной Цветаевой. Разве не пророческие это слова? Но, видимо, и тогда не очень-то слушали Поэтов...

Почему же каждый раз, наступая на очередные грабли, мы верим всей этой дешёвой и несбыточной галиматье, и упорно не хотим слушать, а главное — слышать тех, кому Богом дано раскрывать наши глаза и души?

Почему не видим в этом, осточертелом до боли дежавю, спасительный луч света, который указывают всем нам два Поэта — мудрых и светлых человека, сидящих в обшарпанном полуразвалившемся доме, чем-то напоминающем нашу заплутавшую в поисках истины родину?

Почему все мы исправно ходим в церкви по праздникам, а в будни — плюём и оскорбляем Пророков, пытающихся изо всех своих сил спасти наши души?

Кто бы объяснил мне, почему всё это происходит? Почему...

«Оборона Николаева»

Мой дед — Иван Тимофеевич Христенко никогда не был кадровым военным. Он был столяром и до войны служил в железнодорожном ведомстве — занимался изготовлением перил, скамеек, оконных рам и вообще всего «деревянного» для вагонов поездов, вокзалов и придорожных станций.

Как я теперь понимаю, работа не Бог весть какая стратегически важная, но, по всей видимости, нужная и ответственная. Тем не менее, у дедушки было воинское звание, и он даже надевал по праздникам военную форму, поскольку всё его ведомство имело военный статус и гордо именовалось железнодорожными войсками. К началу Великой Отечественной войны ему исполнился 31 год, и был он в звании старшего лейтенанта.

Эти воспоминания я записываю по памяти с его слов. Они относятся приблизительно к 1985 году, когда я уже защитил свою кандидатскую диссертацию и преподавал в НКИ, а дед, время от времени, приезжал к нам в гости. В то время они с моей бабушкой — Надеждой Алексеевной жили не в Николаеве, а в пригороде Днепропетровска — Игрени (там проживала многочисленная бабушкина родня).

В последние годы в каждый свой приезд дед почему-то обязательно водил меня к «старому» Варваровскому мосту, вспоминал войну и трагические события августа 1941 года, когда ему пришлось участвовать в «обороне» моего родного города Николаева. Почему я закавычил слово «обороне», о которой впоследствии столько раз читал воспоминания очевидцев и участников войны, читатель поймёт из дальнейшего рассказа моего деда — старшего лейтенанта Ивана Тимофеевича Христенко.

Накануне...

«Меня призвали в армию в начале июля 1941 года. Я был направлен в сапёрную часть, что, по всей видимости, самым наилучшим образом соответствовало представлениям тогдашних воинских начальников о том, как использовать мою мирную довоенную специальность в условиях фронта.

Вскоре я был назначен командиром сапёрного батальона в Николаеве, в задачу которого входило рытьё окопов перед Варваровским мостом. Мне сообщили, что нужно подготовить плацдарм для того, чтобы наши отступающие войска могли бы закрепиться на нём и какое-то время оборонять город от шедших по пятам фашистов.

Строго говоря, никакого батальона у меня не было, а прислали мне около 300 местных женщин разных возрастов из числа тех, кто записался добровольцем. В июле 1941 года в Николаеве шла массо-

вая запись в добровольцы, из которых, по-видимому, и был создан мой «сапёрный батальон». Эти городские женщины, конечно же, не были обучены рытью окопов, а ведь это целая наука! Тут важны и глубина окопов, их взаиморасположение и, конечно, выбор места (оно должно быть наименее заметным для противника). Важны также ширина окопа, чтобы можно было разминуться двум людям, место выбора командного пункта и пр.

Это и в мирных условиях совсем не так просто, как кажется на первый взгляд, а уж во время войны, когда на тебя давит цейтнот времени, неразбериха с приказами начальства и отсутствие необходимой техники и инструментов, такой процесс и вовсе становится весьма сложной задачей! Короче говоря, мне приказали самому «определиться» на местности перед тогдашним наплавным Варваровским мостом, по которому уже шли сплошным потоком беженцы из западных регионов страны. Они везли, а чаще просто несли свой нехитрый скарб в чемоданах, мешках и баулах, а рядом непременно шли вереницы детей и стариков, у которых тоже были какие-то свои вещи, сумки, куклы. Как водится, во всём этом была неразбериха, на мосту была давка, крики и ссоры. Кто-то ехал на

повозке с лошастью, кто-то вёз вещи на велосипеде, но большинство было пешим — уставших, измученных и обезумевших людей, бегущих в паническом страхе от настигающей войны...

А тут ещё я со своим «батальоном» и окопами! Понимаю, что всем мешаю своими окопами и потому все на меня кричат, что-то доказывают, просят обождать «хотя бы пару минут». Но мне-то что делать — у меня ведь приказ! А тут ещё, как назло, за мостом многие беженцы — десятки, а то и сотни — разом садятся передохнуть, покормить детей, упаковать вещи.

По мосту ведь (а это два с лишним километра!) им было идти крайне неудобно — он весь в движении, а ты с грузом, детьми — вот люди и уставали, а сойдя с моста, невольно садились передохнуть. Ну и мне, конечно, тут же приходилось их постоянно сгонять и поторапливать. Впрочем, делал это я, в основном сам, потому как женщины у меня в батальоне подобрались в основном «никакие» — неинициативные, по большей части не очень толковые, а потому крикливые и любящие поспорить. Да и воинской формы на них не было, а потому и внимания на них всё равно никто не обращал...

Ну как в такой ситуации наметить планировку окопов? А ко всему прочему, по мосту время от времени отходили какие-то воинские части и их командиры крыли меня по полной! А что я мог сделать? Они и званием были повыше, да и в боях уже поучаствовали — среди них были раненые, контуженные, и всем им нужно было срочно, немедленно и без задержки...

Короче говоря, в первый мой день я так толком ничего и не сделал, а вечером побежал докладывать обстановку моему начальству в некий штаб. Он располагался на Большой Морской, где-то в районе нынешней улицы Артиллерийской. Там меня, конечно, костерили и крыли последними словами, угрожали трибуналом и, разумеется, ничем не помогли. Да и не могли они ничем помочь, я и сам это прекрасно понимал. Что у них было? Телефоны, столы, заваленные какими-то папками, постоянные люди в кабинетах и приёмных, крик, шум, неразбериха. Да и сами они были люди подневольные.

Поэтому получив «ценные указания» начальства, возвращаюсь к «своему» мосту и снова собираю женщин. Объясняю им, что одни

из них должны следить за тем, чтобы после выхода с моста никто из беженцев не садился бы на землю, а других распределяю по местам рытья будущих окопов. Легко сказать — распределяю, а как им копать? Инструмента ведь никакого! Никто ничего такого мне, конечно, не дал, а только сказали: «Выкручивайся сам!».

*1954 год. Я на руках у деда Ивана Тимофеевича,
слева моя бабушка Надежда Алексеевна, а справа от них родители
моей мамы — Терентий Степанович и Надежда Кузьминична Ходыко*

Обратился к моим женщинам, чтобы принесли из дому, кто что может. Принесли. У кого-то, в лучшем случае, топор или нож, но в основном — металлические миски, вёдра, какие-то куски арматуры, ножки от кроватей — как хочешь, так и копай! Начали копать с двух сторон: слева и справа от дороги, идущей от моста, и должны были постепенно прилижаться к ней.

К концу второго дня выкопали в общей сложности метров сто. И то, не в полный рост, а где по пояс, а где — и того меньше. У многих с непривычки появились волдыри, какие-то раны, кровопотёки, а апечки у меня, естественно, никакой. Опять бегал в штаб,

но и там ничего не дали, а только переадресовали ещё куда-то, куда я не пошёл, а послал кого-то из женщин, разбирающихся в медицинских вопросах...

К концу недели мы, наконец, выкопали какое-то подобие траншей, оставив для съезжающих с моста довольно узкую полосу, что, конечно же, создавало им массу проблем и неудобств и приводило к дополнительным заторам. Некоторые беженцы даже падали в наши окопы и постоянно ругали нас. Внимания на это ни я, ни мои подчинённые уже не обращали никакого — у вас свои проблемы, у нас свои...

Приехало какое-то большое начальство. Скептически оглядело наши окопы, выслушало мой доклад и уехало, не сказав ни слова. Мой непосредственный начальник по секрету сообщил мне, что в эти окопы скоро придут артиллеристы-зенитчики, которые будут защищать Варваровский мост, чтобы по нему не могли пройти немцы. Да это мы и так понимали без всякого начальства.

А пока нам было приказано копать ещё, охранять наши окопы и ждать приказа по переброске нас на другое место. Было уже начало августа 1941 года. Кажется, число 5-е или 6-е. Никаких немцев ещё не было видно, как не было и налётов немецкой авиации. Беженцы продолжали идти сплошным потоком, и мы вскоре к этому совсем привыкли.

Потихоньку как-то начал обустраиваться и наш быт. Мои женщины ходили куда-то за сухим пайком для нашего батальона и после, импровизированными группами что-то готовили из этой еды. Картина, как я теперь понимаю, была весьма экзотическая — одни обезумев бегут мимо с детьми и баулами, а мы сидим на земле группками и мирно обедаем. Создавалось впечатление какого-то табора, поскольку никакого военного обмундирования нам не выдали, и в армейской форме был только я один.

Первые немецкие самолёты появились над нами где-то числа 9-го. Это были самолёты-разведчики, которые по несколько раз в день в течение примерно получаса кружили над нами, а затем улетали куда-то за Варваровку. Никакой артиллерии с нашей стороны не было, по крайней мере, в районе Варваровского моста, и потому

летали немецкие самолёты-разведчики как-то уж слишком нахально и безнаказанно. Впрочем, начиная с этого времени, стали отчётливей и чаще слышаться какие-то выстрелы, разрывы снарядов и все мы почувствовали — фронт приближается.

«С конца 1-ой декады августа 1941 г. главной задачей полка становится сухопутная оборона — борьба с передовыми механизированными подразделениями фашистской дивизии «Адольф Гитлер», пытавшейся с ходу ворваться в Николаев по Варваровскому мосту. Бой за переправу у Варваровки продолжался несколько суток. Артиллеристы трех батарей 85-го дивизиона, одной батареи 1-го дивизиона с основных позиций, расположенных на правом берегу Буга при поддержке 2-х 85 мм батарей 70-го батальона, расположенных на левой стороне Буга, своим огнем срывали все попытки гитлеровцев захватить Варваровку, мост и ворваться в город. Потерпев здесь неудачу, немецкое командование предприняло обходной манёвр. Танки гитлеровцев форсировали Буг выше Николаева и попытались захватить город с тыла со стороны Херсона, но и здесь получили достойный отпор, понеся чувствительные потери от огня батарей 122 ЗАП и пулемётного батальона». Воспоминания полковника в отставке А. В. Мухрякова об участии 122-го зенитного артиллерийского полка в военных действиях при обороне г. Николаева в 1941 году, ноябрь 1986 (ГАНО Ф.П-4074, оп. 1, д. 623, л. 2)

Ещё раз приезжало начальство. Приказали готовить места для установки пушек, которые будут обеспечивать переправу наших отступающих войск. Нам сообщили, что они должны появиться на нашем участке со дня на день. Копаем. Наконец, кажется 10-го или 11-го августа стали появляться со стороны Варваровки наши отступающие войска.

Тут же, только на варваровской стороне моста, беженцев отеснили в сторону и по мосту пошли исключительно военные. С техникой — орудиями, авомашинами, и нам даже казалось, что мост может не выдержать такой нагрузки. Пригнали какие-то баржи, лодки и ими тоже стали осуществлять переправу войск. Тогда же по-

явились первые немецкие бомбардировщики, которые сбрасывали бомбы исключительно на эти баржи и лодки с техникой и людьми. Мост, насколько я помню, не обстреливался ни разу.

*Ходатайство Военного совета Южного фронта.
12 августа 1941 года*

«Главкому Юго-Западного направления Маршалу тов. Буденному

Первое. Обстановка на фронте в течение 10-11.8 резко изменилась, создавалась прямая угроза не только Николаеву и Одессе, но угроза окружения армиям, их обороняющим.

...

Четвертое. Девятая армия с утра 11.8, атакованная с направления Демидово, Березовка, своими левофланговыми 30 и

51 сд начала быстро откатываться на юго-восток, прижимаясь к Бугскому лиману и реке Южный Буг.

...

Шестое. В таких условиях дальнейшая оборона Николаева может закончиться большой катастрофой — потерей 18-й и 9-й армий, которые могут быть прижаты к морю с преграждением им путей отхода на рубежи р. Ингулец фронт Широкое, Херсон. Военный совет просит доложить срочно лично тов. Сталину.

Тюленев, Запорожец, Задюченко, Корниец, Романов».

Окопы мы больше не копали и ждали, когда же, наконец, подвезут эту самую артиллерию. Женщины всё больше маялись без дела и всё чаще куда-то отлучались. 13 и 14 августа это стало принимать угрожающие формы. Доложил в штаб, что из 300 человек у меня в батальоне осталось чуть больше половины. Там просили предоставить списки дезертировавших, обещали разобраться с ними по всей строгости, но что мне делать дальше — не знал никто. Сказали: «Чего ты зря к нам бегаешь — сиди себе на месте и жди, когда подойдут артиллеристы!»

Между тем поползли слухи, что из Николаева уже очень многие выехали в эвакуацию. В особенности семьи командиров, совет-

ских и партийных работников, милиции. Это создавало нервозность и в городе, и среди моих подчинённых — мол, мы тут стоим, а они уже давно сматали удочки.

...Утро 13 августа принесло и печальную весть: командир 85-го дивизиона отдано приказание отойти и переправить батареи в Николаев. В 18 часов батареи начали переправляться по обстреливаемому противником полуразрушенному уже Варваровскому мосту. Мы видели с Бороденко, как под тяжестью орудий и тягачей тонули пролеты моста, а люди, спасая материальную часть, перетаскивали ее по пояс в воде.

С наступлением сумерек город опоясало кольцо пожаров. Николаев горел, и тушить пожары было уже нечем: водокачка разрушена. Азаров И. И. Осажденная Одесса. — М.: Воениздат, 1962.

К концу дня 14 августа войск, переправлявшихся по Варваровскому мосту, уже практически не было, но беженцы ещё шли и шли сплошным потоком. Многие из них уже успели побывать в оккупации и рассказывали страшные вещи о зверствах фашистов, особенно в отношении евреев, коммунистов и командиров. Это действовало деморализующе. В воздухе отчётливо повисло ожидание чего-то страшного, неотвратимо надвигающегося, от которого нет спасения. Что делать дальше — не знал никто.

«В силу сложившейся обстановки батарея ст. лейтенанта В.И. Вавилова оставила старую огневую позицию и встала на новую в районе Варваровки. На старой ОП для подготовки к отправке на левый берег остался лейтенант Галанцев с группой бойцов.

Вскоре Галанцев увидел, что к ОП приближается большая группа мотоциклистов с пулемётами. Галанцев вместе с бойцами укрылся в одном из орудийных котлованов и продолжал наблюдение. Недоезжая до ОП 100-150 метров, мотоциклисты остановились, «спешились» и начали что-то обсуждать. Галанцев по телефону (!) доложил обстановку к-ру батареи, вызвал огонь «на себя». Координаты позиции были точно известны, поэтому первые же

залпы достигли цели. Гитлеровцы в панике бежали, оставив на поле боя несколько трупов и подбитых мотоциклов.

Аналогичных примеров можно привести очень много, но я думаю, что и этих достаточно, чтобы представление о боевых делах личного состава 122-го зенитного артиллерийского полка Николаевской Военно-морской базы.»

Полковник в отставке Мухряков

21.11.86 г.

Воспоминания полковника в отставке А. В. Мухрякова об участии 122-го зенитного артиллерийского полка в военных действиях при обороне г. Николаева в 1941 году., ноябрь 1986 (ГАНО Ф.П-4074, оп. 1, д. 623, л. 2)

К утру 15 августа у меня в батальоне оставалось уже менее сотни человек. Пошли слухи о том, что в городе началась паника. Грабят магазины и склады. На проходящих по мосту беженцев мы уже вообще не обращали никакого внимания. Женщины всё чаще стали донимать меня спорами и криками. Приказывать им я уже практически ничего не мог — окопы нами были вырыты и, как мы все понимали, они оказались никому не нужны.

Никаких артиллеристов не было и в помине, да и говоря откровенно, не ждал их уже никто. К вечеру 15 августа многие из моего батальона стали отлучаться чуть ли не самовольно под предлогом «я только на часок домой сбегаю». Почти никто из них потом назад не возвращался, и никого из них я больше никогда не видел.

16 августа

Рано утром 16 августа меня разбудили крики беженцев о том, что немцы уже в Варваровке и через час-другой будут здесь. Человек 15 (это всё, что оставалось от моего батальона), побежали кто куда.

Остановить их у меня уже не было ни сил, ни возможности. Бегу в штаб. Добежал минут за 20. Дверь нараспашку, в помещении никого нет. Разбросаны по полу какие-то папки, бумаги. Людей — никого. Бросили! Это первая мысль, которая потом ещё много раз

не давала мне покоя. Как же так? Все мои грозные начальники сбежали, даже не предупредив меня! Сволочи!

Выбежал на улицу. Раннее утро, но какое-то людское движение уже чувствуется. Бегу по Большой Морской в сторону нынешней Советской. По пути начинаю понимать, в чём дело, — массово грабят магазины. Выносят всё, что можно унести — продукты, какие-то коробки, мешки... Везут на тачках, велосипедах, целыми семьями. Понимаю, что это всё то, что не успели эвакуировать. А тащат те, кто решил остаться в оккупации.

На перекрёстке с Фалеевской какие-то люди что-то выносят из здания Госбанка. По внешнему виду — явно не государственные служащие. Увидев меня на минуту остановились. Вглядываются в лицо и с опаской смотрят по сторонам. Понимаю, что это тоже грабители. По всей видимости, увидев меня — человека в форме, испугались, но, быстро сообразив, что я один и бегу мимо, не обращая на них никакого внимания, продолжили мародёрствовать. Мелькнула мысль: «Если это советские деньги, то зачем они им нужны в оккупации?»

В центре города на Советской, несмотря на раннее утро, людей побольше. Грабят не только магазины, но и квартиры эвакуированных. Грабят, в первую очередь, соседи, но больше здесь, конечно, тех, кто специально пришёл сюда пожить со стороны Слободки. Ведь в центре, как и в других городах, обычно живут более обеспеченные люди и, по иезуитской логике грабителей, здесь намного выгоднее промышлять этим делом, чем в рабочих кварталах.

Вижу, как из окон вторых этажей какие-то люди выбрасывают что-то свернутое в громадные узлы. Очевидно, собрали там всё, что могли в одеяла и простыни, и сбрасывают вниз своим подельникам. Все спешат, деловито суетятся, ибо тоже понимают — немцы на подходе!

Некоторые из грабителей не только грабят пустые квартиры, но и, взломав замки, нахально и беззастенчиво заселяются в них! Причём, иногда даже не гнушаются выбросить из приглянувшихся им квартир живущих там хозяев.

На углу Советской и Большой Морской, там, где сегодня колбасный магазин (речь идёт о 1985 г.), на улице стоит металлическая

панцирная кровать с весьма пожилой, очевидно, больной и неходячей женщиной. Мне показалось, что она еврейка, но, возможно, я ошибаюсь. Скорее всего, семья не смогла организовать транспорт для её эвакуации и она осталась одна в своей квартире.

Увидев меня — офицера в форме, она истошно кричит: «Товарищ командир, помогите! Меня, больную, вынесли на улицу, а квартиру занимают чужие люди!» Ну чем я могу ей помочь? Что я могу в такой ситуации сделать? У меня, конечно, пистолет и в нём восемь патронов, но я один, а людей на улице только у этого дома человек 15 вертится. Ударят по голове — пока очнусь, в городе будут немцы. Бегу не останавливаясь.

*Одна из последних фотографий моего
деда Ивана Тимофеевича Христенко и бабушки Надежды Алексеевны*

Где-то в районе Садовой и Большой Морской дорожку мне перегородила какая-то шпана — банда человек 5-6. Кричат: «Держи коммуниста». Достал пистолет. Пришлось отстреливаться. Не помню, попал в кого-то или нет — не до того было. Выбежал на Первомайскую (нынешний проспект Ленина, 1985 г.) и невольно обратил

внимание на зловещую тишину в городе. Даже странным показалось — раннее утро, на Советской полно народу, а тут, на Слободке, почти никого — ни людей, ни машин.

Позже читал в сводках, что в это самое время в Николаеве шли упорные бои. Не знаю, где и как они могли идти, только тишина была просто мёртвая. Невольно пришла в голову нелепая мысль о том, что после того, как мой батальон так подло бросили, я теперь остался один-единственный на весь город в военной форме. За всё время, пока я бежал по Николаеву не встретил ни одного военнослужащего или милиционера!

Стало по-настоящему страшно! Один в целом городе среди тысяч и тысяч тех, кто сознательно или вынужденно, но тем не менее, остался для того, чтобы жить под немцами в оккупации. Мысли о том, чтобы присоединиться к ним не было в принципе! Я — член партии, меня в городе многие знали, в том числе и члены моего, теперь уже бывшего сапёрного горе-батальона, да и форма же на мне. Проверяю пистолет. Один патрон ещё есть! Сразу решаю, если что, то для себя...

Слава Богу, не случилось — пронесло...

Кстати, пока шёл по николаевским улицам, практически через весь город, не увидел никаких разрушений «от бомбёжек при налёте авиации противника», о которых потом столько раз читал и слышал от «очевидцев». Николаев, во всяком случае, в тех местах, по которым мне довелось идти, не пострадал. Как не пострадали и его судостроительные заводы, на которых если и были разрушения, то только те, что были организованы нашими отходящими войсками, выполнявшими известное распоряжение Сталина.

*Директива Ставки ВГК Военному Совету Юго-Западного направления о мерах по улучшению организации боевых действий
12 августа 1941 г. 05 ч 50 мин*

Комфронта Тюленев оказался несостоятельным. Он не умеет наступать, но не умеет также отводить войска. Он потерял две армии таким способом, каким не теряют даже и полки. Предлагаю Вам выехать немедленно к Тюленеву, разобраться лично в обстановке и доложить незамедлительно о плане обороны. Николаев

сдавать нельзя. Нужно принять все меры к эвакуации Николаева и, в случае необходимости, организовать взрыв верфей и заводов.

Ни авиацией, ни стрелковыми дивизиями Ставка в настоящий момент помочь не может.

Если обяжет обстановка, можете взять сами на себя дело отвода частей и организации обороны.

СТАЛИН

*Недостроенные советские подводные лодки С-36 и С-37
на судостроительном заводе им. Марти в Николаеве.*

Немецкое фото от 17 августа 1941 г. в первый день оккупации.

Позже я узнал, что судостроительные заводы в Николаеве и в самом деле практически не пострадали — большая часть находящихся там недостроенных кораблей, а также оборудование, склады и цеха остались целыми. Это позволило фашистам, почти сразу после начала оккупации, наладить работу этих заводов по восстановлению оставленных там недостроенных кораблей и строительству новых...

Недостроенный линкор “Советская Украина” на стапелях завода им. Марти в оккупированном Николаеве. Октябрь 1941 года

Через час я уже был за городом среди тысяч других беженцев, бредущих, как и я, к спасительному (как нам всем казалось!) Херсону... По дороге в Херсон разговорился с кем-то из случайных попутчиков. Спрашивает:

— Ты как вырвался из Николаева?

— Почему вырвался, спрашиваю, — немцы ещё в город не вошли, когда я уходил.

— Как не вошли? Они уже два часа, как в городе, — вошли со стороны Водополя.

— Не знаю. Я, когда час назад на херсонскую трассу выходил, никого не видел.

— Странно...

Из сводок Совинформбюро. «В течение 17 августа наши войска продолжали вести ожесточённые бои с противником на всем фронте. После упорных боёв (выделено мной, авт.) наши войска оставили города Николаев и Кривой Рог. Николаевские верфи взорваны»

Странностей было, действительно, много. Кто-то говорил, что немцы чуть ли не в 5 утра вошли в город по Варваровскому мосту. Другие утверждали, что они ещё раньше вошли со стороны Терновки. Теперь, вот, Водопой вспомнили. Объединяло всех то, что никто толком ещё не видел фашистов, но панический страх перед ними овладел всеми.

В Херсон я попал уже ближе к вечеру того же 16 августа. На часы почти не смотрел, но подспудно чувствовал, что хоть и лето на дворе, но день уже заканчивается. Сразу нашёл военкомат, доложил по форме местному начальнику. А тот, что называется, завёлся с пол оборота и сразу в крик: «Дезертир! С фронта удрал!».

Объясняю ему, что Николаев уже с утра, как под немцами и никто город не защищает — сдали его без боя. «Да я тебя под трибунал, кричит. — Твои боевые товарищи в это самое время насмерть стоят, защищая Николаев, а ты сбежал! И батальон свой бросил — а он, между прочим, в это самое время, может быть, там сейчас без тебя оборону держит! Да ты, вообще, слышал о сегодняшнем Приказе Верховного Главнокомандующего? Там как раз о таких, как ты, дезертирах говорится! *(Речь идёт о Приказе Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии №270 от 16.08.1941г., см. ниже)*

Немецкие саперы ремонтируют Варваровский мост через Южный Буг в оккупированном Николаеве. Фото от 23 августа 1941 года — через неделю после начала оккупации города

— Нет, говорю, где я мог слышать? Я же весь день в дороге был...

Вызвали конвой. Пришлось сдать оружие и все документы моего сапёрного батальона. Причём всё это произошло настолько стремительно, практически в течение 5 минут! Вот уж, что называется, попал под раздачу...

Согласно этому Приказу, всех дезертиров следовало расстреливать на месте, а их семьи поражать в правах. (см. приложение 1) Поэтому и мне, как подпадавшему под этот Приказ, вскоре объявили о предстоящем расстреле и велели ждать в арестантской комнате, когда насобирают ещё таких же, как и я, дезертиров. Только там я вспомнил, что уже вторые сутки ничего не ел. Впрочем, все мысли были не об этом, а о той ситуации, в которую так глупо попал.

Уснул только под утро. А через час всем объявили (а нас к тому времени «насобиралось» уже человек 12), что всех нас спешно отправляют на фронт искупать свою вину перед Родиной. Хотя, мне кажется, дело было совсем в другом — немцы 18 августа уже подходили к Херсону, и солдат для его обороны тоже не хватало.

Какой-то подполковник зачитал мне приказ о моём расстреле, и тут же объявил об отсрочке его приведения в исполнение до... окончания войны. С этим радостным чувством и не менее радужными перспективами я потом ещё почти год воевал в штрафном батальоне. А в октябре 1943 года меня демобилизовали и направили на строительство разрушенных вокзалов и железнодорожных станций на освобожденной от фашистов территории Днепропетровской области».

* * *

P.S. Я написал эти воспоминания моего деда вовсе не для того, чтобы бросить хоть малейшую тень на настоящих героев-фронтовиков. Воины Великой Отечественной заслуживают самых возвышенных слов и всеобщего уважения. Они этого заслужили, хотя большинства из них уже давно нет в живых! Но именно поэтому сегодня они совсем не нуждаются в каком-либо дополнительном украшательстве и придуманной героизации.(приложение 2) Вре-

мена политизации, я надеюсь, давно прошли и сегодня мы просто обязаны по крупицам воссоздать реальную историю той Великой Отечественной войны...

Несколько лет назад в московской прессе стали появляться публикации, в которых ставился под сомнение подвиг 28-ми героев-панфиловцев в бою под Москвой осенью 1941 года.

Сказать, что это вызвало ответную бурю негодования, значит, ничего не сказать! На защиту «героев» массово поднялись общественные и ветеранские организации, депутаты, прославленные военачальники, известные артисты... Все были возмущены самим фактом публикации, в которой ставился под сомнение один из символов героизма советского воина, запечатлённого в гранитной стеле под Москвой, в десятках книг и кинофильмов и даже в гимне города Москвы, который написал наш земляк-николаевец Марк Лисянский:

*Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в веках будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!*

В поддержку публикации-разоблачения выступила только одна организация — Государственный архив Российской Федерации, который обнаружил засекреченные ранее документы ЦК ВКП(б), датированные июнем 1948 года, неоспоримо подтверждающие фальсификацию этого подвига, а также то, что вся эта история о «героях-панфиловцах» была всего лишь плодом фантазии журналистов газеты «Красная звезда». Желающие могут посмотреть эти документы здесь: <http://www.statearchive.ru/607>

Кстати, как выяснилось при расследовании, фамилии «героев» для своей публикации «О 28 павших героях» в газете «Красная Звезда» от 22 января 1942 года фронтовой корреспондент А. Кривицкий просто-напросто взял из списков личного состава

316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова.

Впоследствии допрошенный в ПУРе (Политуправление Красной армии) А. Кривицкий показал: «Слова политрука Клочкова, написанные в моём подвале: «Россия велика, а отступать некуда — позади Москва» — я выдумал сам. В части же ощущений и действий 28 героев — это мой литературный домysel...»

(http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/6/petrov.html)

Удивительней всего то, что лишь на основании этой статьи всем панфиловцам были присвоены высокие звания Героев Советского Союза! Примечательно, что один из таких «павших героев» по фамилии Д.А. Кужебергенов не только остался жив, но даже потом побывал в плену у немцев. Тем не менее, уже после войны он получил-таки «причитающуюся» ему звезду Героя и длительное время пользовался всеми положенными привилегиями! Более того, его имя упомянул в своей поэме «Слово о 28 гвардейцах» известный советский поэт Николай Тихонов:

*И говорит Кужебергенов
Дружку Натарову: — Иван,
Москвы стоят за нами стены,
Любимый солнцем Казахстан!
Но дай сейчас две жизни сразу —
Не пожалею их в бою,*

*Чтоб бить немецкую заразу
И мстить за родину свою!
Стоит на страже под Москвою
Кужебергенов Даниил.
Клянусь, своею головою,
Сражаться из последних сил!*

Также допрошенный по поводу исходных материалов, служивших ему основой для написания этой поэмы, поэт Николай Тихонов показал: «По существу, материалами для написания поэмы

послужили статьи Кривицкого, из которых я и взял фамилии, упоминаемые в поэме. Других материалов у меня не было».

http://pikabu.ru/story/glavnyiy_voennyiy_prokuror_vs_sssr_o_28_panfilo_vtsakh_k_postu_3229101

Другой из этих «героев» — И.Е. Добробабин не только добровольно сдался в плен фашистам в начале 1942 года, но и служил начальником полиции в селе Перекоп Харьковской области! Тем не менее, и ему Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 года за проявленные мужество и героизм посмертно (!) было присвоено звание Героя Советского Союза.

В августе 1944 года, уже после освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков, случайно узнав из письма брата о присвоении ему посмертно (!) звания Героя Советского Союза, Добробабин подал рапорт о выдаче причитавшейся ему награды. И получил! Кстати и его «увековечил» в той же поэме «Слово о 28 гвардейцах» поэт-конъюнктурщик Николай Тихонов:

*Часы идут. В крови снега.
Гвардеец видит, умирая,
Недвижный, мертвый танк врага
И новый танк, что встал, пылая.
Нет Добробабина уже,
Убит Трофимов и Касаев —
Но бой кипит на рубеже,
Гвардейский пыл не угасает.*

Ивана Добробабина разоблачили только в 1947 году, а 8 июня 1948 года приговором военного трибунала Киевского военного округа он был осуждён на 15 лет лишения свободы, формально оставаясь при этом Героем Советского Союза! Он был лишён этого звания только 11 февраля 1949 года Указом Президиума Верховного Совета СССР.

http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=6518

Тем не менее, имя этого предателя до сих пор золотыми буквами горит на мемориале героев-панфиловцев в Москве на улице носящей их имя (ул. Героев панфиловцев, д. 12, к. 1), куда школьники по праздникам традиционно возлагают цветы:

Точно так же и историю обороны города Николаева в августе 1941 года следует очистить от надуманных мифов, лакирования и политической конъюнктуры прежних времён. Сегодня актуальной становится только правда. Настоящая, пусть даже горькая и «непричёсанная» — нелюбимая правда о Великой войне, унесшей жизни десятков миллионов наших соотечественников.

Убеждён, что именно сегодня это, как никогда, нужно — и ныне живущим на земле и, конечно же, всем последующим поколениям николаевцев.

* * *

Мой дед, оборонявший Николаев,
До самой смерти не желал принять
Рассказы «очевидцев»-негодяев
И называл их ёмким словом б\$\$дь.

Нахальные, с горящими глазами,
Собою воплощавшие цинизм,
Они трясли, мерзавцы, орденами
И нагло ввали нам про героизм...

А в день Победы, заложив за ворот,
Им был привычен пафосный гундёж:
«А помнишь, мы обороняли город...»
И дед взрывался, слыша эту ложь!

Сменилось время — ну и слава Богу!
Но и сегодня слышу я порой,
Рассказы, наводящие изжогу,
Как защищали город мой родной!

Как по ночам атаки отбивали,
И были все Отечеству верны...
А город, между прочим, просто сдали
Бездарности Великой той войны...

Я не хочу обидеть ветеранов —
На них, на воевавших, бросив тень,
Но гадко, что опять с телеэкранов
Войну мусолят все, кому ни лень.

У нас такое испокон не ново,
Но, если слышу этих воплей шквал,
Я тоже вспоминаю это слово,
Которым дед мерзавцев называл!

Приложение 1

**Приказ Ставки Верховного
Главного Командования Красной
Армии от 16 августа 1941 г. N 270
(выдержки)**

...

Приказываю:

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые,

а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

Ставка Верховного Главного Командования Красной Армии

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. СТАЛИН

Зам. Председателя Государственного Комитета Обороны

В. МОЛОТОВ

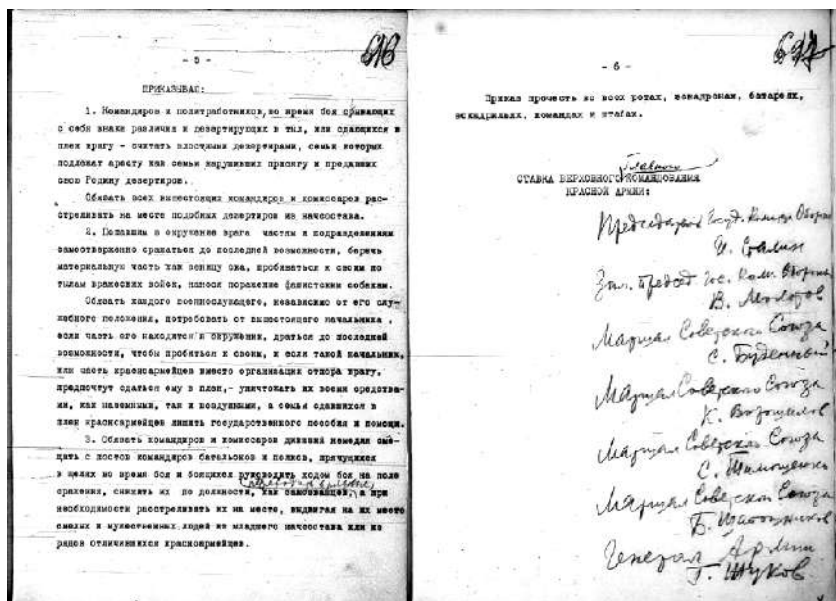
Маршал Советского Союза С. БУДЕННЫЙ

Маршал Советского Союза К. ВОРОШИЛОВ

Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

Маршал Советского Союза Б. ШАПОШНИКОВ

Генерал армии Г. ЖУКОВ

Приложение 2

Выдержки из воспоминаний полковника в отставке А. В. Мухрякова об участии 122-го зенитного артиллерийского полка в военных действиях при обороне г. Николаев в 1941 году. Ноябрь 1986 г. (ГАНО Ф.П-4074, оп. 1, д. 623)

4. С конца I-ой декады августа 1941 г. главной задачей полка становится сухопутная оборона - борьба с передовыми, механизированными подразделениями фашистской дивизии "Адольф Гитлер", пытавшихся с ходу ворваться в Николаев по Варваровскому мосту. Бой за переправу у Варваровки продолжался несколько суток. Артиллеристы трех батарей 85-го дивизиона, одной батареи I-го дивизиона с основных позиций, расположенных на правом берегу Буга, при поддержке 2-х 85 мм батарей 70-го батальона, расположенных на левой стороне Буга, своим огнем срывали все попытки гитлеровцев захватить Варваровку, мост и ворваться в город. Потерпев здесь неудачу немецкое командование предприняло обходный маневр. Танки гитлеровцев фарсировали Буг выше Николаева и попытались захватить город с тыла со стороны Херсона, но и здесь получили достойный отпор, понеся чувствительные потери от огня батарей 122ЗАП и полуметного батальона.

В боях с сухопутным противником на Николаевщине полком уничтожено более 20 танков, 10 минометов, 3 орудия, 5 бронетранспортных, 7 автомашин, 12 мотоциклистов с пулеметными установками, большое количество живой силы.

Примечание: I. Здесь приведен перечень трофеев лишь тех, которые были оставлены на нашей территории, какие можно было посмотреть, посчитать т.е. "Посчитать". Фактические потери противника должны быть значительно больше т.к. при стрельбе на большие дистанции результат не всегда можно было установить.

6.

жал вперед, расметил сектор обстрела и залег с карабином в руках впереди орудия. Пушка открыла огонь и побила танк противника. Экипаж выскочил из горящего танка и бросился бежать, но был настигнут меткими выстрелами Степанова.

д/ В силу сложившейся обстановки батарея ст. лейтенанта В.И. Виллова оставила старую огневую позицию и встала на новую в районе Варваровки. Н^а старой ОП для подготовки к отправки на левый берег Буга остался лейтенант Галанцев с группой бойцов. Вскоре Галанцев увидел, что к ОП приближается большая группа мотоциклистов с пулеметами. Галанцев вместе с бойцами укрылся ^{одном} в из орудийных котлованов и продолжал наблюдение. Недоезжая до ОП 100-150 метров мотоциклисты остановились "спешились" и начали, что то, оживленно обсуждать. Галанцев по телефону доложил обстановку к-ру батареи и вызвал огонь "на себя". Координаты позиции были точно известны, поэтому первые же залпы достигли цели. Гитлеровцы в панике бежали, оставив на поле боя несколько трупов и подбитых мотоциклов.

Аналогичных примеров можно привести очень много, но я думаю, что и этих достаточно, чтобы иметь представление о боевых делах личного состава 122 зенитного артиллерийского полка Николаевской Военно-морской базы.

Полковник в отставке Мухряков.

21.11.86 г.

Содержание

ПОЭЗИЯ	6
Каштановый сквер	7
Nostalgie.....	8
Этот город.....	9
Между третьей и шестой.....	10
Старый николаевский яхт-клуб.....	12
Из детства.....	14
Осенний этюд.....	15
Осень на Сухом Фонтане	16
Летний ангел.....	17
Сухой Фонтан.....	18
Уходит время.....	20
Город на букву М.....	22
Гастроном на Советской.....	24
Маме.....	26
Две дороги	27
 СПАСИБО ВАМ, МОИ ДРУЗЬЯ.....	28
Пророк.....	29
Зима	31
Вячеславу Качурину	33
Диоген.....	35
Прометей.....	37
Мовчання волхвів.....	39
Реквием.....	41
Зоопарк.....	42
Афганец.....	44
Еланецкая орбита	46
Нерекомендованный.....	48
Императрица.....	50
Сюжет для старой пьесы.....	52
Рождество.....	54

Ангелы.....	55
Наши авианосцы.....	56
Цыганка.....	58
Бабье лето.....	60
Душа.....	61
Ушёл мой друг.....	63
Заграница.....	64
Лоскутки.....	65
Молитва.....	66
Снег.....	67
Цыганке.....	68
Театральный художник.....	70

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ.....72

Снегопад.....	73
Случайный взгляд.....	74
Романс невысказанных слов.....	75
Молитва.....	77
Pignora fatis*.....	78
Стихотворец.....	79
Старый Новый год.....	80
С добрым утром!.....	81
«Среди людей отмечено давно...».....	82
«Скупая осень шелестит дождями...».....	83
Бессонница.....	84
За окошком серый дым.....	85
«Отрепленный от всего земного...».....	86
Снежинка.....	87
Красавице, родившейся на Старый Новый год.....	88
Прогулки под дождём.....	89
Любовь-online.....	90
Пешки.....	91
Диалоги.....	92
Потом, когда закончится война.....	93

Крещение.....	95
На смерть друга.....	97
Под удилами.....	98
Коли, нарешті, згине ця війна.....	99
Меня нашла шальная пуля.....	100
Артобстрел.....	101
По кругу.....	102
Из детства.....	103
Дмитру Кременю.....	104
Покаяние.....	105
«Тунеядец».....	106
Каин.....	108
Рабы.....	110
Язык полицаев.....	111
«Одним даётся сила и напор...».....	113
Напередодні.....	114
«О выборах бы надо, может быть...».....	115
Клопы и соловей.....	116
Покуда говорят поэты.....	117

ПОЭМЫ 118

Открытие Николаева.....	119
Литературный город N*.....	129

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ 141

Помощник.....	142
Воспитание мужчины.....	143
Лежебока.....	144
Мышка с мышкой шла под мышкой.....	145
Кошкин сон.....	146
Мишка-почемучка.....	147
Песенка домашнего кота.....	148
Запятые перед как.....	150
Читатель.....	151

Для тех, кто учится произносить букву Ш	152
Поздравления певице Ирине Шведовой от моего внука Мишки.....	153
Считалочка.....	154
ПАРОДИИ И ШУТКИ.....	159
Про Пегаса.....	160
Шекспировские страсти.....	161
Разговор со Всевышним в предновогоднюю ночь.....	163
Шуточные стихи по поводу поэмы Аркадия Сурова «Николаевская азбука»	166
Полу.....	168
Рецепт стихосложения.....	169
Женский манифест	170
Про интернет.....	172
Про собак.....	173
История любви (виртуальный вариант).....	174
Январские размышления о Вере, Надежде, Любви и Славе.....	176
Расписка.....	177
22 апреля 2019 г.....	179
Наваждение.....	180
Гребёж.....	181
Вячеславу Качурину в день рождения.....	182
Диалог с В. Качуриным по поводу NN	183
Донос	184
Диалог на пленэре.....	186
Дом-2.....	187
Зайка	188
Гастрономический сонет	189
Конъюнктурщик.....	190
В защиту Дантеса.....	191
Ода НЕспящей красавице	193
Письмо генералу	194

Счастливы́й вдовец.....	196
Плач редактора литературного журнала в год Красной Обезьяны.....	197
Журналистке NN по поводу моих пародий.....	198
«Не знаю, как в былые годы...».....	199
О смысле жизни.....	200
Визит.....	201
Аркадию Сурову.....	203
По законам антропони́мики*.....	204
ГАИшная лирическая.....	205
Банковская лирическая.....	207
Чиновни́чья лирическая.....	209
ЖЭЖовская лирическая.....	211
Депутатская лирическая.....	213
Научный диспут об идеальности мира.....	215
Диалог о свободе.....	217
Панегирик.....	218
По-гусарски.....	219
Ответ поэта Эвелины Пиженко.....	221
И, наконец, мой ответ на её ответ.....	222
Утренний кофе.....	223
Дачная меланхолия.....	225
Переписка Онегина с Татьяной. Наши дни.....	227
Ответ современного Онегина Татьяне.....	229
О тех, кто пишет в стол.....	230
Командировка на юг.....	231
Про баню.....	232
Всё, как всегда.....	233
О разделении властей.....	234
Профессия.....	235
Завещание.....	236
Про шпионов.....	237
Слова.....	238
Безответная лю.....	239

На линии огня.....	240
Творец ошибся.....	241
Про гадюк и поэтесс	242
Возвращение домой	243
Про блондинок	244
Про враньё.....	245
Объявление.....	246
Метеорит.....	247
Друзьям-плагиаторам.....	248
Прикоснуться до меня.. ..	249
Двухстопный ямб.....	250
Раздевание догола	252
Не ложьте.....	253
Рецензия	254
Некоторые пояснения к пародии «Рецензия»	255
Отповедь графоману.....	258
Правописание наречий.....	259
Полусонная бра.. ..	260
Немало — не мало	261
Признание (шутка).....	262
ШУТОЧНЫЕ ПОСЛАНИЯ ДРУЗЬЯМ	264
10 лет спустя.....	265
Как мы познакомились.....	265
Посвящение чайнику.....	268
Как я пародировал Качурина.....	270
Неудачная швартовка.....	271
О свиньях в жизни и литературе.....	272
Как я «переводил» Качурина.....	275
И всё понять я не могу.. ..	276
Не зрозуміти аж ніяк.....	277
Вместо заключения.....	278
Накануне 20 января 2017 года.....	279
«Куда теперь без гитариста?..»	280

«Покуда существует белый свет...»	281
Поздравление в день рождения поэту В. Качурину от (якобы!) коллеги по перу Н. Щедровой	284
Дмитру Креминю	285
Поэту Д. Креминю, по поводу его просьбы передать книгу В. Коротичу	287
Посвящение на книге	288
Памяти Николаевского городского Головы В. Чайки	288
Посвящение на книге. Директору библиотеки Т. Твердой	289
Посвящение на книге. Директору Николаевского зоопарка В. Топчему	290
Посвящение на книге. Поэту Д. Креминю	291
Посвящение на книге. Руководителю цыганского ансамбля «Бахталэ» В. Юрковскому	292
Посвящение на книге. Памяти Директора библиотеки Т. Роскиной	293
Поэту Н. Щедровой в Прощённое Воскресенье	294
Поэту О. Мачулі	295
Ромашки	296
Л. Матвеевой, которая решила писать прозу	297
Прозаику и доктору А. Финогееву, который решил писать стихи	298
Прозаику А. Финогееву, автору книг «Миражи тумана» и «И жизнь, и слёзы, и любовь» в день рождения	299
Александру Финогееву — капитану 2 ранга, доктору, литератору	300
Шуточные послания по поводу книг А.В. Финогеева	301
Поэту и музыканту Александру Иванову	302
А. Иванову в день рождения 2016 г.	303
А. Иванову в день рождения 2019 г.	304
Николаевскому краеведу Анатлию Абидору	305

А. Абидору	306
Поэту Евгению Куцеву по поводу его, на мой взгляд, слегка «растянутой», поэмы	307
Директору Николаевского зоопарка В.Н. Топчему в день его юбилея	308
Надежде Ермаковой, литературному редактору моих стихотворений	309
Ирине Бенчивенге — актрисе Николаевского русского драматического театра.....	311
Поэту Аркадию Сурову	312
Вячеславу Рукоманову в день рождения.....	313
В. Рукоманову, который все свои дни рождения празднует за границей	315
Ю.В. Ростиславову в день юбилея.....	317
В.К. Новожилову в день юбилея.....	318
Поэту Ю. Соколову в день рождения	320
Капитану 2 ранга, подводнику В.В. Мацкевичу — другу и учителю в день 85-ти летия.....	321
Поэту А. Павлову в день 50-ти летия.....	323
Татьяне Роскиной в день рождения.....	324
Юрию Юрину, который представился как писатель и издатель.....	325
Виталию Олейнику — прозаику и журналисту	326
Эвелине Пиженко — поэту и прозаику в день рождения.....	327
ШУТОЧНЫЕ ПОДПИСИ К ФОТО.....	328
Поэту и барду Вячеславу Качурину.....	329
Вячеславу Качурину	330
Вячеславу Качурину	331
Вячеславу Качурину	332
Аркадию Сурову.....	333
Художнику Сергею Пантелеичуку	334

Надежде Щедровой.....	335
Профессору-филологу Владимиру Гладышеву, который неожиданно предстал в образе Деда Мороза.....	336
Профессору В.В. Гладышеву	337
Александру Иванову.....	338
Александру Иванову.....	339
А. Иванову по поводу облачения в генеральский китель	340
Александру Иванову.....	341
Ирине Гудым.....	342
Елене Маврокордато	343
Елене Маврокордато	344
Елене Маврокордато	345
Елене Маврокордато	346
Татьяне Даниленко.....	347
Татьяне Даниленко.....	348
Ларисе Матвеевой по поводу её книги «Мозаика стихов»	349
Анатолию Секкеру.....	350
Прозаику и доктору Александру Финогееву	351
Александру Финогееву, автору книги «Миражи тумана».....	352
Александру Финогееву в день свадьбы сына.....	353
Художнику Сергею Пантелейчуку и драматургу Альберту Вербейцу	354
Елене Маврокордато и Татьяне Чичкалюк.....	355
Александру Панину.....	356
Надежде Ермаковой.....	357
Вячеславу Рукоманову.....	358
Юлии Ковалевской.....	359

ПРОЗА.....	360
Дед Мороз.....	361
Я люблю тебя, мой город.....	366

Вкус провинции	372
Предчувствие	379
Відкритий урок.....	385
Стихотворец.....	393
Полёты в космос в мечтах и наяву	401
Байконур	401
Гидзенко	403
Экипаж.....	407
Старт.....	409
Два поэта.....	411
«Оборона Николаева»	421
Накануне.....	421
16 августа.....	429
«Мой дед, оборонявший Николаев...»	441
Приложение 1	442
Приложение 2.....	444

Володимир Христенко

КАШТАНОВИЙ СКВЕР

Збірка поезій та прози

(Російською та українською мовами)

Редактор
Коректор Даниленко
Дизайн та верстка Серьогіної М. Д.

Формат 64х90/16. Ум. друк. арк. 28,5.
Папір офсетний. Друк цифровий. Наклад прим.
Замовлення № від
Видавець та виготовлювач:
ФОП Швець В. М., місто Миколаїв
(0512) 50 04 48

Свідоцтво видавничої справи:
ДК №5078 від 01.04.2016